

Том 2, № 2
2005

Учредитель
Государственный университет
Высшая школа экономики

Главный редактор
Т.Н. Ушакова

Редакционная коллегия
К.А. Абульханова-Славская
Н.А. Алмаев

Т.Ю. Базаров
В.А. Барабанщиков
А.К. Болотова
А.Н. Гусев
А.Л. Журавлев
Г.В. Иванченко
Е.А. Климов
А.Н. Лебедев
Д.А. Леонтьев
Д.В. Люсин
Н.Б. Михайлова
В.Ф. Петренко
А.Н. Подьяков
В.А. Пономаренко
И.Н. Семенов
Е.А. Сергиенко
И.Е. Сироткина
Е.Н. Соколов
Д.В. Ушаков (зам. глав. ред.)
А.М. Черноризов
В.Д. Шадриков (зам. глав. ред.)
А.Г. Шмелев

Отв. секретарь
В.В. Овсянникова
Редакторы *А.В. Александрова* и
О.В. Шапошникова
Переводы *И.Е. Сироткиной*
Корректурa *О.В. Гаврильченко*
Компьютерная верстка
Е.А. Валуевой

Адрес издателя
и распространителя:
101990, Москва, ул. Мясницкая, 20.
Тел. 772-95-71; факс 772-95-71
E-mail: id.hse@mail.ru

Перепечатка материалов только
по согласованию с редакцией

© ГУ ВШЭ, 2005 г.

ПСИХОЛОГИЯ

Журнал Высшей школы экономики

СОДЕРЖАНИЕ

Философско-методологические проблемы

В.Ф. Петренко. Психосемантические
аспекты картины мира субъекта 3

Теоретико-эмпирические исследования

Г.В. Иванченко. Стратегии профессионального
самоопределения и репрезентации
профессионализма 24

Специальная тема выпуска:

Экзистенциальная психология и психотерапия (к 100-летию Виктора Франкла)

А.Б. Орлов. Вступительное слово 52

А. Лэнгле. Человек в поисках смысла 55

А.Б. Орлов, В.Б. Шумский. Ноэтическое
измерение человека: вклад Виктора Франкла в
психологию и психотерапию 65

А. Лэнгле. Терапевтический случай нахождения
собственного Я (применение метода
персонального экзистенциального анализа) 81

А. Лэнгле, С.Н. Зайцев, В.Б. Шумский.

Экзистенциальный анализ в практике
телефонного психологического
консультирования 99

Короткие сообщения

М.Д. Бугаева. Интеллект и подверженность
психологическому влиянию 110

О.А. Гулевич, Е.О. Гольничик. Обыденные
представления о справедливости правовых
решений 119

В.Ф. Спиридонов, В.Ю. Степанов. Анализ
механизмов решения регулярных задач 126

Обзоры и рецензии

Психология человеческой силы: Фундаментальные
вопросы и направления развития позитивной психо-
логии / Под ред. Л. Аспинуолл и Ю. Стодингер.

Рецензия И.В. Блинниковой 132

Э.М. Эллис. Войны разводов. Работа
с семейным конфликтом. *Рецензия А.З. Шапиро,*

Е.А. Крюковской, А.С. Шульгиной 137

Резюме выпуска на европейских языках 141

Vol. 2, № 2
2005

Publisher
State University
Higher School of Economics

Editor
T.N. Ushakova

Editorial Board
K.A. Abulkhanova-Slavskaja
N.A. Almaev
T.Yu. Bazarov
V.A. Barabanshikov
A.K. Bolotova
A.N. Goussev
A.M. Chernorisov
G.V. Ivanchenko
E.A. Klimov
A.N. Lebedev
D.A. Leontjev
D.V. Lyusin
N.B. Michailova
V.F. Petrenko
A.N. Poddiakov
V.A. Ponomarenko
I.N. Semenov
E.A. Sergienko
V.D. Shadrikov (Vice Editor)
A.G. Shmelev
I.E. Sirotkina
E.N. Sokolov
D.V. Ushakov (Vice Editor)
A.L. Zhuravlev

Managing Editor
V.V. Ovsjannikova
Translation *I.E. Sirotkina*
Copy editing *A.V. Alexandrova,*
O.V. Shaposhnikova,
O.V. Gavrilchenko
Page settings *E.A. Valueva*

Publisher and Distributor's Address:
ul. Myasnitskaya, 20, 101990,
Moscow, Russia.
Tel. 772-95-71; fax 772-95-71
E-mail: id.hse@mail.ru

No part of this publication may be reproduced without the prior permission of the copyright owner

© SU HSE, 2005

PSYCHOLOGY

the Journal of the Higher School of Economics

CONTENTS

Theory and Philosophy of Psychology

V.F. Petrenko. Psychosemantic of the Person's Image of the World 3

Theoretical and Empirical Research

G.V. Ivanchenko. Strategies of Professional Self-identification and Representation of Professionalism 24

Special Theme of the Issue. Existential Psychology and Psychotherapy: Towards Viktor Frankl's Centenary

A.B. Orlov. Introduction 52

A. Längle. Man's Search for Meaning 55

A.B. Orlov, V.B. Shoumskij. Noetic Dimension of Human Being: Viktor Frankl's Contribution to Psychology and Psychotherapy 65

A. Längle. A Therapeutic Case of Finding One's Own Self: The Method of Personal Existential Analysis 81

A. Längle, S.N. Zaitsev, V.B. Shoumskij. Existential Analysis in the Practice of Telephone Psychological Counselling 99

Work in Progress

M.D. Bugaeva. Intelligence and Suggestibility ... 110

O.A. Gulevich, E.O. Golynchik. Common Attitudes to the Fairness of Legal Decisions 119

V.F. Spiridonov, V.Iu. Stepanov. The Analysis of the Regular Problems Solving 126

Reviews

A Psychology of Human Strengths: Fundamental Questions and Future Directions for a Positive Psychology / Ed. by L.G. Aspinwall, U.M. Staudinger. *Reviewed by I.V. Blinnikova* 132

E.M. Ellis. Divorce Wars. Interventions with Families in Conflict. *Reviewed by A.Z. Shapiro, E.A. Krukovskaya, A.S. Shulygina* 137

Summary of the Issue 141

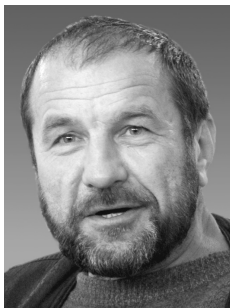

Философско-методологические проблемы

ПСИХОСЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ КАРТИНЫ МИРА СУБЪЕКТА¹

В.Ф. ПЕТРЕНКО

Петренко Виктор Федорович — заведующий лабораторией факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, член-корреспондент РАН, доктор психологических наук, профессор, лауреат премии Президиума РАН им. С.Л. Рубинштейна за цикл исследований в области психосемантики сознания.
Контакты: pit@aha.ru

Резюме

Проблема картины мира восходит к И. Канту и выступает как проблема категорий сознания, в которых структурируется, упорядочивается опыт субъекта познания. Картина мира — интегральное образование, определяющее поведение человека и включающее не только когнитивные, но и ценностные, эмоциональные аспекты. Картина мира субъекта раскрывается через становление самого субъекта в широком контексте его смыслообразования, «еще не ставшего бытия», в контексте мало изученной категории судьбы. Обсуждаются психосемантические техники анализа картины мира, а также эксперименты с использованием гипноза.

«Картина мира — интегральное понятие», вбирающее в себя различные содержательные локусы восприятия мира. Человек строит модели различных аспектов действительно-

сти, начиная с образа самого себя, других людей, социальных систем и кончая моделями Мира, включающими смысл его существования. «Карта не есть территория», и образ

---

¹Исследования проводятся при финансовой поддержке РГНФ, грант № 03-06-00290.

мира не есть слепок с физической действительности. В картину мира входят и научные знания, и житейский опыт субъекта, жизненные ценности культуры, к которой он принадлежит, и личностные смыслы самого субъекта, индивидуализирующие его мировосприятие.

Согласно принципу «единства сознания и деятельности» С.Л. Рубинштейна или «основному постулату» Дж. Келли, гласящему, что поведение субъекта канализируется по руслу тех конструктов, в рамках которых происходит антиципация событий, картина мира субъекта определяет его поведение.

Так, для того чтобы функционировали политические и экономические институты, необходимы определенные фигуры сознания людей, реализующих экономическое и политическое поведение. Например, для того чтобы существовало феодальное общество, необходимы феодалы, имеющие свои представления об отношениях вассала и сюзерена, о долге и чести рыцаря; крестьяне, имеющие свое отношение к земле и труду, погруженные в мир представлений сельской общины и ее традиционный уклад; наконец, необходима некая религиозная идеология, синхронизирующая взаимодействие различных сословий.

Для того чтобы существовало социалистическое общество советского типа (эпохи развитого социализма), необходима особая форма «двоемыслия» (Дж. Оруэлл) или «кентаврического сознания» (М. Мамардашвили), при котором нормы поведения граждан определяются не декларируемыми и закрепленными в конституции правами, а некими негласны-

ми правилами, нарушение или даже попытка обсуждения которых карается «компетентными органами» — этой инквизицией XX в.

Областью психологической науки, изучающей картину мира индивидуального или коллективного субъекта, является экспериментальная психосемантика.

Психосемантика исследует генезис, структуру и функционирование индивидуального или общественного сознания, его ведущей образующей — значения. Формой фиксации значения как «единицы, связующей общение и обобщение» (Л.С. Выготский), «формы, в которой кристаллизован общественный опыт» (А.Н. Леонтьев), «системы дифференциальных признаков соотношения с различными видами взаимоотношения слов в процессе реальной речевой деятельности» (А.А. Леонтьев), «идеальных конструкций, моделей, в которых представлены формы обобщений совокупного общественного опыта» (В.Ф. Петренко), могут выступать в первую очередь слова естественного языка, а также знаки, символы, изображения, выразительные движения, формы ритуального поведения и т. д. в их инвариантном для различных индивидов данной культуры социально-нормированном смысле.

Психосемантика, как и родственная ей психолингвистика, исследует формы существования значения в человеческом сознании, но если интерес психолингвистики сосредоточен в первую очередь на проблемах порождения речевого высказывания (см.: Леонтьев, 1965, 1997; Залевская, 1990; Ушакова, 2004) то психосемантика главным образом рассматривает содержание сознания субъекта, его

картину мира, включающую как осознаваемые, так и неосознаваемые пласты ментальности. Возникнув в середине 1970-х годов, отечественная психосемантика была главным образом представлена работами психологов Московского университета (Петренко, 1983, 1988, 1997; Шмелев, 1983, 2002; Артемьева, 1999; Похилько, Федоров, 1984). Экспериментальная парадигма психосемантики в основе своей заимствована из работ по построению семантических пространств Ч. Осгуда (так называемый метод семантического дифференциала) и теории личностных конструкторов Дж. Келли (метод репертуарных решеток) и включает использование аппарата многомерной статистики для выделения категориальных структур сознания субъекта. Хорошо известный в России американский психолог Майкл Коул отмечает: «Петренко заимствует американский технологический инструментарий для решения традиционных российских проблем психологии, идущих от Л.С. Выготского» (Cole, 1993). Действительно, методология школы Выготского — Леонтьева — Лурии определяла теоретическое становление психосемантики.

Психосемантика, являясь областью психологии, имеет тем не менее ярко выраженный междисциплинарный аспект, переключаясь с философией и культурологией (см. работы В.С. Степина о категориальной структуре сознания, А.Я. Гуревича о категориях средневековой культуры), языкознанием (модель Смысл — Текст И.А. Мельчука, лексическая семантика Ю.Д. Апресяна, представления Ю.Н. Караулова о «языковой личности», Ю.С. Степанова о «трехмерном

пространстве языка»), социологией (работы С. Московичи о социальных представлениях, П. Бурдьё о социальном пространстве), информатикой (работы Д.А. Поспелова о формах репрезентации знаний).

В современной психологической науке общепринятым является положение об опосредованном и обобщенном характере восприятия и сознания (см.: Выготский, 1934; Брунер, 1977; Леонтьев, 1977), так как, сталкиваясь с неким единичным объектом, событием или живым существом, субъект восприятия неизбежно категоризирует его, т. е. соотносит его с неким обобщенным эталоном, стереотипом или «типажом» (т. е. разными формами значения), в которых фиксирован обобщенный и усвоенный субъектом общественный опыт взаимодействия с этим классом объектов. Таким образом, единичное воспринимается и оценивается через призму содержания некоего множества, в которое входит это единичное, и признаки, качества, характеристики, которые приписываются, атрибутируются всему этому классу, переносятся и на восприятие единичного, с которым субъект мог и не иметь опыта взаимодействия. Например, возвращаясь поздно вечером домой и увидев фигуру идущего навстречу незнакомца, человек может испытать совершенно разные переживания, хотя у него и не было опыта взаимодействия с этим человеком. В зависимости от внешнего вида, одежды, манеры держаться и даже походки встречный человек может быть «категоризован», т. е. отнесен к тому или иному типу (например, «усталому работяге», «пожилому пенсионеру» или «крутому братку»), и исходя из

индивидуального опыта взаимодействия с данным типом людей и, возможно, из знаний, почерпнутых из литературы либо просмотра художественных фильмов или телепередач, человек строит стратегию своего мимолетного взаимодействия с этим прохожим, спокойно пройдя мимо одного, напряженно отодвинувшись от другого и, возможно, приветливо кивнув головой третьему или прикурив у него сигарету.

В процессе категоризации на единичное проецируются типовые характеристики (в том числе и поведенческие) того класса объектов, к которому относится это единичное. Об апперцепции как о наложении следов памяти на актуально воспринимаемое размышлял еще В. Вундт.

Другой важной особенностью восприятия является имманентная (имплицитная) позиция наблюдателя, скрыто присутствующая в конструируемом образе. Локк писал о первичных качествах (типа временной и пространственной протяженности) и вторичных качествах (типа громкости звука или ощущения вкуса), а епископ Беркли ставил проблему: как можно было бы помыслить мир, если из него убрать наблюдателя (каков мир, когда мы спим?). Потрясенный перспективой мира без звука, света, запаха и пр., он постулировал необходимость бытия Бога как абсолютного наблюдателя, в чьем восприятии мир продолжает существовать в привычных формах и без присутствия человека.

В современной науке имплицитное присутствие позиции субъекта в восприятии и осознании мира разрабатывалось Жаном Пиаже в его операциональной теории интеллекта

(1966). В лингвистике А. Вежбицкая (1983) полагает, что за внешней формой безличного предложения типа «Дождь идет» стоит свернутое описание восприятия некоего наблюдателя, в некоем конкретном месте и времени наблюдающего данный природный процесс и категоризирующего его в этой лингвистической форме. Нет безличного (в нашем случае скорее бессубъектного) восприятия, знания или осознания. В описании окружающей физической и социальной действительности, событий собственной жизни и жизни других людей имплицитно присутствует позиция наблюдателя, можно даже подчеркнуть — пристрастного наблюдателя, ценностные ориентации, системы мотивов и культурно-исторические формы категоризации которого обуславливают то содержание, которое он способен выделить из многообразия наблюдаемого мира. Современный конструктивизм трактует образ мира человека (в отличие от теории отражения) как некую построенную субъектом (на основе усвоения культуры и с помощью других людей) плюралистическую модель, характеризующуюся не степенью истинности (ибо неясно, что является носителем последней), а мерой адекватности бытию и собственным целям, рядоположную моделям мира других людей, доступную трансформации, целенаправленной коррекции и развитию.

Человеческое поведение при этом рассматривается не как реакция на предметную или социальную ситуацию, а скорее как вопрос, который субъект задает миру в целях понять мир и себя и, соответственно, построить адекватный образ мира.

Образ мира включает систему ценностей субъекта (например: «быть богатым и здоровым лучше, чем бедным и больным», «счастье в борьбе», «жизнь прекрасна», — здесь возможна высокая вариативность в зависимости от культуры и религии, к которым принадлежит субъект); знание неких глобальных принципов (например: вещи не появляются из ничего и не исчезают бесследно, событие имеет некую причину, предметы падают вниз, а не вверх, прошлое невозможно вернуть, и время течет в одну сторону). Эти принципы, как правило, плохо рефлексированы субъектом и присутствуют в картине мира как нечто «само собой разумеющееся», задавая концептуальную рамку восприятия. Подчас необходимо «яблоко» Ньютона или «эврика» Архимеда для осознания этих принципов и экспликации их в культуре в форме «законов природы или общества». Наиболее общие принципы оперируют наиболее общими значениями (или «категориями»), которые имплицитно присутствуют в более частных (например, категория времени присутствует в качестве архисемы в понятиях «вчера», «сегодня», «утро», «полдень», «год» «столетие», в глаголах «расти», «развиваться», «умирать», «уснуть» или «проснуться», в наречиях «быстро», «медленно» и т. д., т. е. везде, где присутствует действие или изменение состояния).

Категории сознания задают «концептуальную рамку» восприятия мира, в контексте которой строятся более частные, так называемые «имплицитные теории» или «имплицитные модели» (см.: Bruner, Tagiuri, 1954), т. е. слабо упорядоченные и плохо ре-

флексируемые формы организации знаний субъекта в различных содержательных областях его обыденного сознания и житейского опыта.

Проблема образа, картины мира восходит к Иммануилу Канту и выступает как проблема категорий сознания, в которых структурируется, упорядочивается опыт субъекта познания. Культурно-исторический аспект этой проблемы, трактуемый как обусловленность содержания категорий сознания контекстом эпохи, в которую погружен субъект, развивался В. Гумбольдтом, К. Марксом, О. Шпенглером. В отечественной философии, психологии, культурологии исследование категориальной структуры сознания представлено в первую очередь работами Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Я. Гуревича, Ю.М. Лотмана, М.К. Мамардашвили, В.С. Степина. «Преобразование объектов в человеческой деятельности является главным определением самого человека, выражением его сущности и основанием человеческого мира. Поэтому категории, которые фиксируют наиболее общие, атрибутивные характеристики объектов, включаемых в человеческую деятельность, выступают в качестве базисных структур человеческого сознания. Они универсальны, поскольку любые объекты могут стать предметами деятельности и в любых объектах обнаруживаются атрибутивные характеристики, которые развивающаяся практика и познание выявляют в предметном мире и фиксируют в форме категорий» (Степин, 1986, с. 43). К наиболее общим, базисным категориям относятся категории материи, пространства, движения, вещи, свойства, количества, качества, меры, формы, содержания,

причинности, случайности, возможности, необходимости и др. Категории как наиболее общие формы значений (понятий), выступающие родовыми терминами, метаязыком по отношению к более частным значениям, являются понятийным аппаратом самой философии, создающим возможность рефлексии и описания ее содержания.

Являясь понятиями метауровня, категории образуют систему связей и отношений с другими категориями этого уровня и конкретизируют свое содержание в рамках этой целостной системы. В то же время категории имеют собственную сложную семантическую организацию и в отношениях с другими категориями выступают как «текст в тексте». Семантически категория представляет собой свернутую в одно понятие целостную систему представлений, знаний, выработанных человечеством, о некоторой содержательной области. Например, категория времени вбирает в себя представления теории относительности о взаимоотношениях пространства и времени, космологические представления об эволюции материи, биологические сведения о времени жизни организма, представления о психологическом времени личности, об историческом времени и т. п.

Наличие системных связей категорий высшего уровня, образующих категориальную матрицу, ее проработанность и рефлексия выступают организующими факторами для установления отношений и взаимосвязей содержательных пластов каждой конкретной категории, позволяя реализовать принцип методологического управления в организации каждой конкретной науки. Если философская категория может предста-

влять собой понятийное образование, разворачивающееся в достаточно стройную систему взаимосвязанных суждений и представлений по поводу той или иной атрибутивной характеристики бытия, то категории обыденного, житейского сознания представляют собой синкретические, расплывчатые обобщения, а в качестве их носителя могут выступать образы, символы, поэтические метафоры.

Даже в относительно развитых философских системах античности, пишет В.С. Степин, многие фундаментальные категории несут на себе печать символического и метафорического отражения мира («огнелогос» Гераклита, «Нус» Анаксагора) (Степин, 1986, с. 50). Еще более расплывчаты и метафоричны категории древнеиндийской и древнекитайской философии. «Никто не может дать определение *дхармы*. Ее переводят и как "закон", и как "элемент бытия". У каждого существа своя *дхарма* — всеобщая и единичная (сущность неотделима от явлений). Вы не найдете двух одинаковых определений *дао* у Лао-цзы, двух одинаковых толкований *жень* или *ли* у Конфуция — он определял *ли* в зависимости от того, кто из учеников обращался к нему с вопросом» (Григорьева, 1979, с. 75).

Категории, как и человеческое сознание в целом, находятся в постоянном развитии. К. Маркс писал: «...даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что они — именно благодаря своей абстрактности — имеют силу для всех эпох, в самой определенности этой абстракции представляют собой в такой же мере и продукт исторических условий и обладают полной значимостью только для

этих условий и в их пределах» (Маркс, Энгельс, т. 46, с. 42). В работе А.Я. Гуревича (1972) приводится множество ярких примеров различий в представлениях человека средневековой Европы и современного человека индустриального общества. «Мы имеем в виду, — пишет А.Я. Гуревич, — такие понятия и формы восприятия действительности, как время, пространство, изменение, причина, судьба, число, отношение чувственного к сверхчувственному, отношение частей к целому... Эти универсальные понятия в каждой культуре связаны между собой, образуя своего рода "модель мира" — ту "сетку координат", при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» (Гуревич, 1972, с. 15).

Наряду с объектными, базисными категориями рефлексирующее сознание выделяет категории, отражающие субъект-субъектные отношения, атрибутивные характеристики социального бытия человека.

В философии экзистенциализма до уровня мировоззренческих философских категорий поднимаются такие эмоции и психологические состояния, как чувства вины, сопричастности, страх, одиночество и др.

Грань между категориями-понятиями философского, научного сознания и категориями-значениями обыденного, житейского сознания достаточно условна. Последние, развиваясь и обрстая системными связями и отношениями, могут подниматься до уровня понятийных форм. Спецификация категорий как наиболее общих и емких значений заключается в системной организации их

содержания, а не в формах их репрезентации (образной или знаковой). Поэтому в психологии используют термин «категориальные структуры» применительно и к сфере восприятия, и к области понятийного, вербального мышления. Так, Дж. Брунер (1977) называет перцептивными категориями целостные перцептивные гипотезы, свернутые до некоего единичного перцептивного эталона, определяющего построение и распознавание образа.

В лингвистике описание содержания вербального сознания выступает как проблема построения словаря базисных смыслов (Апресян, 1995; Мельчук, 1974), структура которых в виде семантических графов позволяет отобразить его содержание, или как проблема построения пространства языкового сознания личности (Ю.Н. Караулов, Ю.С. Степанов). В психологической науке наиболее разработанной формой репрезентации содержания индивидуального и общественного сознания выступают так называемые семантические пространства (см.: Петренко, 1997; Петренко, Митина, 1997; Petrenko, Mitina, 1997; Шмелев, 2002), техника построения которых восходит к методу семантического дифференциала (Semantic Differential) Ч. Осгуда и репертуарным решеткам (repertory grid technique) Дж. Келли.

Остановимся на этом подробнее, рассмотрев для начала понятие семантического поля. Понятие семантического поля ввели еще неогумбольдтианцы-лингвисты: Й. Трир, В. Порциг, Л. Вайсгейбер (см.: Щур, 1974; Ушакова, 2004); под семантическими полями они понимали ассоциативно связанные значения. Согласно

Вильгельму Гумбольдту, через анализ этих полей, через «внутреннюю форму» слова можно описать, реконструировать дух народа. Таким образом, с одной стороны, это был лингвистический подход, с другой — культурологический, заключающийся в движении к менталитету нации через «внутреннюю форму» слова, через семантические поля и т. д.

Для иллюстрации понятия семантического поля (однако не на лингвистическом, а на психологическом материале и на примере более современного исследования) можно привести эксперименты А.Р. Лурии, О.С. Виноградовой (1971), посвященные реконструкции этих полей «объективными» методами, основанными на генерализации условного оборонительного или ориентировочного рефлекса. В чем суть этих методов? Испытуемым предъявляются различные слова, и некоторые из них подкрепляются ударом электротока. Например, предъявление слова «скрипка» сопровождается таким ударом. С помощью ряда приемов можно зафиксировать возникающие ориентировочные и оборонительные реакции человека. Один из способов — так называемая плетизмограмма: на палец испытуемого надевается колпачок, и поскольку в ситуации любого эмоционального напряжения или ориентировочной реакции происходит сжатие капилляров периферии, то можно зафиксировать изменение давления внутри этого колпачка. Визуально палец у нас не уменьшается, тем не менее манометр фиксирует изменение давления внутри колбочки, и можно построить кривые плетизмограммы, описывающие динамику эмоциональных реакций

субъекта. Или другой способ — методика Форе: на ладонь испытуемого накладывается пара электродов, между которыми пропускают слабый (порядка 1–2 вольт) ток, и фиксируется так называемая кожно-гальваническая реакция, заключающаяся в том, что при любом эмоциональном напряжении меняется сопротивление кожи, и таким образом можно зафиксировать ориентировочную реакцию. А.Р. Лурия использовал плетизмографический способ фиксации ориентировочной и оборонительной реакции. Он их различал тем, что при ориентировочной реакции сужаются сосуды периферии и расширяются сосуды мозга, а при оборонительной — происходит сужение и тех, и других.

Можно использовать самый простой способ записи, фиксируя только оборонительные реакции как показатель эмоционального напряжения. Так, например, если подкреплять током слово «скрипка» или «виолончель», то человек будет давать оборонительную реакцию и на слова «музыка», «концерт», «звук», т. е. на то, что производят эти музыкальные инструменты, и на слова «консерватория», «филармония», т. е. на то, где эта музыка производится, и на «маэстро», «скрипач» — тех, кто музыку производит, и на слова «струны», «смычок», «дека» — части этого музыкального инструмента и т. д. Понятно, что в этом семантическом поле оказываются слова, ассоциативно связанные с ключевым (подкрепляемым током) по разным основаниям. Существует принцип «ассоциативной связности» Хольга, согласно которому слова-ассоциации связаны со словом-стимулом по одному или нескольким се-

мантическим признакам. В методике «семантического радикала» Лурии, Виноградовой в семантическое поле попадают слова как бы «в навал», взятые из разных содержательных классов и связанные по какому-то признаку с ключевым словом.

С появлением факторного анализа (а затем и современной компьютерной техники) стало возможным «расслоить» семантическое поле по «чистым линиям»: это лексика на тему музыки; это — где она исполняется; это — кто ее исполняет; эти слова описывают части — элементы музыкального инструмента и т. п. За каждым фактором стоит какой-то конкретный семантический признак — основание категоризации. Множество оснований категоризации, используемых испытуемым-респондентом, образует категориальную структуру его сознания той или иной содержательной области. При геометрическом представлении семантического пространства эти категории-факторы задают координатные оси некоего многомерного семантического пространства, где анализируемые значения описываются через их координаты в этом пространстве, а срезы семантического пространства представляют собой содержательно однородные семантические поля.

Лурия назвал свой метод построения семантического поля методом «семантического радикала» и использовал его для исследования динамики актуализации знаний и анализа процессов мышления. Достоинством этой методики является то, что испытуемый, как правило, не осознает принципа, по которому осуществляется подкрепление током некоей содержательной области, но на не-

сознаваемом уровне актуализирует ассоциативно связанные с ней значения.

Мышление, по мнению А.Р. Лурии, на девять десятых протекает на неосознаваемом уровне психического. Я в своих работах также использовал этот метод для исследования динамики формирования «искусственного понятия» (Петренко, 1975), где, применяя технику семантических срезов с помощью семантического дифференциала Ч. Осгуда и семантического радикала А. Лурии, описал возникающие рассогласования в процессе мышления на сознательном и на бессознательном уровнях и показал возможность построения адекватной классификационной структуры (решения познавательной задачи) на неосознаваемом уровне.

Близкие по феноменологии данные мы получили в совместном с В.В. Кучеренко исследовании, посвященном влиянию постгипнотической инструкции на процессы категоризации. Если ввести испытуемого в глубокий гипноз и дать команду выполнить какое-нибудь действие, то испытуемый, выйдя из состояния транса, как правило, не помнит того, что с ним было в гипнозе, и тем не менее выполняет инструкцию-приказ экспериментатора. Например, в знаменитых фрейдовских экспериментах испытуемым внушалась необходимость совершить некие бессмысленные действия, например, открыть зонтик и пройтись с ним по комнате. Испытуемый совершал требуемое, но на вопрос: «А зачем вы это сделали?» — искренне отвечал, что по собственной инициативе решил проверить исправность зонта на случай дождя. Этот феномен домысливания

рациональных мотивов собственных действий, истинная причина которых внушена испытуемому и не осознается им, был назван Фрейдом «феноменом рационализации».

Мы с В.В. Кучеренко в своих исследованиях также работали с постгипнотическим внушением, исследуя его влияние на функционирование сознания испытуемого. Так, если дать в гипнозе запрещение видеть какой-то объект, то человек, выйдя из гипноза, действительно не будет его видеть. Однако он не увидит не только «запрещенный объект», но и другие, семантически связанные с ним объекты. Если запретить видеть сигареты, то человек может не видеть пепельницы, полной окурков, спичек, зажигалки или, относительно последней, забывать ее предназначение (ее предметную функцию). Зажигалку человек вертит, крутит: ...что за странный «цилиндрик», непонятно, для чего? Возникает своеобразный разрыв между номинализацией (вербальным ярлыком) и образом. Например, испытуемому предлагается представить «табачный киоск». Он, сам курящий, не в состоянии представить табачный ларек. Может визуализировать овощной ларек, киоск «Союзпечать», но никак не может представить «табачный». Ему говорят: «Ты можешь представить киоск!» Испытуемый с большим трудом что-то представляет. Спрашивают: «Что там продается?», он отвечает: «Брелки для ключей, талончики на бензин» и т. д., т. е. всякий сопутствующий хлам. Сигареты же он визуализировать не может.

Этот эксперимент может быть интересной иллюстрацией того, что су-

ществует как бы два пласта «отражения» — видение и осознание.

В одном из экспериментов мы в рамках постгипнотической инструкции запретили испытуемому видеть конкретного человека. Этот человек находился в комнате, где проводился эксперимент, но испытуемый вел себя так, как будто этого человека в помещении нет. Через некоторое время последнему надоело «быть невидимым», он взял электробритву и стал бриться. Испытуемый буквально измучился, пытаясь понять, откуда идет непонятный звук, так как он не видел человека, держащего бритву, а шум слышал. Его ужасно мучила непонятность происхождения звука; его источник, будучи вещью в руках «невидимого» человека, был ему также невидим. Но если этот «невидимый» человек становился на пути идущего по комнате испытуемого, то последний (напомним, уже вышедший из гипнотического транса, но еще находящийся под влиянием постгипнотической инструкции) останавливался, лицо его, вначале изумленное, начинало приобретать характерное выражение сомнамбулы, и он впадал в глубокий транс. Таким образом, вероятно, он все же видел другого человека, ведь он не пытался пройти сквозь него, не «протыкал» его. Он видел его... но не осознал.

Если запрещенный объект возникает как преграда, то появляется противоречие между невозможностью его осознания и необходимостью реакции на него как на физический объект. Нерешаемость проблемы ведет к тому, что испытуемый как бы «отключается», он входит в глубокий транс (возможно, тем самым снимая

это противоречие). Неразрешимое противоречие — возможная причина погружения в транс, вспомним технику коанов в дзен-буддизме как средство выбить ученика из привычных форм категоризации мира и ввести в измененное состояние сознания.

Исследуя сознание человека с постгипнотической инструкцией, мы проводили ассоциативные эксперименты. Оказалось, что в ассоциативном эксперименте человек не воспроизводит некоторые слова. У него как бы вырезаются из памяти слова, целые пласты лексики, связанные с объектами, видение которых запрещено, т. е. осознание связано с тем, что есть некоторые знаковые формы, несущие значения, посредством которых мир репрезентирован субъекту. Блокируя их, мы блокируем и осознание. Идеи И.П. Павлова о первой и второй сигнальной системе находят здесь свое косвенное подтверждение.

Эту трактовку сознания как своеобразного перекодирования воспринятого и пережитого в знаковые формы мы находим еще у Гегеля. В ощущениях, эмоциях, по мнению Гегеля, нет противопоставления субъекта и объекта, мир задан, растворен в переживании. Выразив эти переживания в знаковой форме, мы отчуждаем воспринятое от субъекта и противопоставляем ему. В этой отчужденной от чувственности субъекта форме содержание может быть вторично воспринято — осознанно. Этот вольный пересказ Гегеля подводит нас к семиотической трактовке сознания, понимание сознания как своеобразной формы «знакового восприятия».

Осознано, по мнению М.М. Бахтина (1979), может быть то, что мо-

жет быть передано, сообщено другому в плане внешней коммуникации или в акте автокоммуникации, т. е. самому себе.

Осознание — это своего рода восприятие в знаковой форме. Когда мы даем запрещение на восприятие какого-то объекта, то фактически с помощью постгипнотической инструкции вырезаем какие-то языковые значения, посредством которых осуществляется осознание. Человек продолжает видеть вещь, но не осознает ее. Своеобразный такой феномен — видение без осознания.

Это иллюстрация представления о том, что сознание реализуется как некоторая семиотическая система вторичного отображения. Динамику мыслительного процесса А.Р. Лурия представлял как сложную систему взаимодействия семантических полей, семантических пространств, развертывающуюся в основном на неосознанном уровне.

Но кто является субъектом этого процесса мышления? И есть ли он — субъект? Или же следует говорить, согласно Джеймсу, о мышлении процессуально: не «"я" мыслю», а «мыслится», «воспринимается», реализуется некий процесс, исследуя который, мы будем описывать законы этого процесса, а не «мифического» субъекта.

И здесь мне бы хотелось подчеркнуть одну мысль, полемизируя с определенными представлениями, согласно которым человеческий мозг или сам человек рассматриваются скорее не как субъект мыслительной деятельности, конструирующий модели мира, а как некий индуктор, принимающий какие-то уже готовые идеи. Об этом подробно писал

Н.Н. Налимов (1989) в рамках представлений о семантической вселенной и т. п. На наш взгляд, это некий вариант неоплатонизма, в котором субъект не открывает, не конструирует новые идеи, а, подобно приемнику, способен в той или иной мере настроиться «на волну» и узнать что-то неизменное, вечное, уже существующее в мире.

Здесь я бы хотел заострить один аспект, на мой взгляд, весьма важный, который, собственно, очень сильно отдаляет друг от друга модели искусственного интеллекта и ту систему знаний, которой обладает человек. Все эти семантические пространства, тезаурусы, семантические сети и фрейм есть лишь статичные формы репрезентации знаний. Субъект же не извлекает знания из неких статичных хранилищ, где они складированы в неизменном виде. Опыт, прошлое знание существуют в контексте настоящего, мотивов, целей, задач, стоящих перед субъектом. Как полагал еще Плотин, прошлое и будущее существуют для субъекта только в контексте настоящего.

В зависимости от эмоциональных состояний субъекта, его мотивов, личностных установок и т. д. совсем по-разному актуализируется система ассоциативных связей между отдельными значениями, которые организуют индивидуальный тезаурус. Наши исследования (Петренко, 1983) о влиянии аффекта на размерность семантических пространств позволяют понять эмоции как своеобразные операторы процесса категоризации, меняющие «кривизну» семантического пространства и уровень категоризации. Так, при сильной эмоции, аффекте уменьшается размерность се-

мантического пространства и субъект как бы переходит на более глубокие уровни категоризации, переходя от опоры на денотативные признаки к более коннотативным. В пространствах меньшей размерности легче устанавливать связи между объектами, какими-то реалиями, которые на поверхностном уровне принадлежат совсем различным семантическим понятийным классам, а на глубинном уровне они имеют сходную коннотацию и фактически выступают как коннотативные синонимы или антонимы. Мир становится менее дифференцированным, но зато более компактным; все со всем взаимосвязано.

В основе метафоры лежит соответствие между объектами на глубинном (коннотативном) уровне категоризации. Если я называю девушку «березкой», то не подразумеваю, что она деревянная, а устанавливаю соответствие на основе сходства, коннотативного кода: стройная, нежная, чистая, весенняя и т. д. Перевод процесса категоризации на более глубокий коннотативный уровень делает индивидуальный тезаурус знаний менее конкретным, но более всеохватывающим, емким. Проведем следующую аналогию. В книге В.А. Московича «Информационные языки» (1971) анализировалась взаимосвязь степени формализованности искусственного языка (однозначности соответствия плана выражения и плана содержания) и точности поиска запроса некоего содержания в большом информационном массиве (например, в библиотечном деле). Так вот, при большей формализованности искусственного языка, достигаемого в первую очередь за счет формализации

отношений между понятиями (т. е. синтаксиса), достигается большая адресность поиска: находится узкий круг литературы, прямо связанной с содержанием запроса. При менее формализованных искусственных языках находится больший объем литературы, включающий как материал ассоциативно связанный с содержанием запроса, так и не относящийся к делу «мусор».

Можно провести аналогию с естественными языками. В китайском языке, менее формализованном за счет его иероглифичности, в сравнении, например, с немецким, существует меньшее количество служебных элементов (суффиксов, префиксов, падежных форм), задающих отношения между понятиями. Например, речевая конструкция «покупаемая в магазине книга» будет выглядеть как сочетание иероглифов: «книга», «магазин», глагол «покупать», а отношения между этими понятиями будут «домысливаться» на основе их содержания, т. е. реконструироваться семантически.

Конечно, различие между китайским и, например, немецким по степени формализованности несопоставимо меньше, чем между коннотативным (глубинным) и денотативным (понятийным или поверхностным) уровнями категоризации, тем не менее можно провести некую аналогию и вспомнить чеканную точность языка классической немецкой философии или однозначность языка эмпирической английской философии и поэтическую дымку, недосказанность, рождающую множественность интерпретаций китайских, японских, корейских танка, хайку; масляную живопись классического западного ис-

кусства и тонкую расплывчатость акварели Востока. Четкость и однозначность в оппозиции множественности и ассоциативности.

Продолжая рассуждения на эту тему, можно переформулировать идеи Фрейда о вытеснении аффективно окрашенного содержания в бессознательное, рассмотрев этот процесс как перевод некоего эмоционально-насыщенного, а значит, жизненно важного содержания на более глубокий уровень категоризации. Этот глубокий уровень позволяет устанавливать более широкий спектр семантических (ассоциативных) связей для «бессознательного осознания» (в психологии нет нужного термина для обозначения процесса структурирования некоего системно-целого, не репрезентированного непосредственно сознанию субъекта, но представленного в форме символов), или скажем так: для «работы переживания» (см.: Васильюк, 1995) в целях включить эту аффективную информацию в более широкий жизненный контекст и переработать ее. Это «осознание» коннотативного уровня отображается затем на поверхностном в форме поэтической метафоры, символики сновидения, в гротесках живописи.

Помимо, так сказать, вертикального движения по уровням категоризации, эмоции влияют и на саму семантическую организацию знания, на его содержание. Эмоциональное состояние самого субъекта или наличие эмоциональной окраски какого-то элемента семантического поля ведут к тому, что система ассоциативных связей перестраивается. Семантические пространства не являются, грубо говоря, железобетонными хранилищами

знаний, из которых они извлекаются, но сами эти пространства производны от того содержания, которое актуализируется в контексте стоящей перед субъектом задачи, от его мотивов и эмоциональных состояний.

Так, в гипнозе мы задавали различные эмоциональные состояния человеку, и при последующем шкалировании понятий возникали различные семантические структуры. Задаешь чувство вины — одни семантические гештальты образуются, задаешь эйфорию — другие и т. д. Эта база знаний оказывается гораздо богаче базы данных за счет того, что эмоциональное состояние, в котором находится субъект, как бы увеличивая значимость тех или иных семантических компонентов, которые релевантны, резонансны в данный момент этому состоянию, порождает совсем иные гештальты и узоры когнитивных структур, делая исходную базу знаний человека на порядок богаче.

Таким образом, эмоции позволяют на разном уровне группировать материал, и классификация на поэтическом уровне совсем иная, чем на понятийном. Процесс мышления может осуществляться на разных уровнях категоризации — от глубинных, эмоционально-образных обобщений, языком которых говорит бессознательное, сновидения, до понятийных, концептуальных форм знания. На глубинном уровне мы можем устанавливать какие-то поэтические аналогии и обеспечивать очень дальние ассоциативные связи, на понятийном мы работаем как бы скальпелем, но с более узким обзором. С другой стороны, не только уровни категоризации определяют когни-

тивное структурирование, но и те или иные эмоции выступают своего рода операторами классификаций. Можно сопоставить их с кривыми зеркалами, где в зависимости от эмоционального состояния, в котором мы находимся, они меняют кривизну семантического пространства и тем самым устанавливают иные ассоциативные связи. Мир влюбленного человека, мир пьяного человека, мир человека в отчаянии — разные миры. Актуализируются разные системы ассоциативных связей, по-разному структурируется информация, разные индивидуальные тезаурусы возникают.

И в этом плане подчеркнем, что никакая база данных в «искусственном интеллекте» не несет в себе эмоциональной окраски. Она неизменна и тасуется, как колода карт.

Никакая искусственная техническая система не в состоянии смоделировать простейшую форму эмоционального — боль. Не в плане имитации болевой реакции, а в плане феноменальном — переживания чувства боли. Искусственный интеллект как техническая система, моделирующая человеческое сознание, на наш взгляд, не реализуема из-за невозможности создания «искусственных эмоций» и «искусственных ощущений». Экспертные системы, создаваемые в рамках «искусственного интеллекта» как некоей научной области, уже имплицитно несут эмоции и человеческую «пристрастность», контрабандно внесенную суждениями экспертов — специалистов в той предметной области, которую эта система обслуживает.

Проблема личностного знания, преодоления «безличностной» эпис-

темологии» ставится представителями постпозитивистского направления философии (Т. Кун, М. Полани, С. Тулмин), неклассической философии (В. Степин, Н. Герасименко, А. Назаретян). На языке психосемантики эти идеи находят свое операциональное выражение в феномене подвижности семантических пространств, в их производности от задач, стоящих перед субъектом, от его мотивов, эмоций, в широком смысле — от его личности.

Но если мы говорим, что семантические связи семантических пространств, тезаурусов, производны от наших эмоциональных состояний, то фактически мы утверждаем, что в процессе мышления оказывается задействована вся эмоционально-потребностная сфера субъекта и самая личность человека как ее стержень. И в этом смысле любое творческое решение в науке, искусстве, жизни связано со страданием в широком смысле этого слова, т. е. какие-либо идеи надо выстрадать. Идеи окрашены волевыми эмоциями, они нанизаны на стержень личности. К каким-то безумным идеям человек приходит в результате, грубо говоря, безумных страданий, попадая в те сферы эмоционального, где эти знания действительно становятся выстраданными.

В этом плане позволю себе следующую ассоциацию. Мне показалось весьма интересным, как один священник выступал со своеобразной трактовкой первородного греха. Он говорил о том, что первородный грех не в том, что когда-то нагрешили наши предки, а в том, что, сорвав яблоко с дерева знаний и вкусив его, люди получили знания вне труда,

вне страданий. Вот, собственно, в чем грех. Любое знание является выстраданным, и в порождении этого знания были завязаны очень сильные эмоциональные движения и т. д. И вне работы эмоций что-либо говорить о картине мира достаточно бесполезно, так как это не база данных или, по крайней мере, это такая база, которая вся пронизана человеческими смыслами.

Еще одна проблема, которую бы я хотел обсудить. Метод семантического дифференциала — как одна из наиболее ранних и простых техник построения семантических пространств — появился на свет как побочный продукт исследований Чарльзом Осгудом феномена синестезии.

Феномен синестезии проявляется, в частности, в описании переживаний одной модальности на языке другой модальности. Мы говорим «бархатный голос», «кислая физиономия», «низкий звук» или «скука зеленая», описывая ощущения в терминах восприятия иной сенсорной данности. Механизм этих кросс-модальных связей обусловлен тем, что стимуляция поступает не только в свои проективные зоны мозга, но и по коллатералям аксонов стимулирует зоны иных модальностей. Мозг как бы стремится на основе восприятия одного качества, например зрительного, реконструировать целостный интермодальный мир. Так, имеются соответствия между определенными формами и определенными звуками или цветами. На этом построена цветомузыка (вспомним творчество Скрябина или Чюрлениса); на этом построены феномен звукового символизма, фоносемантика (вспомним поэтические опыты Хлебникова),

цветовая семантика (вспомним тест Люшера) и цветовые ауры, по которым экстрасенс определяет духовное состояние человека; графический символизм. Последний менее исследован, но все же учитывается при построении разного рода визуальных символов, товарных знаков и т. д.

По мнению американского психолога Лоуренса Маркса (Marks, 1975), синестезия является доязыковой формой категоризации, осуществляемой, так сказать, «на уровне организма» и присущей всему человечеству. Свет красных фонарей — универсальная приманка для возбужденной человеческой особи вне зависимости от ее национальной культуры, и даже для птиц, как показывают физиологические исследования, подсветка красным цветом помещения, где они находятся, активизирует работу семенников.

В этом плане классические исследования Ч. Осгуда, показавшие универсальность категориальной структуры семантического пространства (его известные факторы «Оценка», «Активность», «Сила») для представителей различных языковых культур, людей разного возраста и уровня образования, относятся к этому глубинному и, очевидно, генетически первичному уровню категоризации (см.: Osgood, Suci, Tannenbaum, 1957). Действительно, если простейшее существо сталкивается с неким объектом, то самые элементарные ощущения — они же эмоции, ориентирующие его в мире, — заключаются в том, вызывает ли этот объект боль или удовольствие (фактор «Оценка»), насколько сильно это ощущение, связанное с воздействием объекта (фактор «Сила»), и как быстро из-

меняется это воздействие (фактор «Активность»). Интересно отметить, что содержание этих трех базисных факторов описания совпадает с теорией эмоций (чувств) Вильгельма Вундта, базирующейся на методе интроспекции.

Последующие исследования Ч. Осгуда (Osgood, 1964) показали, что семантические пространства, построенные для конкретных понятийных классов, оказываются производными от знаний субъектом данной содержательной области. Субъект может иметь высокую когнитивную сложность (число независимых факторов категоризации) в одной содержательной области и низкую в другой. Чарльз Осгуд в основном работал с групповыми матрицами данных и был ориентирован на поиск общепсихологических инвариантов, универсалий. В отличие от него другой выдающийся американский психолог Джордж Келли (Kelly, 1955, 2000) ориентировал свои исследования на отдельного субъекта, на реконструкцию индивидуальных познавательных структур, названных им личностными конструктами. Кстати, разработанный им способ построения семантических пространств, известный как метод «репертуарных решеток», успешно применяется в области инженерии знаний для экспликаций знаний человека-эксперта.

Наибольшее же распространение теория личностных конструктов Келли получила в психотерапии для описания изменения картины мира субъекта. Но как неповторим и уникален каждый человек, так и неповторима и уникальна его система конструктов, опосредующая восприятие и осознания мира и себя.

Строя семантические пространства, выступающие операциональным аналогом категориальной структуры человека, мы сталкиваемся с проблемой интерпретации факторов, кластеров, иных форм репрезентации его когнитивных структур, образующих несущие конструкции картины мира.

И проблема понимания личности другого, проникновения в его мир смыслов встает перед исследователем так же, как и в любом другом психологическом исследовании, будь то клиническая беседа или проективные тесты.

Сам Осгуд называл свой метод построения семантического пространства — «семантический дифференциал» — методом поддержанной интроспекции.

В контексте проблемы интерпретации психосемантический подход сталкивается с двумя формами непонимания его сути. Первый исходит от некоторых психологов, недолюбливающих формализацию и математику. «Все эти методы многомерной статистики, применяемые к обработке суждений испытуемого, использование компьютеров отдаляют исследование от собственно человека. Где же здесь психология?» — спрашивают они. К счастью, сама практика, богатство экспериментальных результатов, широта применимости методов психосемантики вербуют ее новых сторонников и апологетов.

Психосемантические методы реконструируют имплицитные картины, модели мира, присущие субъекту, которые он сам может и не осознавать, но которые актуализируются в «режиме употребления». В лингвистике есть понятия «*language compre-*

tence» и «*language performance*» — «знание языка» и «владение языком». Маленький ребенок может прекрасно говорить на родном языке, не осознавая его структуры (грамматики, синтаксиса). Но ведь если он порождает правильные грамматические конструкции, значит, он владеет некими правилами порождения, но они не осознаются. Аналогично взрослый человек, покупая (или не покупая) товары, голосуя за того или иного кандидата, оценивая свои и чужие поступки, выступает стихийным житейским «экономистом», «политологом», «этиком». Его имплицитные модели этих содержательных областей опосредуют вынесение частных суждений. Организуя последние в матрицы данных и подвергая статистическим процедурам, исследователь «вытаскивает на свет» их имплицитную структуру. Отдельные параметры семантического пространства: его мерность, мощность выделяемых факторов, их интеркорреляции, координаты анализируемых объектов в семантическом пространстве и т. д. — выступают операциональными аналогами когнитивных структур субъекта-испытуемого. Семантические пространства являются мощным многомерным инструментом анализа картины мира человека.

И здесь важно подчеркнуть, что вся эта достаточно громоздкая технология не настолько громоздка, когда вы можете работать с персональным компьютером и достаточно быстро строить семантические пространства. Эти пространства выступают не чем иным, как своего рода ориентировочной основой для эмпатии, встраивания в психику и сознание

другого человека или в самосознание, если вы с помощью этих семантических пространств начинаете анализировать собственное сознание.

Важно подчеркнуть, что если в соответствии с классической психометрикой, с которой в основном все сталкиваются (методики ММРІ, Кеттелла, Айзенка и т. д.), человека рассматривают как точку в пространстве диагностических показателей, то в экспериментальной психосемантике сам субъект выступает носителем смыслового, семантического пространства. В психосемантике человеку ставится в соответствие пространство смыслов, некий микрокосм, образованный облаком их позиций, и, прочитывая эту «нотную» запись личностных смыслов другого человека, исследователь дешифрует, реконструирует сознание респондента.

В классической психометрике субъект отвечает на множество вопросов, которые уже были сгруппированы в некие категории на основе шкалирования большой выборки других людей. Его данные как бы засовывают в «прокрустово ложе» общегрупповых структур, получая профиль личности, гистограмму, что математически аналогично фиксации точки в многомерном пространстве диагностических показателей — на основе группировки пунктов опросника по статистическим корреляциям, полученным на всей выборке. Но система конструкторов, опосредствующих мировосприятие данного человека, может разительно отличаться от неких общегрупповых норм, и, объединяя ответы испытуемого в структуры, выделенные на основе общегрупповой матрицы данных, мы совершаем насилие.

При этом процедура насилия осуществляется дважды. Что можно сказать о человеке на основе сырых баллов по тесту? Восемь баллов по шизотимии. Что это — много или мало? И человека опять сопоставляют со всей группой, всей выборкой, переводя сырые баллы в так называемые стеньги (от англ. «standart ten» — стандартная десятка») и тем самым находя его место среди других испытуемых в нормальном гауссовском распределении испытуемых по некоему качеству.

Процедура «втискивания» индивидуальных данных в некие статистические нормы, таким образом, задеиствована дважды — структурно и количественно.

В отличие от классической психометрики исследования по экспериментальной психосемантике являются более трудоемкими, но каждый субъект выступает носителем некоего уникального семантического пространства, в котором присутствуют и формальные параметры, облегчающие интерпретацию: мерность пространства или число независимых факторов, отражающих его когнитивную сложность в данной содержательной области; мощность выделяемых факторов, отражающих субъективную значимость данных оснований категоризации при восприятии какой-то содержательной области; интеркорреляции факторов и т. д. Наконец, множество этих объектов в семантическом пространстве — некоторое звездное небо, где каждая координатная точка отражает личностное отношение к какому-то единичному объекту, личностные смыслы. И все это звездное небо выступает средством эмпатии сознанию другого человека. Вся эта картинка

есть не что иное, как система ориентиров, реперных точек для встраивания в сознание другого человека. Я могу понять другого настолько, насколько в себе самом смогу смоделировать его систему конструкторов, реализовать это средствами своей психики. Кто-то из литературоведов писал применительно к «Братьям Карамазовым» Достоевского, что все его персонажи — это разные ипостаси личности самого Достоевского. Мы можем описать только то, что в состоянии сами пережить и прочувствовать.

В этом плане опишем иной аспект недопонимания психосемантики, присущий уже представителям точных наук, — это представление о том, что познание в гуманитарных науках может быть отчуждено от познающего субъекта (в нашем случае исследователя-наблюдателя) и смоделировано техническими средствами.

В противовес этому в герменевтике подчеркивается, что если естественные науки — науки о познании, то гуманитарные — о понимании.

В познании объект самотождествен, он не имеет внутреннего, качественного развития, и его преобразования подчиняются жестким законам. Вернее, время изменения самих этих законов столь велико, что можно пренебречь их эволюцией. Законы Ома или Бойля–Мариотта относительно времени эволюции Вселенной неизменны. Возможная же эволюция микромира (в ходе его наблюдения) порождает рассуждения о «понимающей физике» (см.: Назаретян, 1994).

В психологической же науке практически нет законов. Правда, описаны законы типа Вебера–Фехнера, Стивенса в психофизике, но это разговор о другом. Психофизика объектна по

своей сути и изучает реагирование организма на физический раздражитель, так что скорее это епархия биологии. Там же, где подключается сознание или его измененные формы, эти «законы» могут и не работать. Например, вызванный с помощью слова гипнотический транс может сделать человека нечувствительным к боли, «сняв» психофизический закон. В других же областях психологической науки практически невозможно найти формулировки законов. Феномены есть. Некие закономерности присутствуют. Но законов не найдете. И, я думаю, дело тут не в малом развитии самой психологической науки, а в специфике ее области исследования, где эта область — человеческая самость, другой человек, или социальная, этническая общность — непрерывно трансформируется, эволюционирует, изменяя свои «законы».

В психологии личности рассуждать о постоянном, самотождественном объекте познания заведомо некорректно. Человек обладает такими загадочными проявлениями, как «воля», «свобода выбора», «возможность духовного развития» и «творчества», сводящими на нет лапласовский детерминизм.

В рамках новой методологии синергетического движения посткласического подхода в философии личность выступает в ее становлении как веер возможностей. Гуманистическая психология подчеркивает: человек есть не только то, что он есть, а в большей степени то, чем он может и хочет быть. В этом смысле характеризовать человека можно не через набор его характеристических особенностей, а через тот веер его возможностей, который реализуем и который он сам себе

дозволяет, веер потенциальных траекторий жизненного пути, еще не ставших, не совершившихся. И в этом плане позволите проиллюстрировать эту мысль примером.

В свое время мы с В.В. Столиным проводили исследование на студентах-филологах. Я изучал женские стереотипы, а он проблемы семейной психологии. Основной запрос девушек-филологов к идеальному мужчине, будущему мужу или возлюбленному сводился к тому, чтобы «он был способен ее понимать». Спрашивается, что надо особо такого понимать? Что, собственно, можно не понимать у людей, которые только что закончили школу, имеют минимум индивидуальной биографии и т. д.? Фактически под этим запросом стоит следующее: чтоб этот «идеальный», мудрый, сильный, все понимающий человек, помог ей найти, открыть саму себя, выбрать тот личностный путь становления или ту модель женского поведения, о которых она сама еще не ведает, чтоб среди возможных альтернатив еще не ставшего, не реализованного он помог ей найти свой истинный путь — свое «ДАО». Это, скорее, запрос Галатеи к своему Пигмалиону.

В этом плане психология — наука о понимании. Во-первых, работа

психолога — это на 90% технологии, а не концептуальные схемы. Это психотехники обучения, психотерапия, исследования общественного сознания и проведение фокус-групп, суггестивных психотехник, социальных техник организации групп, техник введения в измененные состояния сознания и т. п. Концептуализация и попытки реконструкции психических механизмов — это лишь маленькая прослойка психологической науки.

Если же исходить из широкого спектра реальных психологических задач, то большая часть их заключается в помощи осознания собственных проблем, расширении сознания пациента и, как следствие, расширении спектра возможностей. Это фактически конструирование треков возможных форм реализации, помощь людям в движении личностного становления или становления группы, коллектива, социума.

Картина мира субъекта, таким образом, раскрывается через становление самого субъекта, в широком контексте его смыслообразования «еще не ставшего бытия», в контексте малоизученной категории судьбы, а может, и в ее преодолении. Ибо эволюционируют не только наши знания о человеке, но и он сам в ходе осознания самого себя.

Литература

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1, 2. 1995.

Артемова Е.Ю. Основы психологии субъективной семантики. М., 1999.

Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Брунер Дж. Психология познания. М., 1977.

Василюк Ф.Е. Психология переживания. М., 1984.

Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1934.

- Залевская А.А.* Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование. Воронеж, 1990.
- Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972.
- Келли Дж.* Теория личности. Психология личностных конструктов. СПб., 2000.
- Леонтьев А.А.* Слово в речевой деятельности. М., 1965.
- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики. М., 1997.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание, Личность. М., 1977.
- Лурия А.Р.* Язык и сознание. М., 1979.
- Лурия А.Р., Виноградова О.С.* Объективное исследование динамики семантических систем // Семантическая структура слова. М., 1971.
- Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей «Смысл — Текст». М., 1974.
- Москович В.А.* Информационные языки. М., 1971.
- Назаретян А.П.* Интеллект во вселенной. М., 1994.
- Налимов В.В.* Спонтанность сознания: Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М., 1989.
- Петренко В.Ф.* Введение в экспериментальную психосемантику: исследование форм репрезентации в обыденном сознании. М., 1983.
- Петренко В.Ф.* Психосемантика сознания. М., 1988.
- Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. М., 1997.
- Петренко В.Ф.* Конструктивистская парадигма // Психологический журнал в психологической науке. 2002. № 3. С. 113–121.
- Петренко В.Ф., Митина О.В.* Психосемантический анализ динамики общественного сознания. М., 1997.
- Пиаже Ж.* Избранные психологические труды. М., 1969.
- Похилько В.И., Федотова Е.О.* Техника репертуарных решеток в экспериментальной психологии личности // Вопросы психологии. 1984. № 3. С. 151–157.
- Степин В.С.* О прогностической природе философского знания // Вопросы философии. 1986. № 4.
- Ушакова Т.Н.* Речь: истоки и принципы развития. М., 2004.
- Шмелев А.Г.* Психодиагностика личностных черт. СПб., 2002.
- Шмелев А.Г.* Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М., 1983.
- Щур Г.С.* Теория поля в лингвистике. М.: Наука, 1974.
- Франселла Ф., Баннистер Д.* Новый метод исследования личности. М., 1987.
- Bruner J.S., Tagiuri R.* The perception of people // Handbook of Social Psychology. 1954. Vol. 2.
- Cole M.* Introduction // Journal of Russian and East European Psychology. 1993. Vol. 31. № 2.
- Kelly G.A.* The psychology of personal Constructs. N.J., 1955.
- Marks L.E.* On colored-hearing synesthesia: cross-model translations of sensory dimensions // Psychological Bull. 1975. Vol. 82. № 3.
- Osgood Ch.* Studies on generality of affective meaning system // American Psychology. 1962. Vol. 17.
- Osgood Ch., Suci P.J., Tannenbaum P.H.* The measurement of meaning. Urbana, 1957.
- Petrenko V., Mitina O.* The Psychosemantic Approach to Political Psychology // States of Mind. American and Post-Soviet Perspectives on contemporary Issues in Psychology. D. Halpern & A. Voiskounsky (eds.). New York: Oxford Univer. Press, 1997. P. 19–48.

Теоретико-эмпирические исследования

СТРАТЕГИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА¹

Г.В. ИВАНЧЕНКО

Иванченко Галина Владимировна — профессор кафедры общей социологии ГУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник Государственного института искусствознания, доктор философских наук.

Область научных интересов: психология личности, социология искусства, экзистенциальная психология.

Автор монографий «Принцип необходимого разнообразия в культуре и в искусстве» (1999), «Реальность Паблик Рилейшнз» (1999), «Психология восприятия музыки: проблемы, подходы, перспективы» (2001).

Контакты: galina-iv@yandex.ru

Резюме

Профессиональное самоопределение личности чаще всего рассматривается как процесс выбора на этапе окончания средней школы. В статье представлены результаты эмпирического исследования стратегий самоопределения на следующем, не менее важном этапе — на этапе окончания вуза. Анализируются результаты исследования стратегий профессионального самоопределения и имплицитных концепций профессионализма выпускниц столичных и региональных вузов (технических, педагогических, творческих).

Традиционно процесс профессионального самоопределения рассматривается как этап, приблизительно совпадающий с окончанием средней

школы; исследователями давно отмечена как вынужденность этого выбора, так и неготовность большинства школьников к самому выбору и

---

¹Работа выполнена при поддержке программы исследовательских грантов Государственного университета — Высшей школы экономики и РГНФ (проект 04-06-00288).

к принятию ответственности за него (см., например: Кон, 1979). Есть все основания полагать, что в действительности выбора как такового и не происходит. Вуз выбирается по критерию доступности, близости к месту проживания или потому, что туда идет полкласса, и задачи построения собственно профессиональной карьеры, по сути, начинают решаться гораздо позже, на старших курсах вуза или даже после окончания института.

За проблемами отложенного выбора, неясности критериев самоопределения стоит проблема трансформации всего социального института высшего образования. Не только в России, но и в мире университеты под воздействием внешних факторов преобразуются в экономические *корпорации* (Покровский, 2004, с. 7–43), которые управляются как корпорации особого рода — связанные с производством и распространением знаний. Студенты (магистранты, аспиранты) выступают в качестве *клиентов* корпорации, *покупателей* на рынке образовательных услуг, предлагаемых университетом. Вместе с тем и у студентов, и у их родителей сохраняются ожидания заботы со стороны вуза, со стороны государства в целом.

В итоге, сталкиваясь с реальными сложностями выбора и построения своей профессиональной карьеры, выпускники нередко балансируют между нереалистическими претензиями и пассивностью, полным нежеланием осуществлять реальный выбор, неверием в свои силы. Рекрутеры полагают, что запросы выпускников недостаточно адекватны. «Выпускники вузов считают, что их ждет красивая, удобная и денежная работа, которая свалится с неба.

Предложения реальных компаний выпускников, которые только что получили диплом, практически не интересуют, они живут иллюзиями», — отмечает гендиректор школы менеджеров «Арсенал» Виталий Булавин (см.: Каневская, 2005).

Каким же образом представления о своих возможностях влияют на профессиональные планы выпускниц вузов, на выбор ими тех или иных целей, профессиональной карьеры в целом и на деятельность, направленную на их достижение? Каковы представления о своих возможностях выпускниц, имеющих «мужскую» и «женскую» профессии, заканчивающих столичные или провинциальные вузы?

Профессиональное самоопределение — событие или, точнее, непрерывный процесс, влияние которого на жизнь человека в целом трудно переоценить, поскольку он затрагивает практически все сферы жизнедеятельности, и в работах последних лет существует тенденция рассматривать его в контексте жизненного пути в целом. Интегральной характеристикой самоопределения личности являются жизненные стратегии как способы самоосуществления человека в разных сферах его жизни. В процессе целеполагания субъект выходит за пределы требований наличной ситуации и стремится практически определить границы своих возможностей. Но еще до этого он обладает «представлениями о возможном», присущими тем или иным социальным общностям или группам и в совокупности образующим «пространство возможностей» индивида.

Изменения социальных представлений о возможном и невозможном

на больших временных отрезках так же задают основу жизненных стратегий. Главным критерием их оптимальности, видимо, является усложнение и обогащение жизненного мира и расширение границ возможного. Избыток возможностей, по Х. Ортега-и-Гассету, — признак здоровой, полнокровной жизни (Ортега-и-Гассет, 1991). Противоположный результат — упрощение — может быть достигнут различными способами: минимизацией притязаний, «свертыванием» жизненных отношений, в первую очередь способствующих расширению возможностей, ориентацией на постоянно меняющиеся сиюминутные требования жизненной ситуации или на устоявшиеся, общепринятые образцы жизненных стратегий. Стандартные стратегии, отмечает К.А. Абульханова-Славская (Абульханова-Славская, 1991, с. 285), легки, но они не позволяют скоординировать жизнь в целом. Подобные стратегии также сообщают следующему им субъекту избирательную «слепоту» ко всем возможностям, отклоняющимся от нормативно одобряемых.

В исследованиях мотивации одной из нерешенных проблем продолжает оставаться выявление масштабов и характера разрыва между возможностями личности и наличными условиями их реализации, выявление типичных способов — идеальных или деятельностных — преодоления этого разрыва. Эта проблема интересовала еще Ж. Нюттена, изучавшего когнитивную переработку потребностей в связи со своей теорией трансформации потребностей в цели, планы и поведенческие проекты. В результате этой переработки потребно-

сти не только конкретизируются — они интегрируются с динамическим самоотношением и системой ценностей индивида, обретают временную перспективу, перспективу будущего. «Будущее является "психологическим пространством", в котором потребности человека подвергаются когнитивной переработке в отдаленные цели и поведенческие проекты. В этом смысле умозрительный конструкт будущее есть место строительства поведения и развития человека» (Nuttin, 1985, p. 40).

В широкой временной перспективе шаги, предпринимаемые личностью для устранения либо минимизации разрыва между возможностями и условиями их реализации, образуют жизненные программы, сценарии, жизненные планы, жизненный путь. На протяжении ряда лет в российской, а до этого в советской социологии проблема жизненного пути разрабатывалась прежде всего исследовательскими группами М.Х. Титмы, Г.А. Чередниченко, В.Н. Шубкина (Жизненный путь поколения: его выбор и утверждение, 1985; Жизненные пути одного поколения, 1992; Чередниченко, Шубкин, 1985, и др.), в последние годы — Д.Л. Константиновского (Константиновский, 2000). В психологии одним из наиболее методически оснащенных оказался подход А.А. Кроника и Е.И. Головахи — каузометрический анализ жизненного пути, заключающийся в реконструкции системы причинных и целевых связей между жизненными событиями, свойствами личности, значимыми для нее людьми. Вместе взятые, эти связи образуют многослойную субъективную картину жизненного пути (LifeLine и другие

новые методы психологии жизненного пути, 1993; Кроник, Ахмеров, 2003).

Менее разработанным, нежели «жизненный путь», оказалось такое понятие, как «жизненные стратегии личности». В отечественной науке это прежде всего работы К.А. Абульхановой-Славской, Н.Ф. Наумовой, Ю.М. Резника и Е.А. Смирнова (Абульханова-Славская, 1991; Наумов, 1995; Резник, Смирнов, 2002; Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи, 1998). Согласно К.А. Абульхановой-Славской, жизненная стратегия «состоит в способах изменения, преобразования условий, ситуаций жизни в соответствии с ценностями личности», определяет меру соответствия и баланса между желаемым и необходимым, между личным и социальным (Абульханова-Славская, 1991, с. 67, 247). Само наличие жизненной стратегии личности является свидетельством ее социально-психологической зрелости, ее способности решать жизненные противоречия. «Последняя проявляется в умении соединять свои индивидуальные возможности, свои статусные, возрастные возможности, собственные притязания с требованиями общества, окружающих. Способность осуществлять это соединение мы определяем как *жизненную стратегию*» (Абульханова-Славская, 1991, с. 67). В работах Ю.М. Резника и Е.А. Смирнова на первый план также выступает сознательный аспект, рациональность в стратегическом планировании жизни: стратегия жизни определяется указанными авторами как «способ сознательного планирования и конструирования личностью собственной жизни путем поэтапного форми-

рования ее будущего» (Резник, Смирнов, 2002, с. 3). На наш взгляд, «вес» сознательного, рационального компонента в жизненной стратегии может быть минимальным, например, в деструктивных жизненных стратегиях; далеко не все элементы устойчивых стратегий оказываются сознательно планируемыми. Наличие жизненной стратегии также «автоматически» не предполагает самостоятельности в построении своей жизни — ориентация на социальную поддержку, например, может минимизировать индивидуальные компоненты жизненной стратегии. Итак, *можно определить жизненные стратегии как обобщенные способы разрешения жизненных ситуаций и выбора значимых альтернатив.*

В данном исследовании мы попытались проанализировать мотивационную составляющую профессионального самоопределения через понятие «личные стремления», разработанное с целью описания того, что человек обычно пытается делать (Emmons, 1986, 1996). Каждый субъект, утверждает Р. Эммонс, может быть охарактеризован присущим ему набором тенденций «пытаться что-то делать». К примеру, человек может «пытаться выглядеть привлекательным», «пытаться настаивать на своем» и «пытаться быть аккуратней, чем другие». Личное стремление — это обобщающий конструкт, объединяющий различные цели или действия вокруг общей темы. Каждое данное стремление может быть реализовано различными способами и удовлетворено посредством достижения любого числа конкретных целей. Стремления служат мотивационными организующими принципами, они придают смысл

имеющему место изо дня в день преследованию целей. Не существует двух различных людей, у которых конфигурация стремлений в точности бы совпадала.

Личные цели могут быть полезны в качестве инструмента оценки в ситуациях консультирования. Матрица взаимосогласованности стремлений (МВС) Эммонса — это полезный способ оценки степени воспринимаемого человеком конфликта его стремлений. Люди, которые заполняют МВС, отмечают, что им было очень полезно поразмышлять о своих стремлениях в подобном ключе и это помогло им определить те области в своей жизни, на которые нужно обратить внимание.

Р.А. Ахмеров (Ахмеров, 2003) задается вопросом: отчего поставленные цели в жизненной программе личности не всегда побуждают к активности? Он предполагает, что наличие желательности цели и отсутствие активности по ее достижению вызвано рассогласованием утверждения вербальной значимости цели (в сознании) и ее незначимости на уровне бессознательного. Видимо, активность «тормозится» неосознаваемой, а именно реальной, значимостью (точнее, незначимостью) цели. Почему существует и поддерживается такое рассогласование? По мнению Р.А. Ахмерова, это результат рассогласования между линиями адаптации и самореализации, которые могут не совпадать: успешная жизнь в обществе (адаптация к окружающей социальной среде) не всегда (как правило) способствует самореа-

лизации. Д.А. Леонтьев (Леонтьев, 1997) выделяет два пути обретения смысла жизни при переживании бессмысленности и неудачи в самореализации: путь адаптации, т. е. приведение смысла своей жизни в соответствие с реальностями жизни, путь самореализации, т. е. приведение жизни в соответствие со своим смыслом. Р.А. Ахмеров в связи с этим говорит о двух жизненных программах личности — социально-психологической адаптации к социуму (поощряемая обществом) и самореализации — не всегда совпадающей с программой социально-психологической адаптации личности к социуму. На наш взгляд, здесь точнее было бы говорить о жизненных стратегиях, поскольку сам термин «жизненная программа» подразумевает высокую степень осознанности и абстрактности (в советской социологии этим термином обозначался идеальный образ целей и результатов жизни), «жизненные стратегии» же предполагают гибкость (при относительной устойчивости), возможность реализации в конкретных условиях жизнедеятельности, лишь частичную осознаваемость побуждений субъекта.

Стратегии самоопределения: эмпирическое исследование²

Итак, объектом нашего исследования были психологические особенности и мотивационные ожидания выпускниц высшей школы, планирующих сразу же по окончании вуза поступать в аспирантуру либо продолжать работать по специальности,

²Автор выражает искреннюю признательность М.Ю. Казарян, М.А. Козловой, А.А. Немцову за помощь в сборе данных.

получаемой в вузе; предметом исследования — стратегии самоопределения.

Наметившийся в последние годы общеметодологический поворот от исследования социальной реальности как иерархически организованной к гетерархической организации, безусловно, расширяет возможности анализа взаимовлияний условий жизнедеятельности, самосознания субъектов и их самоопределения. Это означает прежде всего отказ от поисков «эталонной» жизненной стратегии молодой женщины, оптимальной с точки зрения адаптации к жизненной ситуации либо с точки зрения возможностей самореализации.

Методика

В исследовании использовалась разработанная нами социологическая анкета, а также методики:

1. Методика оценки личностных стремлений Р. Эммонса.

Поскольку данная методика пока малоизвестна в России, опишем подробнее, как осуществляется выявление стремлений. Испытуемым дается определение личного стремления как «того, что вы обычно стремитесь или вам свойственно стремиться достичь в своем повседневном поведении». Далее им приводят несколько примеров личных стремлений, таких, как «стремиться убедить других в своей правоте» и «пытаться помочь другим, нуждающимся в помощи». Подчеркивается, что эти стремления выражены в терминах того, что человек «пытается» делать независимо от того, достигает ли он реального успеха в этих попыт-

ках. Участникам также говорится, что стремления могут быть как позитивными, так и негативными и что стремление должно отвечать повторяющейся, устойчивой цели, а не сиюминутному интересу.

Исследование личных стремлений начинается с заполнения опрашиваемыми серии из 15 утверждений с открытым окончанием, основой которых является «Я обычно пытаюсь...». После составления этого списка стремлений испытуемые заполняют матрицу (матрица взаимосогласованности стремлений), в которой строки и столбцы содержат стремления испытуемого. Для каждой пары стремлений испытуемый оценивает степень взаимной согласованности или несовместимости, вплоть до полного заполнения матрицы. Каждая цель оценивается дважды: по тому, как она воздействует на другие цели и как другие цели воздействуют на нее. Для матрицы в целом определяется средний показатель конфликта или взаимосогласованности в целевой системе человека, который используется как переменная в сравнительном анализе испытуемых. Каждое стремление оценивается по следующим параметрам: радость (от реализации стремления), огорчение, амбивалентность, важность, успешность осуществления, вероятность успешной реализации, влияние обстоятельств, усилия, требуемые для реализации стремления; трудность реализации, социальная желательность, ясность цели, прогресс в осуществлении, атрибуция со стороны: 1) внешних причин; 2) чувства вины или беспокойства; 3) идентификации с целью, веры в нее; 4) внутренних причин. Наконец, опрашиваемые

оценивали, какое влияние оказывают значимые для них люди на каждое из их стремлений.

Далее стремления кодируются по следующим 12 категориям: приближение — избегание, интраперсональное — интерперсональное, достижение, общение, интимность, власть, личностный рост и здоровье, преподнесение себя, самодостаточность (независимость), дезадаптация (саморазрушение), творческая продуктивность, духовная самотрансценденция. Для всех стремлений респондента оценивается уровень их абстрактности — конкретности.

2. Тест на оптимизм Л.М. Рудиной (адаптированная версия опросника «ATTRIBUTIONAL STYLE QUESTIONNAIRE» М.Э. Селигмана).

3. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО).

4. Методика диагностики стремления к изменениям (Д.А. Леонтьев, Д.В. Сапронов).

5. Методика измерения гендерной идентичности личности (МИГИ) С.Л. Бем, адаптированная М.В. Бураковой и В.А. Лабунской.

Исследование проводилось в апреле — мае 2004 г. на базе Московского областного педагогического университета, Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана, Таганрогского радиотехнического университета, Таганрогского государственного педагогического университета. Всего в нем приняла участие 51 студентка выпускных курсов.

Результаты

Критерием отбора для участия в исследовании был положительный ответ на вопрос анкеты: «Собираетесь ли Вы далее работать по специальности, полученной в вузе?» Далее выделилось три подгруппы: планирующие поступать в аспирантуру по своей специальности (15 человек), работавшие хотя бы какое-то время по своей специальности (26 человек) и собирающиеся работать по своей специальности, но еще не работавшие и не имеющие четких представлений о своей будущей профессии (10 человек).

Различия стремлений и личностных характеристик выпускниц, получивших «мужские» и «женские» специальности

На первом этапе с помощью критерия Манна–Уитни сравнивались показатели респондентов, получающих педагогическое либо техническое образование (табл. 1).

Как видно из таблицы 1, студентки педагогического вуза отличаются более высоким уровнем сформированности смысложизненных ориентаций в целом и большей интернальностью локуса контроля в объяснении собственного поведения в сочетании с более высоким итоговым уровнем оптимизма.

Качественных различий стремлений выпускниц педагогических и технических вузов оказалось относительно немного: средний показатель представлений о вероятности успеха реализации намерений различается на 15% (у студенток технических вузов он выше), но в основном за счет того,

Таблица 1

Сравнение показателей студентов педагогических (N=20) и инженерно-технических (N=31) специальностей (p < 0.05)

Показатель	Педагогические вузы	Технические вузы
Постоянство в объяснении хороших событий (опросник оптимизма)	3.45	2
Параметр широты беспомощности (опросник оптимизма)	4.45	3.55
Персонализация в плохих условиях (опросник оптимизма)	6.15	4.61
Итог по хорошим событиям (опросник оптимизма)	12.1	9.32
Осмысленность жизни (СЖО)	104.95	96.35
Локус контроля – Я (СЖО)	20.75	18.84

что у них практически отсутствуют «невозможные» намерения вроде «полететь на Луну (вероятность реализации – 0%)». Несколько ниже у студентов педвузов (на 0.3 балла) такой показатель, как «ясность» (как достичь цели), что неудивительно при учете «технического склада ума».

Выявились значимые различия (p < 0.05) между студентками технических (МГТУ, ТРТУ) и педагогических (МОПУ, ТППУ) специальностей по следующим группам стремлений: стремление к достижениям, интерперсональность (направлен-

ность на других) и уровень самоактуализации – сводный показатель по группам стремлений «Личностный рост и здоровье», «Продуктивность», «Духовность» (табл. 2).

Так, студентки педагогических вузов более склонны включать в свои представления о будущем интересы других людей (судя по относительно большому количеству интерперсональных стремлений), однако студентки технических вузов демонстрируют бóльшую склонность к личностному росту и творческой самореализации, но также и к достижениям.

Таблица 2

Различия характеристик стремлений в зависимости от типа получаемого образования (p < 0.05)

Группы стремлений	Характер получаемого образования	
	Технический вуз	Педагогический вуз
Стремления к достижению	2.19	1.87
Интерперсональные стремления	2.81	3.40
Стремления к самоактуализации	8.36	4.90

Различия стремлений и личностных характеристик выпускниц столичных и провинциальных вузов

Объем выборки, безусловно, не позволяет делать выводы о региональных различиях. Тем не менее показательно, что ни одной значимой корреляции не было получено: проживание и обучение в мегаполисе (Москва) либо трехсоттысячном городе (Таганрог) не оказывает систематического влияния на стремления и личностные характеристики выпускниц. Здесь можно провести параллель с результатами исследований Ю.У. Фохта-Бабушкина (Художественная жизнь современного общества, 1997) «духовного потенциала» горожан и сельских жителей: более многосторонние и более развитые в духовном плане личности очень близки между собой независимо от типа поселения, региона, социально-демографических характеристик группы, а различия между территориями, социальными слоями порождаются как раз качествами не стре-

мящейся к личностному росту части населения, именно она служит источником или базой социальной разобщенности.

Осмысленность жизни и оптимизм: корреляционный анализ

Анализ корреляционных связей показателя сформированности смысло-жизненных ориентаций с показателями оптимизма, маскулинности/фемининности и готовности к изменениям выявил значимые корреляции (табл. 3). Результаты объяснимы тем, что по данному показателю высокие баллы отражают безнадежность.

Таким образом, как результаты корреляционного анализа, так и выявленные межгрупповые различия демонстрируют рост оптимизма при большей сформированности смысло-жизненных ориентаций и повышении интернальности. Это вполне объяснимо: представления о себе как хозяине собственной судьбы при любых, даже пока весьма скромных достижениях формируют более пози-

Таблица 3

Результаты корреляционного анализа (N=51)

	Осмысленность жизни
Постоянство в объяснении хороших событий (опросник оптимизма)	0.44
Коэффициент надежды (опросник оптимизма)	-0.39
Персонализация в плохих условиях (опросник оптимизма)	0.28
Итог по хорошим событиям (опросник оптимизма)	0.34
Общий показатель оптимизма (опросник оптимизма)	0.32
Маскулинность (МИГИ)	0.34
Готовность к изменениям (опросник стремления к изменениям)	0.43

тивную и более уверенно прочерчиваемую в будущее перспективу.

Абстрактные/конкретные стремления: кластерный анализ

Р. Эммонс считает наиболее адаптивной формой саморегуляции поведения цели высокого уровня (вместе с тем конкретные и доступные); они оцениваются как более важные и определяющие Я, по сравнению с целями низкого уровня. Они несут живую информацию о том, что человек находит ценным, осмысленным и значимым.

Цели высокого уровня многообразными отношениями тесно связаны с ценностно-смысловой сферой личности, однако в то же время их нелегко осуществлять из-за присущей им неопределенности. В целом цели высокого уровня реально оцениваются как более трудные для достижения и менее ясные в смысле тех средств, с помощью которых их можно достигнуть, что потенциально отвечает за их связь с негативной аффективностью. Почему же возникает негативный аффект? Как правило, вследствие меньшего, нежели желаемый, прогресса в осуществлении целей.

Цели низкого уровня могут быть способом отвлечения. Сталкиваясь с психологически напряженной задачей встречи со своими глубокими стремлениями, люди, склонные к подавлению, по всей видимости, находят эту задачу угрожающей, вовлекаются в процесс избегания и порождают менее открытые и более поверхностные цели: «завести собаку», «научиться водить машину», «подстричься», «похудеть», «выспаться».

С помощью кластерного анализа обследованная выборка была разде-

лена на две подгруппы в зависимости от сложности (абстрактности) личностных стремлений респондентов. Далее в каждой выделенной подгруппе был проведен корреляционный анализ показателей с целью исследования личностной структуры тех, чьи стремления оказались в среднем более конкретными или абстрактными.

В группе респондентов, характеризующихся менее сложными личностными стремлениями, выявлены следующие статистически значимые связи (табл. 4). Маскулинность связана с оптимизмом, тенденцией к изменениям, восприятием жизни как эмоционально насыщенной и интернальностью локуса контроля при оценке жизненных событий. С интернальностью локуса контроля связана также и выраженность тенденции к изменениям. Это может быть объяснено взаимным усиливающим эффектом проявления указанных качеств: уверенность в себе подпитывается и выраженностью маскулинных качеств, и представлением о своем контроле над ситуацией, что подталкивает к новым жизненным проектам и усиливает эмоциональность переживания жизни на данном этапе.

Следует обратить внимание на наличие у респондентов именно этой подгруппы корреляционных связей между показателями, характеризующими сложность личностных стремлений и особенности смысло-жизненных ориентаций. Так, сложность личностных стремлений коррелирует с разработанностью и четкостью целей, результативностью и интернальностью локуса контроля, а также с интегральным показателем, характеризующим сформированность смысло-жизненных ориентаций в целом.

Таблица 4

Корреляционные связи показателей у респондентов с менее сложными стремлениями ($p < 0.05$)

	Маскулинность (МИГИ)	Локус контроля — жизнь (СЖО)	Цель (СЖО)	Результативность (СЖО)	Осмысленность жизни
Маскулинность (МИГИ)		0.72			
Оптимизм	0.76				
Готовность к изменениям	0.64	0.73			
Эмоциональная насыщенность (СЖО)	0.74				
Сложность стремлений (Эммонс)		0.7	0.75	0.6	0.65

В группе респондентов, отличающихся большей сложностью личностных стремлений, не выявлено статистически значимых корреляций между сложностью стремлений и другими личностными характеристиками (табл. 5). Оптимизм и маскулинность коррелируют с большинством характеристик смысложизненных

ориентаций: четкостью целей, эмоциональной насыщенностью жизни, результативностью и локусом контроля как в восприятии жизни в целом, так и в оценке собственных действий.

Чем можно объяснить отсутствие значимых корреляций между сложностью стремлений и другими лич-

Таблица 5

Корреляционные связи показателей у респондентов с более сложными стремлениями ($p < 0.05$)

	Оптимизм	Маскулинность
Осмысленность жизни (СЖО)	0.94	0.83
Цель (СЖО)	0.93	
Эмоциональная насыщенность (СЖО)	0.85	0.89
Результативность (СЖО)	0.96	
Локус контроля — Я (СЖО)	0.88	0.95
Локус контроля — жизнь (СЖО)	0.88	0.85
Сложность стремлений (Эммонс)		0.81

ностными характеристиками у группы девушек, отличающихся большей сложностью личностных стремлений? Можно предположить, что до какого-то уровня сложности эта связь сохраняется. Однако при превышении этого уровня абстрактные личностные стремления формируют независимую, слабо связанную с другими подструктуру личности либо образуют связи с теми характеристиками, которые не были заложены в диагностический инструментарий.

Конфликтность стремлений

Интеграцию стремлений разного уровня можно проследить по показателям конфликтности стремлений. Амбивалентность целевых стремлений по методике Р. Эммонса можно также оценить, спрашивая испытуемых о том, сколь ощутимый дискомфорт (негативные чувства) испытали бы они в случае успешной реализации стремления. Надежность этой меры повышается, если обобщить ее по всем целевым стремлениям испытуемого. Приведем список стремлений, оказавшийся наименее конфликтным (ни одного балла по конфликтности стремлений), — список выпускницы МГТУ им. Баумана, планирующей поступление в аспирантуру параллельно со следующими намерениями: «Жить наиболее полно (освоить дайвинг и фачборд)»; «Быть независимой (психологически и материально)»; «Добиться максимально возможного статуса»; «Делать свою работу с удовольствием»; «Выглядеть аутентично»; «Сохранить ценные для меня отношения с людьми»; «Не поддерживать ненужные отношения»; «В любом виде

спорта достигать профессионализма»; «Семья и дети»; «Легче относиться к жизни»; «Профессионально определиться»; «Максимальная безопасность и комфорт в жизни» и т. д.

С точки зрения внешнего наблюдателя, возможно, какие-то из этих намерений могут вступить в конфликт между собой или покажется весьма проблематичной их одновременная реализация, — однако не с точки зрения выпускницы. В целом затруднений в интеграции карьерных стремлений с другими сторонами жизни несколько больше у выпускниц технических вузов. Чем это можно объяснить? Во-первых, конфликтность может сохраняться еще с предыдущих этапов самоопределения, когда девушкой были нарушены гендерные стереотипы выбора профессии. Во-вторых, студенткам тех технических вузов, в которых проводился опрос, достаточно сложно было совмещать — в отличие от будущих педагогов — работу с учебой в силу большой внеаудиторной нагрузки (чем славится МГТУ им. Баумана). Поэтому привычная ситуация конфликта между основной (профессиональной) и другими сферами жизни в большей степени осознается выпускницами технических вузов.

Следует отметить, что в целом конфликтность (сознаваемая, выраженная респондентами в их оценках противоречивости своих стремлений) чрезвычайно низка: от 0 до 7 конфликтующих стремлений (из 45 возможных), в среднем — 2.5, у студенток технического вуза — 3.1, у студенток педагогического — 2.1; более половины из них фиксируют противоречивость желания иметь семью и сделать карьеру (стать хорошим

профессионалом, заниматься любимым делом...), в остальных случаях чаще всего как конфликтные осознаются желания, приводящие к «конфликту ресурсов», например, к невозможности купить одновременно две дорогостоящие вещи.

Конфликты могут быть следствием столкновения между намерениями высокого и низкого уровня или между более абстрактными и более конкретными целями. Кассер и Райан (Kasser, Ryan, 1993) обнаружили, что внутренние цели принятия себя и социального альтруизма, как правило, влекут за собой счастье, тогда как внешние стремления делать деньги и хорошо выглядеть представляются уменьшающими счастье. Напомним, что суммарный показатель удовлетворенности жизнью (по методике СЖО) действительно ниже у группы с менее сложными жизненными стремлениями. Однако эта же группа продемонстрировала более высокие суммарные показатели переживания жизни как процесса (СЖО). Очевидно, восприятие текущего жизненного этапа как эмоционально насыщенного обладает определенным компенсирующим эффектом, но возможности компенсации не безграничны.

Л.В. Осипова и М.К. Тутушкина (Осипова, Тутушкина, 2001) вводят понятие «диапазон самоактуализации», оценивая его по двум параметрам — широте и позитивности/негативности, и отмечают, что самые высокие показатели самоактуализации имели только профессионально успешные женщины, при этом гармонично актуализирующие себя и по семейным характеристикам. Можно сравнить показатель «Самоактуализа-

ция» (сводный показатель по группам «Личностный рост и здоровье», «Продуктивность», «Духовность») у тех студенток, у которых оказались наибольшие и наименьшие показатели конфликтности стремлений. Среди респонденток, у которых было более 4 конфликтующих стремлений (8 чел.), сводный показатель «Самоактуализация» составил 1.4, среди тех, у кого не было ни одного конфликтующего стремления (10 чел.), — 6.8, но выводы следует делать осторожно вследствие малого количества ответов в той, и другой категории.

Стратегии самоопределения

Проведенный факторный анализ, по сути, «разводит» данные по методикам; поэтому рассмотрим структуру стремлений в отдельных группах опрошенных.

1. Критерием отбора в первую группу было наличие не более одного стремления (по методике Эммонса), прямо связанного с будущей профессиональной деятельностью.

Особенности личностных свойств и стремлений: более низкий уровень оптимизма (10.4), чем в целом по выборке (12.9); относительно высокий уровень стремления к изменениям (61.0 при среднем 55.5); почти отсутствует андрогинный тип, преобладающий в выборке, здесь же преобладает умеренно фемининный; более широко представлены намерения, связанные с аффилиацией и близостью.

2. Критерием отбора во вторую группу было наличие не менее двух стремлений (по методике Эммонса), прямо связанных с будущей профессиональной деятельностью, и общий

уровень абстрактности стремлений не более трех. Далее внутри второй группы выделилось две подгруппы, характеризующиеся различными констелляциями качеств:

а) относительно высокий уровень оптимизма (16.2 при среднем 12.9), маскулинности (5.74 при среднем 4.47), стремления к изменениям (59.3 при среднем 55.5), широко представлены достижительные стремления разного плана: спортивные достижения, удачные инвестиции, освоение новых полезных навыков (разве что политических амбиций не высказала ни одна выпускница);

б) большое число «невозможных» стремлений, наличие дезадаптивных стремлений (например, «быть всегда правой»), разнообразие сфер стремлений, высокий уровень переживания эмоциональной насыщенности жизни (36.4 при среднем 29.1) в сочетании с низким уровнем оптимизма (9.9 при среднем 12.9).

3. Критерием отбора в третью группу было наличие не менее двух стремлений (по методике Эммонса), прямо связанных с будущей профессиональной деятельностью, и общий уровень абстрактности стремлений не менее 4-х.

Особенности личностных свойств и стремлений респондентов этой группы: более высокий уровень оптимизма (14.7), чем по выборке в целом (12.9), в особенности по параметру «персонализация», наличие стремлений из «самоактуализационной» триады (очень редко встречающихся у других респондентов), у всех вошедших в эту группу наличествовала андрогинность (т. е. высокий уровень выраженности и «мужских», и «женских» качеств), высокий пока-

затель локуса контроля — Я (23.0 при среднем 19.6), средний уровень представленности достижительных стремлений, наличие не более одного дезадаптивного стремления.

Приведем пример стремлений студентки третьей группы:

Определиться в своих приоритетах
Воспитать счастливых детей
Быть порядочным человеком
Быть успешной в профессиональном плане
Делать людям добро
Избегать конфликтных ситуаций
Профессионально и интеллектуально расти
Проводить больше времени с близкими
Больше читать художественной литературы
Ставить себя на место другого
Найти Любовь
Учиться у жизни, видеть и понимать смысл событий и своих переживаний
Устанавливать хорошие отношения с окружающими
Делать только то, что я считаю нужным
Видеть хорошее в мелочах

Стратегию самоопределения первой группы можно обозначить как «*выжидательную*». Человек внутренне не готов к изменениям, но сам их не инициирует. Большое значение, чем для других групп, имеют позитивные отношения с другими людьми.

Группа 2а: *собственно достижительная стратегия*. Профессиональная самореализация рассматривается как одна из многих сфер «экспансии» и служит скорее средством, чем целью.

Группа 2б: *эскапистская (гедонистически-ориентированная)* стратегия.

Интересы лежат преимущественно в иной плоскости, нежели профессиональная, любая возможность выступает как доступная и манящая, но за этим калейдоскопом стремлений, видимо, реальных достижений и даже надежд немного (самый высокий уровень безнадежности именно у этой группы). Для этой группы в наибольшей степени характерна отмеченная Н.Е. Покровским (Покровский, 2004) утрата «судьбоносности» (экзистенциальности) университетского образования: обучение в университете — это всего лишь эпизод в их жизни, развертывающийся параллельно с другими, не менее важными эпизодами: параллельная работа, личная жизнь, наполненная удовольствиями потребительского общества, и пр.

В третьей группе, если бы не наличие относительно небольшого числа «сиюминутных» и «актуальных» стремлений, *стратегию можно было бы назвать «вневременной»*. Но поскольку стремления не «консервируют» достигнутый уровень, а направлены на усиление и поддержку личностных ресурсов, обозначим ее как «кумулятивную» (обеспечивающую накопление ресурсов для дальнейшей самореализации). Если считать критерием продуктивности усложнение и расширение сферы возможного, то эту стратегию следует признать конструктивной.

ИмPLICITНЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА

В 1954 г. Дж. Брунер и Р. Тагиури ввели понятие «имплицитная теория личности» («теория личности здравого смысла»), под которым они по-

нимали одну из форм социального восприятия, включавшую в себя представления индивида о структуре и механизмах функционирования личности — своей или другого человека (Bruner, Tagiuri, 1954). Наиболее известным исследователем имплицитных концепций (в частности, интеллекта и креативности) является Р. Стернберг, который вместе со своими последователями занимается изучением этой проблемы свыше 20 лет (Sternberg, 1985, 1993). Что подразумевают выпускники, говоря о профессионализме? Какие личностные и «операциональные» качества связывают с этим понятием без пяти минут профессионалы?

Методики и процедура

Эмпирическое исследование проводилось в мае — октябре 2004 г. в МГТУ им. Н.Э. Баумана, Таганрогском радиотехническом университете, Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского, Институте современного искусства (Москва). На первом этапе было опрошено 167 человек, на втором этапе — 230.

На первом этапе исследования необходимо было определить, какие характеристики «настоящего профессионала в своей области» наиболее часты в представлениях студентов различных специальностей. Студентам МГТУ им. Н.Э. Баумана, Таганрогского радиотехнического университета, Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского, Института современного искусства (Москва) предлагалось описать качества «настоящего профессионала в своем деле». Среди 167 полученных

описаний было обнаружено свыше 70 свойств, присущих «настоящему профессионалу», из которых нами было выбрано 30 наиболее часто встречающихся. 30 выбранных качеств были расположены в произвольном порядке, чтобы фактор частотности не повлиял на дальнейшую их оценку. На следующем этапе мы предлагали оценить выбранные на первом этапе качества – присущи ли они настоящему профессионалу (по 5-балльной шкале: от 1 – данное качество не свойственно творческому человеку, до 5 – безусловно, присуще). Также в этом исследовании использовались опросник Джонсона, позволяющий выявить уровень креативности, и тест смысловых ориентаций (СЖО).

Результаты

С помощью t-критерия Стьюдента были выявлены различия в выраженности оцениваемых параметров в зависимости от специальности.

Как видно из таблицы 7, студенты творческих специальностей отличаются более сформированными представлениями о смысле собственной жизни, креативностью, а также более высоким уровнем требований, соответствующих их представлениям о профессионализме. Так, студентам творческих специальностей присуща более высокая оценка значимости качеств и способностей, связанных с креативностью (творческий подход к делу, нестандартное

Таблица 7

Различия между студентами технического вуза (N=123) и студентами творческих специальностей (N=107) ($p < 0.05$)

Показатель	Тип профессиональной подготовки	
	Творческие специальности	Технический вуз
Осмысленность жизни (СЖО)	110.73	102.86
Креативность (Джонсон)	30.47	28.37
Уверенность в себе	4.52	4.26
Коммуникабельность	4.44	4.01
Эрудированность	4.44	4.13
Любовь к своей профессии	4.78	4.37
Целеустремленность	4.67	4.20
Талант	4.67	4.24
Постоянное обновление знаний	4.38	4.07
Умение учиться у более опытных коллег	4.32	3.90
Нестандартное мышление	4.36	3.98
Эмоциональность	4.19	3.59
Творческий подход к делу	4.77	4.01

Таблица 8 (продолжение)

Показатель	Технический вуз					Творческие специальности				
	F1	F2	F3	F4	F5	F1	F2	F3	F4	F5
Компетентность							0.62			
Спокойствие									-0.57	
Целеустремленность						0.62				
Пунктуальность							0.69			
Внимательность	0.63						0.61			
Талант	0.7									
Качественное выполнение любой работы	0.69									
Сообразительность	0.81									
Патриотизм					0.69		0.61			
Постоянное обновление своих знаний	0.76									
Умение учиться у более опытных коллег						0.59				
Собственная точка зрения										
Здравый смысл	0.74									
Нестандартное мышление				0.71						
Эмоциональность		-0.64							0.59	
Творческий подход к делу						0.57				
<i>Expl. Var</i>	9.55	2.1	2.34	1.84	1.51	3.48	3.59	3.37	1.83	1.78
<i>Prp. Totl</i>	0.3	0.07	0.07	0.06	0.05	0.10	0.11	0.11	0.06	0.06

ря на то что последующие факторы объясняют менее чем 10% дисперсии, представляет интерес «склейка» признаков во втором факторе: «Креативность» и «Смыслжизненные ориентации», а противоположный полюс представлен «Эмоциональностью», что отражает представление о профессионале как неподвластном эмоциям.

У студентов творческих специальностей анализ позволил выявить пять значимых, но «неболь-

ших» факторов. Первый из них включает «Постоянное самосовершенствование», «Любовь к своей профессии», «Целеустремленность», «Умение учиться у своих более опытных коллег», «Творческий подход к делу», т. е. самосовершенствование в профессиональной области в его различных гранях. Второй фактор составили признаки «Честность», «Компетентность», «Пунктуальность», «Внимательность» и — довольно неожиданно в этом ряду — «Патриотизм».

Третий фактор представлен одним признаком — «Опыт», безусловно существенным в творческих профессиях.

Итак, для студентов технических специальностей характерна большая значимость когнитивных компонентов профессионализма, а для студентов творческих специальностей — стремление к самосовершенствованию. Не является неожиданным тот факт, что в технических вузах примером профессионализма и для юношей, и для девушек служили почти исключительно мужчины (95% полученных ответов), а в творческих — более 40% назвали в качестве образца профессионализма женщину: педагога, чаще всего своего, кого-то из родственников, чаще всего мать, известных исполнительниц, художниц, журналисток. Возможно, некоторые отличия имплицитных концепций профессионализма в технических и творческих вузах объясняются именно этим.

Имплицитные концепции творческой личности

Как видно из предыдущего раздела, важным компонентом представлений о профессионализме являются свойства и качества, близкие к креативности, к творческому компоненту профессиональной деятельности. Поэтому следующее наше эмпирическое исследование было посвящено уточнению представлений студентов творческих и технических вузов о творческой личности.

Методики и процедура

Студентам МГТУ им. Н.Э. Баумана и Института современного искус-

ства (Москва) предлагалось описать качества «по-настоящему творческого человека». Было получено 167 описаний, среди которых не повторялись 120 свойств, присущих «настоящему профессионалу»; из них нами было выбрано по 30 наиболее часто встречающихся.

На следующем этапе опрашиваемым предлагалось оценить выбранные на первом этапе качества — присущи ли они по-настоящему творческому человеку (по 5-балльной шкале: от 1 — данное качество не свойственно творческому человеку, до 5 — безусловно, присуще). На данном этапе в исследовании приняли участие 257 человек, из которых 176 — девушки и 81 — юноши, студенты творческих (199 чел.) и технических (58 чел.) специальностей. Как и в предыдущем исследовании, использовались опросник Джонсона и тест смысловых ориентаций (СЖО).

Результаты

Общий массив данных был подвергнут факторному анализу с целью выявления базовой структуры оценки личностных свойств творческого человека (табл. 9).

Как видно из таблицы 9, оцениваемые респондентами характеристики творческой личности образуют довольно четкую структуру, составляющими которой являются интеллект (фактор I), эмоциональная чувствительность (фактор IV), общее личностное стремление к новизне (фактор II), социальная активность (фактор III) и стремление к творческой самореализации (фактор V). По-видимому, именно эти конструкты могут рассматриваться в качестве

Таблица 9

Описание выделенных факторов

Фактор	Содержание фактора
I	Образованность, любознательность, разносторонность, ум, внимательность, интеллект, трудолюбие
II	Неординарность, нестандартность решений, нестандартность восприятия
III	Чувство юмора, раскованность, активность, целеустремленность, общительность
IV	Чувствительность, ранимость
V	Индивидуальность, самостоятельность

основных, ведущих составляющих имплицитных концепций творческой личности.

С целью выявления взаимосвязей между представлениями респондентов о творческой личности и их личностными характеристиками проведен корреляционный анализ показателей собственной креативности респондентов (индекс Джонсона), сформированности их смысложизненных ориентаций (СЖО) и черт, приписываемых творческой личности (табл. 10).

Выявленные многочисленные корреляционные связи между показателями собственной креативности, сформированностью смысложизненных ориентаций респондентов и выраженностью их представлений о творческой личности свидетельствуют о сформированности к юношескому возрасту определенной системы представлений и ориентиров в восприятии собственной жизни и об однонаправленном развитии творческого потенциала и значимости категории креативности при оценке других людей.

С использованием t-критерия Стьюдента были сопоставлены дан-

ные студентов, получающих образование разного типа: художественно-артистических (N=199) и инженерно-технических (N=58) специальностей (табл. 11).

Различия по индексу Джонсона вполне предсказуемы (не зря ведь специальности называются «творческими»), по осмысленности жизни (показатель СЖО) различия могут объясняться гендерным фактором — преобладанием среди студентов творческих специальностей девушек (см. также табл. 12). Различий в представлении о личности творческого человека, превышающих 0.5 балла, немного: это целеустремленность, чувствительность, ранимость, одиночество, созидательность. Все эти показатели выше у студентов творческих специальностей, т. е. довольно традиционная концепция «непризнанного гения», одинокого, тонко чувствующего, ухитряющегося при этом продуктивно заниматься творчеством, оказалась присущей в большей степени будущим актерам, вокалистам, режиссерам, хореографам, дизайнерам.

С помощью t-критерия Стьюдента были сопоставлены представления о

Таблица 10

Корреляционный анализ показателей креативности, сформированности смысложизненных ориентаций и черт, приписываемых творческой личности ($p < 0.05$)

Характеристики творческой личности	Индекс Джонсона	СЖО
Чувство юмора	0.26	0.16
Активность	0.13	
Образованность		0.13
Воображение	0.14	0.19
Доброта	0.13	
Любознательность	0.17	0.2
Разносторонность		0.2
Креативность	0.14	0.15
Заинтересованность	0.21	0.18
Неординарность	0.15	0.22
Ум	0.15	0.15
Чувствительность	0.19	0.24
Самостоятельность	0.17	0.13
Целеустремленность	0.25	0.23
Одиночество		0.16
Талант		0.22
Нестандартность решений		0.25
Интеллект		0.19
Трудолюбие		0.15
Ранимость	0.13	0.26
Общительность		0.14
Увлеченность	0.16	0.19
Нестандартное восприятие	0.17	0.25
Эмоциональность	0.15	0.15
Созидательность	0.13	0.27

творческой личности девушек и юношей (табл. 12).

Очевидно, требования, предъявляемые девушками к личности творческого человека, выше, чем у юношей. Причем это относится к качествам всех типов: эмоциональным,

интеллектуальным, волевым, поведенческим. Более высокие требования девушек к таким характеристикам, как чувствительность, ранимость, общительность, трудолюбие (описывающим эмоциональную сферу и область социальной активности),

Таблица 11

Сравнение показателей и представлений о творческой личности студентов технических и художественных специальностей ($p < 0.05$)

Показатель	Творческие специальности	Технические специальности
СЖО	112.88	103.29
Индекс Джонсона	31.31	28.30
Чувство юмора	4.42	4.07
Раскованность	4.17	3.86
Сумасшествие	2.25	1.83
Воображение	4.55	4.26
Креативность	4.39	3.95
Заинтересованность	4.45	4.03
Чувствительность	4.29	3.72
Самостоятельность	4.48	4.17
Целеустремленность	4.42	3.76
Одиночество	2.83	2.21
Талант	4.62	4.21
Трудолюбие	4.25	3.79
Ранимость	3.76	3.03
Собственная точка зрения	4.62	4.4
Увлеченность	4.56	4.33
Созидательность	4.15	3.69

соответствуют традиционным представлениям о «женских» ценностях и сложившимся гендерным стереотипам, соответственно эти результаты вполне предсказуемы. В то же время девушки предъявляют и более высокие требования к таким характеристикам творческой личности, которые соответствуют скорее мужскому типу ценностей, — раскованности, самостоятельности, целеустремленности. Это может свидетельствовать о тенденции представлять образ «творческого человека» в качестве мужской фигуры либо индивида, чья половая

принадлежность не имеет значения, который свободен от предлагаемых обществом стереотипов мужского и женского поведения и гендерных стилей самореализации.

Обсуждение результатов

Итак, проблема профессионального самоопределения на этапе окончания вуза — это не «окончательный» выбор, а ситуация, когда вновь и вновь приходится «довыбирать», «перевыбирать», переопределять критерии и взвешивать шансы, анализировать

Таблица 12

Гендерные различия представлений о творческой личности ($p < 0.05$)

Показатель	Пол респондентов	
	Юноши (N=81)	Девушки (N=175)
СЖО	107.14	112.43
Раскованность	3.8	4.19
Воображение	4.2	4.61
Любознательность	3.98	4.24
Разносторонность	3.74	4.16
Заинтересованность	4.14	4.46
Ум	4.26	4.49
Индивидуальность	4.41	4.72
Чувствительность	3.8	4.33
Самостоятельность	4.19	4.52
Целеустремленность	3.93	4.43
Талант	4.23	4.66
Трудолюбие	3.9	4.26
Ранимость	3.16	3.8
Общительность	4.09	4.37
Увлеченность	4.35	4.56

открывающиеся возможности. Эти предоставляющиеся возможности объективно являются не бесконфликтными, но для большинства участниц нашего исследования типично стремление «сгладить» «острые углы» противоречий, представить дело так, будто все эти возможности не сложно одновременно перевести в модус действительного. О напряженности и субъективной сложности самоопределения можно судить лишь косвенно — по невысокому уровню оптимизма (что в целом нетипично для этого возраста), по относительно низкой удовлетворенности жизнью.

Считается, что эмоциональные реакции женщин на трудные жизненные

ситуации негативнее и острее, нежели у мужчин, хотя ведут они себя более пассивно (см., например: Балабанова, 2002). С другой стороны, предвыпускные месяцы — это скорее осознание вероятности появления трудностей, чем сами трудности. Но даже и эта ситуация резко снижает оптимизм по сравнению со средними показателями для данного возраста. Несколько сглаженной оказывается психологическая ситуация у тех девушек, которые планируют в первый же год после окончания вуза поступать в аспирантуру. Но у них впереди также можно прогнозировать ряд сложностей.

Среди трудностей адаптации молодого специалиста в области науки

есть и разрыв между вузовской подготовкой и требованиями, которые предъявляет самостоятельная научная работа, и психологическая неготовность к последней. Как показало исследование, проведенное П.Г. Белкиным в 1980-е годы, большинство выпускников имеют «неясные и стереотипные представления о характере деятельности современного учебного», излишне романтизируют ее (Белкин и др., 1987, с. 151), и в результате в первые годы работы переживают разочарование от большого количества рутинного труда.

Как подчеркивают опрошенные 9645 студентов из 28 основных американских исследовательских университетов К. Голд и Т. Доур, «то, чему обучают студентов — это не то, чего они хотят, и не то, что подготавливает их к работе, которую они найдут» (Golde, Dore, 2001, p. 6). Студентов привлекают в научной карьере университетского преподавателя возможность самостоятельных исследований и публикации, но они не умеют преподавать, не умеют искать фонды и гранты, они не умеют рекламировать себя и свои курсы, не готовы участвовать в жизни факультета и т. д. Почему так происходит? Как правило, основные мероприятия проводятся не до обучения в аспирантуре, а в начале или даже в середине (как, например, хорошо себя зарекомендовавшая PFF Программа (Preparing Future Faculty Program). В рамках этой программы аспиранты вовлекаются в преподавательскую работу в близлежащих к их университетам заведениях среднего специального и высшего (но не равного их университетам) уровня (Gaff et al., 2000; Pruitt-Logan et al., 1998).

Кризис же периода окончания вуза, построения предварительной ментальной концепции аспирантуры и ее разрушения в первые месяцы после поступления не стал еще предметом специального социологического и психологического изучения, несмотря на всю многочисленность программ помощи в построении карьеры, существующих в западных университетах.

Следует также иметь в виду быстрые изменения профессиональной среды, в которую попадают выпускники высшей школы, нацеленные на продолжение работы в науке. В отличие от западноевропейского и североамериканского «университетского контекста», меняющегося скорее в неблагоприятную сторону (Gender and the restructured university: changing management and culture in higher education, 2001; From scarcity to visibility: gender differences in the careers of doctoral scientists and engineers, 2001), можно говорить о непривычном разнообразии возможностей: почти все опрошенные нами выпускники отмечали, что начиная с первого курса постоянными были предложения об участии в конференциях, в проектах, в тех или иных программах, о подготовке публикаций, но практически только 5 из 50 опрошенных участвовали в студенческих конференциях, а публикаций не оказалось ни у кого. Можно предположить, что дело не в лени, не в отвлечении на работу во время учебы и другие занятия. Я.-Э. Нурми, проводивший масштабные экспериментальные исследования планирования и перспектив будущего у подростков, подчеркивает, что к 17 годам психологическая функция планирования

продолжает развиваться, и даже после двадцатилетнего рубежа (Nurmi, 1991). Собственно, в этом нет ничего неожиданного, во всяком случае для писателей, достаточно вспомнить «Ночь после выпуска» В. Тендрякова, а в романе М. Кундеры «Неведение» именно для двадцатилетнего возраста героини подыскивают определение и находят его — «возраст неведения»: «В этом возрасте выходят замуж, рожают первенца, выбирают профессию. И наступает день, когда узнаешь и постигаешь множество вещей, но уже слишком поздно, ибо вся жизнь была определена в ту пору, когда ни о чем не имеешь понятия» (Кундера, 2004, с. 154).

Помимо недостаточной сформированности психологических функций старшеклассника для зрелого, полноценного выбора, надо учитывать и склонность принять желаемое за действительное или вытеснить неприятные ожидания, отмечают Д.А. Леонтьев и Е.В. Шелобанова (Леонтьев, Шелобанова, 2001). Выпускник или выпускница еще на старших курсах выстраивает целую систему отфильтровывания информации об открывающихся возможностях, которые нужно не только реализовывать, но и осмысливать. Такая система «слепоты» к возможностям вполне адаптивна с точки зрения состояния ожидания и неопределенности.

С другой стороны, назвать инфантильными, несамостоятельными выпускник было бы неправильным. Вы-

пускницы не слишком рассчитывают на поддержку, стремясь к материальной и психологической независимости. Может быть, здесь как раз сказалась особенность выборки: опрашивались только те, кто собирается работать по полученной в вузе специальности, а на поддержку в гораздо большей степени вынуждены рассчитывать те, кто будет радикально менять сферу своих занятий. В исследовании С.А. Хазовой (Хазова, 2002) было показано, что, справляясь с трудностями, одаренные старшеклассники избегают стратегий, связанных с социальной поддержкой, что порождает некоторое социальное отдаление от других. Вместе с тем во многих стремлениях поддержка подразумевается имплицитно: например, «Сохранить ценные для меня отношения с людьми».

Выделенные нами четыре стратегии: выжидательная, эскапистская (гедонистически-ориентированная), кумулятивная, собственно достижительная — являют собой скорее констелляцию личностных качеств и стремлений, но за ними могут стоять относительно устойчивые способы принятия решений в жизненных ситуациях, причем эти способы лишь отчасти осознаются личностью. Первые две стратегии предполагают довольно высокий уровень психологической защиты: надо ведь уметь «не замечать» существующие вокруг тебя возможности³. Две последние стратегии в большей степени доступ-

³Одно из наиболее точных описаний того, как человек «стреноживает», редуцирует возможное, находим у М. Хайдеггера: «Эта нивелировка возможностей присутствия до ближайше доступного осуществляет вместе с тем зашоривание возможного как такового. Средняя повседневность становится слепа к возможностям и успокаивается одним "действительным". Эта успокоенность не исключает расширенной деловитости озабочения, но возбуждает ее. Воля не волит

ны сознательному анализу и контролю. Достижительным стратегиям, пожалуй, не хватает концентрации, но и кумулятивная стратегия не предполагает узкой направленности стремлений и желаний.

Последние две стратегии также представляются сходными с выделяемыми Ю.М. Резником и Е.А. Смирновым (Резник, Смирнов, 2002) стратегиями успеха («жизнестроительство») и самореализации («жизнетворчество»). Третью же стратегию — стратегию благополучия («жизнеобеспечение»), направленную на достижение и сохранение здоровья, благополучия, хороших отношений, — сложно соотнести с эскапистской и выжидательной, скорее две последние стратегии со временем могут развиваться в достижительную либо в кумулятивную.

Но сохраняется и иная возможность — перерастания эскапистской и выжидательной стратегий в «стратегию выживания», противопоставляемую «стратегии развития» (см.: Хасбулатова и др., 2000). Помимо высокой степени зависимости личности от государства, отмечают О.С. Хасбулатова, Л.С. Егорова, Н.В. Досина, стратегия выживания предполагает технологическую неготовность к новому самоопределению, выбор таких средств адаптации, которые ориентируются на решение не перспективных, а жизненных сиюминутных проблем. Авторы считают эту жизненную стратегию основной у большинства взрослых жителей России. Так ли это для студенчества — вопрос неизученный.

Д.А. Леонтьев и Е.В. Шелобанова (Леонтьев, Шелобанова, 2001) в своем анализе профессионального выбора описывают стратегию, ориентированную на настоящее, и стратегию, ориентированную на будущее. Первая сочетается с показателями высокой удовлетворенности настоящим, его высокой эмоциональной насыщенности. Вторая стратегия сочетается с низкой удовлетворенностью настоящим, его низкой эмоциональной насыщенностью. Такие люди не самодостаточны, они открыты в будущее, устремлены к нему. Легко представить, как эти две стратегии профессионального выбора старшеклассников развиваются и трансформируются в любую из обозначенных нами стратегий, но, конечно, это предмет специального исследования.

Что может дать изучение имплицитных концепций профессионализма и творческой личности в той или иной профессии? На этой основе можно при необходимости корректировать представления о том, какие качества помогут, а какие скорее осложнят профессиональное будущее, о том, что такое профессионализм и в чем его специфика применительно к избранной специальности. Возможно, «вузы могут увеличить долю студентов в пополнении научно-педагогических кадров путем популяризации научной деятельности среди студентов и школьников» (Саралиева, 2002), но, на наш взгляд, важнее не повышение информированности и создание «ролевых моделей», а скорее повышение уровня рефлексии относительно

собственных возможностей и склонностей, помощь в осознании задач

проектирования и осуществления своего профессионального будущего.

Литература

- Абульханова-Славская К.А.* Стратегии жизни. М., 1991.
- Ахмеров Р.А.* Жизненные программы личности // Наука и практика. Диалоги нового века: Материалы международной научно-практической конференции. Набережные Челны: Изд-во Камского государственного политехнического института, 2003. Ч. 1. С. 3–4.
- Балабанова Е.С.* Гендерные различия стратегий совладания с жизненными трудностями // СОЦИС. 2002. № 11. С. 26–35.
- Белкин П.Г., Емельянов Е.Н., Иванов М.А.* Социальная психология научного коллектива. М., 1987.
- Жизненные пути одного поколения / Отв. ред. М. Титма. М., 1992.
- Жизненный путь поколения: его выбор и утверждение / Под ред. М. Титма. Таллин, 1985.
- Каневская П.* Лучший год для поиска работы // Известия. 2005. № 9. 21 января.
- Кон И.С.* Психология юношеского возраста. М., 1979.
- Константиновский Д.Л.* Молодежь 90-х: Самоопределение в новой реальности: Проф. ориентации рос. старшеклассников 90-х годов: планы и их реализация / Рос. акад. образования. Центр социол. образования РАН, Ин-т социологии. М.: Центр социол. образования РАО, 2000.
- Кроник А.А., Ахмеров Р.А.* Каузометрия: методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути. М.: Смысл, 2003.
- Кундера М.* Неведение. СПб.: Азбука-классика, 2004.
- Леонтьев Д.А.* Самореализация и сущностные силы человека // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М.: Смысл, 1997. С. 156–176.
- Леонтьев Д.А., Шелобанова Е.В.* Профессиональное самоопределение как построение образов возможного будущего // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 57–65.
- Наумова Н.Ф.* Жизненная стратегия личности в переходном обществе // Социологический журнал. 1995. № 2.
- Ортега-и-Гассет Х.* О спортивно-праздничном чувстве жизни // Философские науки. 1991. № 12. С. 137–152.
- Осипова Л.В., Тутушкина М.К.* Уровни и диапазоны самоактуализации женщин // Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 5 / Под ред. Г.С. Никифорова, Л.А. Коростелевой. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. С. 182–191.
- Покровский Н.Е.* Социологическая культура — российская ситуация // Российская социология в 2004 году. М.: СоПСО, 2004. С. 27–43.
- Революция притязаний и изменение жизненных стратегий молодежи: 1985–1995 годы. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 1998.
- Резник Ю.М., Смирнов Е.А.* Жизненные стратегии личности (Опыт комплексного анализа). М., 2002.
- Саралиева З.Х.-М., Балабанов С.С.* Воспроизводство научно-педагогических кадров // СОЦИС. 2002. № 11.
- Хазова С.А.* Исследование социально-психологических трудностей и копинг-стратегий одаренных старшеклассников и

их сверстников // Психология и практика: Сб. науч. тр. Кострома, 2002. С. 110–119.

Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997.

Хасбулатова О.А., Егорова Л.С., Досина Н.В. Социальное настроение и ценностные ориентации женщин и мужчин России (По материалам мониторинга 1991–2000 гг.) // Российский научный журнал. 2000. № 4 (20).

Художественная жизнь современного общества. Аудитория искусства в России вчера и сегодня / Под ред. Ю.У. Фохта-Бабушкина. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. Т. 2.

Чердниченко Г.А., Шубкин В.Н. Молодежь вступает в жизнь. М., 1985.

Bruner J.S., Tagiuri R. The perception of people // Handbook of Social Psychology / Lindzey G. (ed.). Reading, Mass., 1954. Vol. 2.

Emmons R.A. Personal strivings: An approach to personality and subjective well-being // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. Vol. 51. P. 1058–1068.

Emmons R.A. Striving and feeling: Personal goals and subjective well-being / Gollwitzer P.M., Bargh J.A. (eds.) // The psychology of action: Linking cognition and motivation to behaviour. N.Y.: Guilford Press, 1996. P. 313–337.

From scarcity to visibility: gender differences in the careers of doctoral scientists and engineers / Scott Long J. (ed.). Committee on Women in Science and Engineering.. National Research Council. Washington, D.C.: National Academy Press, 2001.

Gaff J.G., Pruitt-Logan A.S., Weibl R.A., & Others. Building the faculty we need: Colleges and universities working together. Washington, DC: Association of American Colleges and Universities, 2000.

Gender and the restructured university: changing management and culture in

higher education / Brooks A. and Mackinnon A. (eds). Education & Open Univ. Press, 2001.

Golde C. M., Dore T. At cross purposes: What the experiences of today's doctoral students reveal about doctoral education. Philadelphia: Pew Charitable Trusts, 2001.

Kasser T., Ryan R.M. A dark side of the American dream: Correlates of financial success as a central life aspiration // Journal of Personality and Social Psychology. 1993. Vol. 65. P. 410–422.

LifeLine и другие новые методы психологии жизненного пути / Общ. ред. А.А. Кроника. М., 1993.

Nurmi J.-E. Gender differences in adult life goals, concerns, and their temporal extension: a life course approach to future-oriented motivation // International Journal of Behavioral Development, 1992. Vol. 15 (4). P. 487–508.

Nurmi J.-E. How do adolescents see their future? A review of the development of future orientation and planning // Devel. Psych. Review. 1991. № 11. P. 1–59

Nuttin J. Future time perspective and motivation. Leuven: Leuven University Press; Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates, 1985.

Pruitt-Logan A.S., Gaff J.G., Weibl R.A. The impact: Assessing experiences of participants in the preparing future faculty program 1994–1996. Occasional Paper. Washington, DC: Association of American Colleges and Universities. May 1998.

Sternberg R.J. Implicit Theories of Intelligence, Creativity, and Wisdom // Journal of Personality and Social Psychology. 1985. Vol. 49. № 3. P. 607–627.

Sternberg R.J. The concept of «giftedness»: a pentagonal implicit theory // The origins and development of high ability. Wiley, Chichester, 1993. P. 5–21.

*Специальная тема выпуска:
Экзистенциальная психология и психотерапия
(к 100-летию Виктора Франкла)*

Приглашенный редактор — А.Б. Орлов

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Неизвестный заключенный № 119104 концентрационного лагеря Аушвиц, лишенный всего, кроме «голового, бессрочного и временного существования», наполненного невообразимыми страданиями, физической и душевной болью. Один из крупнейших психологов XX в., удостоенный почетных ученых степеней множества университетов мира, автор более 30 книг, переведенных на десятки языков и изданных миллионными тиражами. Вот полюса того диапазона человеческой экзистенции, прожить которые выпало на долю Виктора Франкла, чей 100-летний юбилей отмечает в этом году все мировое психологическое сообщество.

Индивидуальная жизнь, столь широко распахнувшая горизонты существования человека, не может быть ординарной. Такая жизнь, вы-

делавшая из Франкла практического философа — практикующего психотерапевта-экзистенциалиста, позволила ему совершить действительно коперниканский переворот в важнейшей для каждого человека проблематике смысла жизни. Резюмируя свое главное открытие, Франкл писал: «...вопрос о смысле жизни должен быть поставлен иначе. Надо выучить самим и объяснить сомневающимся, что дело не в том, чего мы ждем от жизни, а в том, чего она ждет от нас... мы должны не спрашивать о смысле жизни, а понять, что этот вопрос обращен к нам — ежедневно и ежечасно жизнь ставит вопросы, и мы должны на них отвечать — не разговорами или размышлениями, а действием, правильным поведением. Ведь жить — в конечном счете значит нести ответственность за правильное

выполнение тех задач, которые жизнь ставит перед каждым, за выполнение требований дня и часа» (Франкл, 2004, с. 107).

Совершенный Франклом радикальный переворот в представлениях о смысле жизни позволил ему создать логотерапию — получившую всемирное признание психотерапевтическую форму, «заточенную», говоря языком наших современников, на поиск и обнаружение в ходе психотерапевтической работы смыслов в жизни клиента.

Цель статей, объединенных в тематический блок и публикуемых в этом номере журнала, двояка. С одной стороны, она состоит в том, чтобы отдать должное личности и творчеству Франкла, его теоретическому и практическому наследию. С другой стороны, вся подборка статей и каждая статья в отдельности обнаруживают и демонстрируют продолжающуюся экспансию жизни «третьей венской школы психотерапии» как в плане психологической теории, так и в плане психотерапевтической практики.

А. Лэнгле — автор первой статьи представленного ниже тематического блока — был учеником и сотрудником Франкла на протяжении десяти лет. Этот многолетний опыт личного общения с Франклом дает автору возможность представить корифея мировой психологии не в привычной для читателей имперсональной «бронзе» бесчисленных учебников и руководств, а в собственно человеческом измерении, во всем многообразии и даже противоречивости его личностных особенностей, образующих неповторимую индивидуальность. Статья предоставляет

читателю возможность такой встречи с Франклом, которая позволяет лучше и глубже понять человеческие составляющие его психологической теории и психотерапевтической практики.

А.Б. Орлов и В.Б. Шумский выделяют самую сердцевину теории Франкла — ноэтическое, сущностное измерение человеческого существования. В результате проведенного авторами анализа обозначаются, во-первых, философские предпосылки психологической теории Франкла и, во-вторых, ее психотерапевтические следствия. Разделения нематериального измерения в человеке на психическое и ноэтическое, привнесенное Франклом в психологическую теорию личности без выхода за рамки психологии, обеспечивает порождение не столько новых психотерапевтических техник, сколько принципиально новой методологии психотерапии, centered на человеке как ноэтическом существе.

А. Лэнгле раскрывает взаимосвязи и определенную преемственность между логотерапией Франкла и авторским методом персонального экзистенциального анализа. В статье обозначается существо данного метода, а также основные фазы его использования в психотерапевтической работе. Явное достоинство данной публикации составляет включение в нее стенограммы психотерапевтической сессии, снабженной комментариями автора и иллюстрирующей на конкретном материале психотерапевтическую практику использования метода персонального экзистенциального анализа.

А. Лэнгле, С.Н. Зайцев и В.Б. Шумский показывают, как идеи и методы

экзистенциального анализа, изначально разработанные Франклом и впоследствии развитые в концепции фундаментальных экзистенциальных мотиваций, обретают свое воплощение в практике работы психологов-консультантов телефона психологической помощи. Представленные в статье материалы (как статистические данные, так и описания конкретных случаев), демонстрируют не только реальную психологическую помощь, оказываемую клиентам экзистенциальными психотерапевтами путем телефонного консультирования. Они убедительно обнаруживают также тот кросскультурный психотерапевтический потенциал логотерапии и экзистенциального анализа, которым в действительности обладает

всякая психотерапевтическая форма, прошедшая испытание практикой, в каком бы этническом, национальном, культурном или субкультурном контексте данное испытание ни проходило.

Завершить эту краткую преамбулу уместно словами Франкла, в которых, как мне представляется, заключен принципиальный, ноэтический ориентир для всех психологов, избравших для себя непростую стезю врачей человеческих душ: «...сущность в конечном счете не зависит от существования; "эссенция" не зависит от "экзистенции", и, поскольку она имеет эту свободу, она имеет превосходство над "экзистенцией"» (Франкл, 1990, с. 249).

Литература

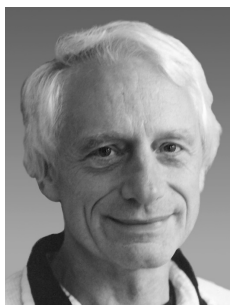
Франкл В. Человек в поисках смысла. Пер. с англ. и нем. / Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990.

Франкл В. Сказать жизни «Да»: психолог в концлагере. М.: Смысл, 2004.

А.Б. Орлов

ЧЕЛОВЕК В ПОИСКАХ СМЫСЛА

А. ЛЭНГЛЕ

Альфريد Лэнгле (Alfried Längle) — австрийский психотерапевт, ученик и коллега Виктора Франкла, доктор медицины и психологии. Президент Международного общества экзистенциального анализа и логотерапии (GLE-International), генеральный секретарь правления международной федерации психотерапии IFP (International Federation of Psychotherapy), старейшего европейского психотерапевтического сообщества, одним из основателей и президентов которого был К.Г. Юнг.

Автор многочисленных работ по экзистенциальному анализу. Основная сфера профессиональных интересов — теория и методология экзистенциальной психотерапии.

Резюме

В статье описаны факты, касающиеся жизни, творчества и личности Виктора Франкла, одного из известнейших и крупнейших психологов XX в., основателя экзистенциальной психологии и логотерапии. Эти материалы дают возможность не только оценить научный вклад Франкла в психологию и психотерапию, но и представить и понять его как человека, обладавшего неповторимой, ему одному присущей совокупностью личностных особенностей и черт характера.

---

26 марта 2005 г. Виктору Е. Франклу, венскому неврологу и психиатру, основателю 3-й Венской школы психотерапии (после Фрейда и Адлера), исполнилось бы 100 лет. Жизнь В. Франкла трагически отмечена двумя с половиной годами пребывания в концентрационном лагере и потерей почти всей семьи при нацистском режиме в Германии. Психологический анализ пережитого, осуществленный Франклом в книге «...несмотря ни на что сказать жизни "Да"», сделал эту книгу одной из известнейших в мировой психологической литературе. Свою жизнь

Франкл в значительной степени посвятил преодолению редуционизма в психологии, психотерапии и медицине. Особенно много он размышлял над проблемой смысла, которую привнес в экзистенциальную психотерапию. Всемирно известной стала разработанная им техника «парадоксальной интенции».

Моменты биографии

Франкл был истинным венцем, он родился в Вене и любил свой родной город. Здесь он изучал медицину, а после войны получил степень доктора

психологии. Когда к власти пришли нацисты, он остался в Вене, отказавшись от выездной визы в Америку, предпочитая разделить судьбу своей семьи. После окончания войны при первой же возможности он вернулся в Вену и остался здесь навсегда. В течение 25 лет он руководил неврологическим отделением Венской поликлиники и умер в Вене 2 сентября 1997 г. Из Вены Франкл многократно выезжал в разные страны мира. С научными докладами он выступал в более чем двухстах зарубежных университетах, только в США он был более сотни раз.

Франкл потерял свою первую жену в концлагере. Вторую жену Элли, работавшую медсестрой в Венской поликлинике, он встретил после войны. У них родилась дочь, и потом появились двое внуков.

Приводя эти биографические сведения, мы хотели бы отдать должное памяти великого человека, который, создав логотерапию и экзистенциальный анализ, остался в истории основателем последней австрийской школы психотерапии. Франкл уже при жизни стал исторической фигурой. Он лично общался с виднейшими психотерапевтами, психологами, философами, среди которых З. Фрейд и А. Адлер, Р. Аллерс, Г. Оллпорт, Л. Бинсвангер, М. Бубер, Р. Кон, Дж. Экклз, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ф. Кункель, А. Маслоу, И. Морено, Ф. Перлз, К. Рагнер, К. Роджерс, Р. Шварц, И. Ялом, П. Вацлавик, И. Вольпе и др.

Личное предназначение Франкла

Кем же был Виктор Франкл? Попробуем взглянуть в мозаику эпи-

зодов его биографии, — возможно, они зададут контуры его портрета и позволят ощутить присутствие этого одаренного человека. Мы понимаем, что любое словесное описание не может заменить реальной встречи, но все же попробуем представить прошлое в надежде приблизиться к Франклу.

Начнем с общепринятого мнения о Франкле. На чем основывается его высокий авторитет и то уважение, с которым относятся к нему во всем мире?

В моем представлении, значимость Франкла имеет, прежде всего, два существенных основания. Одно из них — его непоколебимая вера в смысл, позволившая ему выжить. Франкл жил, несмотря на все потери и боль, каждый раз преодолевая возникающее отчаяние. Его «сказать жизни “Да”» обернулось для миллионов людей надеждой, добавило им мужества, дало ориентиры. Он сам был примером для многих и воплощал человеческое стремление противодействовать страданию без смысла, намереваясь с позиции гуманизма задействовать в этом величие человеческого духа. Обратиться к тем составляющим человека духовным силам, которые каждый носит в себе и на которых зиждется человеческое достоинство, и мобилизовать их — таково было величайшее, профессиональное устремление Франкла. То обстоятельство, что фундамент этого стремления составила его собственная биография, только сделало логотерапию для многих людей еще более убедительной.

Во Франкле меня также впечатляло его непринятие идеи коллективной вины. Особенно если учесть,

что подобную позицию занимал человек, потерявший в концлагере всю свою семью и едва выживший сам. Не только в послевоенный период, но и до конца своих дней Франкл предостерегал от объявления виновными всех, поскольку это могло вызвать лишь ответную ненависть и сыграть на руку неонацистам, что привело бы к откату назад. Напротив, Франкл считал, что важно дать возможность проявлению доброго и ценного в людях, важно им напомнить о человеческом в них, противостоящем ужасу и страху. Франкл искал добро, поскольку был глубоко убежден, что только добро будет зачтено. Возможно, это было следствием того глубочайшего впечатления, которое произвела на Франкла личность главного раввина Берлина Лео Баека, произнесшего в своей «Молитве о национальном примирении» в 1945 г. в концентрационном лагере: «...и только добро должно теперь цениться, а не зло». Только добро непреходяще, и только для добра стоит жить.

Добро содержит в себе подлинность, нетленность, будущее, оно ответственно и позитивно, и оно есть самый надежный фундамент для экзистенции. Это каждый раз отстаивал Франкл, с этим он обращался к людям, и воплощения этого он добивался. В своей приверженности добру Франкл полностью оставался самим собой. Он выступал против редуционизма как «врач, заботящийся о душе», обращаясь к религии и философии. Редуционизм, общепринятый тогда в психотерапии, принимал формы биологизма, психологизма и социологизма. В логотерапии Франкла ставился акцент не только на биологическом происхождении человека

и его психологических механизмах. У человека есть «духовное измерение» — измерение его свободы, ответственности, стремления к смыслу, которое он зачастую воспринимает смутно, отстраненно или вообще не замечает. Это низводит человека до уровня «гоминида», из-за чего у него не хватает сил на духовную защиту, а иногда и на выживание (таков опыт концлагеря). Франкл создавал логотерапию, чтобы противодействовать редуционистскому отрицанию главного в человеке и предотвращать возникновение душевного отчаяния.

Оба эти устремления Франкла, с которыми он жил, были восприняты и поняты широкой общественностью. Он соединил их в категории «смысл», понятной для жизненной практики даже на бытовом уровне. Жизнь Виктора Франкла — это «учение жизни». Она возвышается, как монумент, противостоящий бессмысленности. Трагическая страница жизни Франкла неожиданно приобрела свой особый смысл. Сказанное бывшим лагерным узником имеет вес. Этому человеку верят. Ему необходимо верить, потому что такому человеку невозможно возразить.

Франкл как деятель

Более близкое знакомство с Франклом, чтение его книг, присутствие на его выступлениях создают о нем впечатление как о человеке, обладавшем пронизательным умом, ясным мышлением, четкой определенностью понятий. Его деятельный дух сочетался с превосходной риторичностью, вызывающей внимание и мгновенно увлекающей. Весомость его речи заставляла задуматься,

твердость его голоса действовала убеждающе, жизненная сила в его жестах могла зажигать. Он всегда говорил свободно, не прячась за формулировками и не стесняя себя ими. Уже первые слова его лекций и докладов вызывали чувство, что здесь говорит Убежденный, Подлинный, Преодолевший, Великий. Когда его слушали, то слышали именно *его*.

В текстах Франкла ощущается любовь к ясным стилистическим формулировкам и блестящим словесным композициям. Его острый ум выражал себя иногда в преисполненной юмора, иногда в серьезной, но всегда в увлекательной манере. Франкл определял логотерапию как «учение о смысле, заменяющее его отсутствие» и говорил, что смысл должен быть найден, но не может быть выдуман. Такое заострение внимания способствует лучшему пониманию содержания. Его игра словами была не простыми вспышками остроумия. То, что подчас звучало так легко и просто, всегда было результатом тщательного процесса формулирования. В этом он не жалел себя.

Франкл был убежден в важности своего учения и в своей собственной миссии. Это помогло его учению стать официально признанным, но это вызвало также (особенно в Вене) определенную отстраненность и некоторую разочарованность в отношении его позиции. Убежденность Франкла в собственной значимости проявилась, в частности, в том, что он сравнивал свой научный вклад и вклад Фрейда. Ссылаясь (Frankl,

1986, S. 13) на ученика Фрейда Вильгельма Штекеля, сказавшего о себе и Фрейде, что карлик на плечах гиганта может видеть дальше и больше самого гиганта (Frankl, 1982, S. 10), Франкл также полагал себя видящим дальше Фрейда, и свое видение и понимание экзистенциальности он подкрепил тем, что к третьему «коперниканскому повороту» Фрейда (Frankl, 1991, S. 27) он добавил еще и свой, четвертый «коперниканский поворот»¹. Однако при всем своем самомнении Франкл со своей семьей вел достаточно простую и скромную жизнь.

Юмор Франкла

Еще одна особенность Франкла, которая ценится его слушателями и читателями, — это его остроумие. Он всегда умел быть остроумным, но самое большое удовольствие он получал от той игры слов и тех глубоких мыслей, которые точно воплощают или передают нужный смысл. По поводу этой своей особенности Франкл высказывается в автобиографии (Frankl, 1991, S. 18–22). Не было почти ни одного выступления, во время которого Франкл не заставил бы присутствующих смеяться. Его лекции о парадоксальности сознания были по большей части настоящими спектаклями, вызывавшими хохот у зала. Франкл не боялся вставлять анекдоты даже в свои книги. Пару из них я хотел бы для примера здесь воспроизвести, поскольку им они не были опубликованы.

¹Франкл писал, что, по Фрейду, нарциссизм человечества «трижды испытывал глубокий шок: первый раз из-за учения Коперника, второй раз — из-за теории Дарвина, а третий — из-за самого Фрейда» (Frankl, 1991, S. 127).

Первый анекдот, по его мнению, демонстрирует типично еврейское мышление. Еврей идет по Центральному парку в Нью-Йорке. Что-то мягкое вдруг падает ему на голову. Он додрагивается до этого и обнаруживает в руках птичий помет. Он сердито смотрит в небо и, пожимая плечами, грустно произносит: «А не для евреев они поют...» Его любимый анекдот касался скучных научных обсуждений. Маленький Макс со своим другом хотели кое-что выяснить у бабушки Макса. Собравшись с духом, они осторожно ее спрашивают: «Бабушка, расскажи нам, пожалуйста, как на свет появляются дети?» В ответ бабушка начала рассказывать про аиста. Переглянувшись с другом, Макс отводит его в сторону и говорит: «Скажи, мы сейчас должны ей все объяснить или пусть лучше так и умрет глупой?»

Франкл любил подобные вставки и сделал это для себя почти спортивным достижением: для каждой ситуации или обсуждаемой темы подобрать подходящий анекдот, передающий ее суть в юмористической форме. Для него это было одновременно рефлексией темы, работой с ней, взглядом на нее со стороны и привнесением в нее жизни. Франкл остроумно рассказывает и о себе: «Я постоянно находил подтверждение того, что при повторении страшных снов аспирин действует превосходно. Например, одно время я постоянно видел своего брата (он давно уже умер) тяжело больным и лежащим при смерти. В ужасе я все время просыпался. И в конце концов я принял таблетку аспирина. Что я могу вам сказать? В следующем сне мой брат был уже вполне здоров. Потом я увидел во сне, что моя жена мне изменяет. Это было уже слишком, и я

опять принял аспирин. Что я могу вам сказать? В следующем сне уже я изменил жене».

Франкл как личность

Если по какой-то чудесной случайности становились возможными более близкое знакомство, личная встреча с Франклом, то сквозь его остроумные и ироничные замечания на свой счет можно было вдруг ощутить (как из лесной чащи на поляну) его внутренне глубокую личность. У него было чуткое, отзывчивое, сочувствующее сердце, которое застенчиво и очень тщательно оберегалось. Оно проявлялось только в немногих ситуациях, отмеченных атмосферой безопасности и доброжелательности. Франкл сам писал о своей способности к состраданию (Frankl, 1991, S. 15) и о том, что он, в сущности, не помнил зла. Пример, показывающий неизвестного Франкла: из сочувствия к одной пациентке, страдающей миелитом, он в конце каждой недели поздно вечером приносил ей прямо в палату эдельвейс, который срывал во время своих занятий альпинизмом. Это был сердечный человек, вынужденный в проявлениях своих чувств быть осторожным, иначе его легко можно было задеть. Порой я сочувствовал ему, когда видел, как могут ранить его сердце чужая боль и страдание. Тогда он тотчас должен был что-то делать, чтобы дать облегчение своей душе. Но он не давал ей утешения, а, напротив, всегда пытался помочь другому в его страдании, помочь хотя бы чисто по-человечески.

Это глубокое соболезнование было основой его профессии врача. Он

испытывал величайшую боль, если ему приходилось наблюдать или даже если он полагал, что кто-то теряет либо надежду на перемену судьбы, либо веру в смысл и ценность жизни, т. е. если кому-то угрожала утрата чувства последней защищенности. Поэтому для него высочайшей целью было дать человеку утешение — не врачебное, не философское, но идущее напрямую от человека к человеку (ср., например: Frankl, 1979, S. 80f). Его стремление к утешению других оказывало воздействие и на самого Франкла — подчас настолько сильное, что в ряде ситуаций он терял чувство реальности и оказывался бессильным, наталкиваясь в ответ даже на бестактность. Деятельная, практическая помощь другим имела для Франкла высокую значимость, и при этом думать о себе ему было «внутренне глубоко неприемлемо» (Frankl, 1975, S. 108). Он стремился «себя не замечать, забыть», потерять из виду, чтобы остаться совершенно самим собой. Наверное, поэтому его автобиография столь повествовательна и по большей части состоит из наблюдений, описаний, размышлений и отдельных сюжетов. Но в ней почти нет его собственных чувств, мало субъективно пережитого, лаконично представлены личные взаимоотношения. Он охотно скрывался за своими размышлениями, предоставляя другим судить о себе.

Столь сильная выраженность сочувствия показывает, почему крас-

ной нитью через всю жизнь Франкла проходит тема человеческого противоборства страданию. Логотерапия — это методичная попытка преобразования страдания в нечто позитивное. Франкл обращался к негативному лишь тогда, когда в нем уже явно проступало позитивное или когда это позитивное можно было сделать видимым. В противном случае он предпочитал обходить конфликты, проблемы или чью-либо вину. Например², он говорил о национал-социалистическом прошлом Хайдеггера, но лишь для того, чтобы подчеркнуть его раскаяние, добавляя: «Разве гений не имеет права на ошибки и их признание перед всеми?» Он говорил об Эйхмане³, но только для иллюстрации того, как в подобном случае могло бы выглядеть преодоление им своей вины; он как бы давал Эйхману воображаемую возможность сделать доклад на тему «Как становятся Эйхманами». Из подобного события люди могли бы извлечь для себя определенный урок, а сам Эйхман получил бы возможность на этом отвратительном, преисполненном предупреждения примере увидеть себя со стороны. Точно так же он хотел бы, чтобы лагерный врач Менгеле наконец-то осознал свою неправоту и обратился к нему с вопросом: «Что бы вы сделали на моем месте, чтобы исправить содеянное мной?»

Я достаточно хорошо узнал Франкла, чтобы почувствовать его

²Франкл приводил эти примеры на занятиях образовательной группы Общества логотерапии и экзистенциального анализа в Вене и, кроме того, на Большом психотерапевтическом конгрессе 13 декабря 1990 г. в Анахайме, Калифорния, отвечая на вопросы двухтысячной аудитории.

³Адольф Эйхман — немец, оберштурмбанфюрер СС. Будучи руководителем департамента по делам евреев, выполнял принятое в 1941 г. «окончательное решение еврейского вопроса» — отправлял евреев в концентрационные лагеря.

глубочайшее страстное желание утешения и защищенности. Для него наличие смысла и подлинных ценностей всегда было возможностью обретения этой защищенности, а утешение всегда было благороднейшей задачей человека. Поэтому он так охотно цитировал надпись, которая по приказу кайзера Йозефа II была сделана над входом в только что построенную общедоступную больницу: «*Saluti et solatio aegrorum*» — «Исцелению и утешению больных».

Одиночество и утешение

Возможно, страстное желание защищенности было обусловлено его собственным одиночеством. В одиночестве он предпочитал принимать решения, даже если они касались жизни других людей. Свое решение остаться в Вене в 1942 г. он, наверное, принимал только наедине с собой и Богом. Никогда он не упоминал, что обсуждал свои решения с родителями или с любимой женщиной. Вообще диалоги давались ему довольно трудно. Благодаря выдающимся ораторским способностям он был незаурядным лектором и мог мгновенно превратить диалог в подобие монолога с комментариями собеседника. Было очевидно, что Франкл никогда не смог бы работать в команде. Разрыв с GLE⁴ был совершен именно в такой недиалогичной манере. Не было никакого предварительного диалога, не озвучивалось даже намерение начать его. Было согласовано лишь время дискуссии о назре-

вших проблемах, и за три недели до этого срока было отправлено лишь письменное уведомление. В ответ на предложение обменяться мнениями он, не затрагивая содержательных вопросов, сделал одностороннее устное заявление — никакого диалога не было и на этот раз.

Франкл предпочитал улаживать дела сам, как говорят, наедине с собой и со своим Богом. Опираясь на это, он еще в 1950 г. писал, что для внутреннего интимнейшего диалога с Богом необходим опыт одиночества: «...человек должен быть одинок, только тогда он сможет заметить, что он не один и никогда не был один» (Frankl, 1990, S. 370). В этом ощущается глубина его собственного одиночества, обеспечившая глубину его религиозности. Страстность Франкла оказалась плодотворной и для его личного верования, и для развития логотерапии. Логотерапия стала для него методом, который через утешение и поиск смысла выводит человека из состояния нигилизма, одиночества и отчаяния и ведет его ко все большей защищенности, а в конечном счете приводит человека к Богу. В этой связи Франкл (Frankl, 1990, S. 379) даже ссылаясь на народное изречение: «Беда учит молитве».

Эти глубинные и очень личные мотивы в сочетании с психологическими особенностями Франкла внесли значительное напряжение в его жизнь. У него, так сильно искавшего защищенности и утешения, возникала затрудненность в диалоге с другими

---

⁴С 1985 г. Франкл был почетным президентом Общества логотерапии и экзистенциального анализа в Вене (Gesellschaft für Logotherapie und Existenzanalyse), а в 1991 г. оставил эту должность.

людьми. Установление эмоциональных отношений с близкими родственниками превратилось в своеобразную духовную позицию уважения к ним, имевшую скорее компенсаторный нарциссический характер. В ответ Франкл также ожидал уважения в качестве замены чувств (по которым он очень тосковал). Как мне кажется, именно поэтому на одной плоскости находятся его стремление к исполнению долга, традиционная для него религиозность и его идеалистические взгляды.

Дистанцирование от эмоциональности имело свое отражение не только в его жизни, но и в его работе. Эмоциональность, этот ключевой момент современной психотерапии, не играет в логотерапии Франкла почти никакой роли. Наиболее известная его техника парадоксальной интенции, предназначенная для преодоления страхов, впервые в мире привнесла в психотерапию юмор. Здесь сказались уже описанная пристрастность Франкла к анекдотам. Но юмор здесь почему-то вызывает отчуждение и создает дистанцию.

Самодовольство Франкла могло делать его прямолинейным вплоть до бесчувственности. В доверительном общении он мог сказать человеку нечто неприятное и испытать при этом скрытую радость. Однажды он рассказал, как случайно встретил на улице девушку, с которой у него прежде были романтические отношения, и в разговоре с ней попытался узнать, не было ли у нее гонореи. Не без удовольствия он рассказывал также о том, что как-то раз, уже после свадьбы, заставил Тилли (первую жену) пойти с ним в подвенечном платье в книжный магазин, где на ви-

трине была выставлена книга с названием «Мы хотим пожениться»; на вопрос продавца к Тилли, чего бы она хотела, та, краснея, ответила: «Мы хотим пожениться».

Франклу было трудно говорить о других людях. Он не мог говорить о них плохо, и это также не давало ему возможности их критиковать. Свое неудовольствие он выражал тем, что не говорил им ничего хорошего. Отсутствие похвалы просто заменяло ему критику. Конечно, эта внешняя сдержанность скрывала многие конфликты и делала его позицию во взаимоотношениях неопределенной. Свою робость и страх приблизиться к человеку даже посредством критики он аргументированно объяснял тем, что ценит в человеке лишь доброе. Даже намек на чувство означал для Франкла сближение, а это было для него трудно. Франкл стеснялся говорить о чувствах, поэтому он с большей охотой говорил о своих размышлениях, поступках, достижениях, остроумных находках.

Свой профессиональный успех Франкл объяснял позицией, которой гордился, — в любом деле он скрупулезно следовал принципу: сначала самые малые дела делать с той же основательностью, что и великие, а потом можно великие дела делать с тем же спокойствием, что и малые (Frankl, 1991, S. 13f). Но этот принцип не стал рецептом окончательного благополучия. Франкл не был доволен своим стилем работы и очень на себя негодовал. Однажды я случайно застал его в подобной ситуации, и он дал при мне волю своим чувствам, а потом с легким юмором сказал: «Мой стиль работы делает невыносимыми такие дни, как этот.

Признаюсь вам, что, если бы я мог, я бы первал с собой».

Боязливость и смерть

Франкл был боязливым человеком, что находило отражение в его характере и сочеталось с типичной для него эмоциональной отстраненностью. Боязливость заставляла его быть скрупулезным до мелочности и иногда ипохондричным. Он особенно боялся оказаться виновным. Например, виновным в смерти своей первой жены Тилли (Frankl, 1991, S. 69) или в том, что пойдет против Бога, потому что «не сделал то, что должен и мог бы сделать» после ниспосланной ему милости на 50 лет пережить Аушвиц (Frankl, 1991, S. 102). Об этом он говорил папе Павлу VI во время аудиенции. Страх оказаться виновным терзал его и в связи со смертью отца. В концлагере он ввел отцу украденную для этого ампулу морфина, чем, возможно, на несколько часов сделал короче время его умирания — но ведь и жизнь тоже. Спустя 40 лет он очень серьезно, озабоченно и со страхом вины спрашивал меня (тогда еще начинающего врача): могло ли это с позиций современной медицины расцениваться как эвтаназия? Как я полагаю? Я смог его успокоить, сказав, что введение морфина при начинающемся отеке легких считается адекватной терапией, и с позиции медицины он обошелся грамотно со своим отцом, а по человеческим понятиям он облегчил отцу борьбу со смертью. Правда, потом я узнал, что через год он задавал тот же вопрос одному анестезиологу... Известно также, что для преодоления страха перед высотой Франкл — и в

этом его парадоксальная интенция — начал упражняться в скалолазании (Frankl, 1991, S. 277).

С обычным для себя остроумием Франкл пишет в неопубликованной рукописи о том, как он договорился со своим ипохондрическим страхом, сделав его положительным для себя: «Наверное, мне удалось пройти через все лишения благодаря толике искусства жизни. Я всегда рекомендовал другим поступать в соответствии с тем, что я сделал для себя принципом: если со мной что-нибудь случается, то я в своем воображении опускаюсь на колени и желаю себе, чтобы в будущем ничего неприятного со мной больше не случилось. Ведь существует не только иерархия ценного, но и иерархия никуда не годного. И в подобных случаях надо кое-что вспомнить. В лагере Тирезиенштадт в клозете я как-то прочитал написанное на стене: “Несмотря ни на что садись и радуйся любому дерьму”. Как минимум нужно видеть хорошее. Это обязательно должен делать тот, кто хочет освоить искусство жизни».

Франкл обычно мог добиться положительного превращения своих страхов или преодолеть их «упрямством силы духа». Но он не был чужд и суеверий.

Завершая разговор о боязливости, свойственной Франклу, можно еще сказать о глубоком безропотном смирении, которое он испытывал в отношении смерти. Он считал счастливым тот конец, когда кому-то удается исполнить в своей жизни все и, как он однажды писал, получить смерть как награду. Но Франкл считал смерть тем неприятным, что предстоит испытать каждому и что в состоянии

притупить радость жизни. Хотя в своей теории он отводил смерти роль двигателя в поисках смысла (Frankl, 1982, S. 82), лично для него смерть оставалась тревожащей неопределенностью. Однако и этому последнему акту неизбежного ухода, предстоящего каждому, Франкл пытался дать положительную трактовку. В неопубликованных воспоминаниях о своей жизни он писал:

«Наверно, жаль, что жизнь начинается не со смерти, иначе самое ужасное не маячило бы впереди. С другой же стороны, смерть вовсе не есть самое ужасное, ведь это в конечном счете та стадия, после которой больше ничего не может быть неправильным...»

*Перевод с нем. Н.В. Талановой
Научный редактор — С.Н. Зайцев*

Литература

Frankl V. Interview mit V. Frankl // Fleckenstein K.H. Am Fenster der Welt. München: Neue Stadt, 1975.

Frankl V. Der unbewußte Gott. Psychotherapie und Religion. München: Kösel, 1979.

Frankl V. Autobiographische Skizze // Die Sinnfrage in der Psychotherapie. München: Piper, 1981. S. 143–172.

Frankl V. Ärztliche Seelsorge. Wien: Deuticke, 1982.

Frankl V. Diskussion mit V. Frankl // Längle A. (hrsg.) Der Wille zum Sinn. Wien: Tagungsbericht der Gesellschaft für Logotherapie und Existenzanalyse. 1986. 1. 1. S. 41–51.

Frankl V. Der leidende Mensch. Anthropologische Grundlagen der Psychotherapie. München: Piper, 1990.

Frankl V. Was nicht in meinen Büchern steht. Lebenserinnerungen. München: Quintessenz, 1991.

Основные работы В. Франкла

Frankl V. Der Mensch vor der Frage nach dem Sinn. Ein Lesebuch. München: Piper, 1985.

Frankl V. Psychotherapy and Existentialism. Selected Papers on Logotherapy. New York: Washington Square Press, 1985.

Frankl V. Die Psychotherapie in der Praxis. München: Piper, 1986.

Frankl V. Ärztliche Seelsorge. Grundlagen der Logotherapie und Existenzanalyse. Frankfurt: Fischer, 1987.

Frankl V. Der leidende Mensch. Anthropologische Grundlagen der Psychotherapie. München: Piper, 1990.

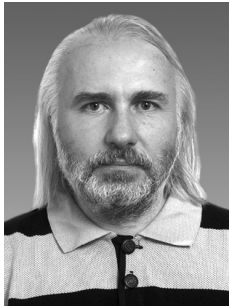
Frankl V. Die Sinnfrage in der Psychotherapie. München: Piper, 1992.

Frankl V. Logotherapie und Existenzanalyse. Texte aus sechs Jahrzehnten. Berlin: Quintessenz, 1994.

НОЭТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА: ВКЛАД ВИКТОРА ФРАНКЛА В ПСИХОЛОГИЮ И ПСИХОТЕРАПИЮ

А.Б. ОРЛОВ, В.Б. ШУМСКИЙ

Орлов Александр Борисович — профессор факультета психологии ГУ ВШЭ, директор Института практической психологии ГУ ВШЭ, директор Центра психологического консультирования *Триалог*, доктор психологических наук. Автор более 140 научных публикаций. Область исследований: психология личности, психологическое консультирование и психотерапия. Область практической деятельности: психологическое консультирование, человекоцентрированная психотерапия, онтотерапия. Имеет сертификаты онтопсихолога (Associazione Internazionale Ontopsicologia, Roma, Italia, 1994) и психотерапевта (Person-Centered Expressive Institute, Santa Rosa, USA, 1995). Контакты: aorlov@hse.ru

Шумский Владимир Борисович — аспирант факультета психологии ГУ ВШЭ. В 2002–2004 гг. — исполнительный директор российско-австрийского Института экзистенциально-аналитической психологии и психотерапии. Сфера профессиональных интересов: психология личности, экзистенциальная психология, теория и практика психотерапии. Контакты: v.shumsk@mtu-net.ru

---

Резюме

В отличие от большинства авторов психологических концепций, использующих разделение на физическое и психическое, Франкл в своей теории нематериальное в человеке подразделяет на два измерения — психическое и ноэтическое. Данное различие является принципиальным как для теории психологии (для теоретической психологии личности прежде всего), так и для ее практических разделов — психотерапии и психологического консультирования. В статье показана обусловленность ключевых техник логотерапии (парадоксальной интенции и дерефлексии) теоретическими построениями Франкла. Однако значение теории Франкла для психотерапии видится не столько в разработке новых терапевтических техник, сколько в обосновании новой методологии психотерапии, суть которой заключается в акцентировании ноэтического измерения человека, его человеческой сущности. Переход от традиционной (связанной исключительно с психофизическим планом существования человека) к новой психотерапии — это движение к терапии, позволяющей человеку проживать себя как ноэтическое существо.

Традиционно считается, что основатель «третьей венской школы психотерапии» Виктор Франкл получил наибольшую известность благодаря: 1) разработке экзистенциального анализа и логотерапии — психотерапевтического подхода, в соответствии с которым основной движущей силой человека является стремление к смыслу; 2) доказательству своей концепции смысла на основе собственного опыта выживания в нацистских концентрационных лагерях во время Второй Мировой войны; 3) учению о трех категориях ценностей — созидания, переживания и личных жизненных установок, которые образуют «столбовую дорожку» к нахождению смысла; 4) психотерапевтическим техникам парадоксальной интенции и дерефлексии.

За всем этим, однако, несколько в тени остаются общепсихологические представления Франкла, которые составляют основу всей его теории и практики. В результате, например, в книге известного американского терапевта И. Ялома «Экзистенциальная психотерапия» можно прочесть о «некоторых неглубоких подходах, описанных Франклом» (Ялом, 1999, с. 527), и о том, что «не существует ясной логотерапевтической системы» (Ялом, 1999, с. 535). В настоящей статье рассмотрена теоретическая концепция Франкла, которая, на наш взгляд, представляет собой существенный вклад в психологию личности и психотерапию.

Виктор Франкл сформулировал главные положения своей теории в 1930-е годы — в то время, когда поражение Австрии и Германии в Первой Мировой войне, замена монархии республикой и Великая депрессия

поколебали то, что прежде казалось незыблемым. Люди пережили огромные материальные, социальные и идеологические потрясения и потери, им нужно было заново определять свою собственную идентичность. В философии это привело к концентрации на вопросах личности и смысла, к развитию персонализма и экзистенциализма, в психологии — к стремлению преодолеть «открытый кризис». Франкл получил образование в психоаналитических школах З. Фрейда и А. Адлера, а также изучал работы выдающихся немецких философов начала XX в. М. Шелера и Н. Гартмана, идеи которых и составили базис его модели человека, положенной в основу экзистенциального анализа и логотерапии.

Свою концепцию Франкл создавал в стремлении преодолеть характерное для психоаналитических школ низведение человека до существа, движимого исключительно инстинктивными влечениями, будь то получение удовольствия или стремление к власти. В противоположность этим представлениям, а также концепциям, в которых формирование человека целиком определялось влиянием социального окружения, Франкл видел в человеке главным образом существо, которое характеризуется такими качествами, как свобода, ответственность и духовность. В соответствии с этой точкой зрения человек всегда сам решает, кто он и каким ему быть, и собственно человеческое существование начинается как раз там, где заканчиваются и психоаналитическое, и естественнонаучное представления о человеке.

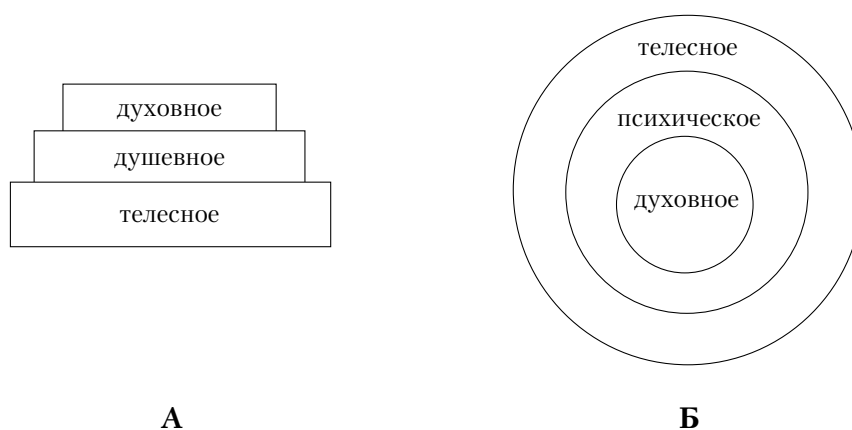
При разработке модели человека Франкл отталкивался от моделей

Шелера и Гартмана (Франкл, 2000б; Frankl, 1984). В соответствии с традиционным подразделением модели человека на тело, душу и дух Гартман описывает человека как состоящего из расположенных один на другом слоев, при этом один слой покоится на другом, и каждый нижележащий

уровень создает предпосылки для существования следующего. Согласно представлениям Шелера, человек состоит из трех концентрических слоев: телесного, психического и духовного, так что духовное является внутренним ядром человека, а тело – его внешней частью.

Рисунок 1

Модели человека по Н. Гартману (А) и М. Шелеру (Б)

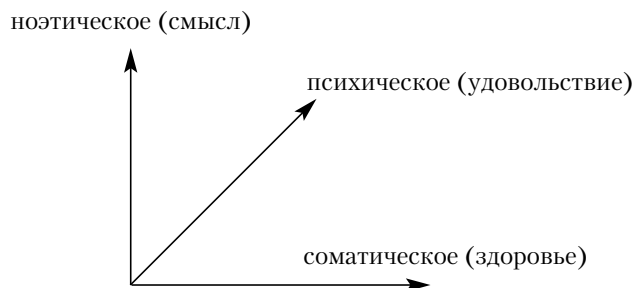

Однако, по мнению Франкла, модели, составленные из слоев, не позволяют отразить ни целостность человека, ни взаимодействие между разными формами человеческого

бытия. В своей модели Франкл представляет человека как единство трех ортогональных измерений: соматического, психического и ноэтического.

Рисунок 2

Модель человека по В. Франклу

Франкл иллюстрирует свою модель следующим примером: «Если спроецировать трехмерный стакан в двухмерную плоскость, находящуюся внизу, получится круг. Тот же стакан, спроецированный сбоку, в двухмерной плоскости будет выглядеть как прямоугольник. Но никто не станет утверждать, что стакан состоит из круга и прямоугольника. Точно так же мы не можем утверждать, что человек состоит из таких частей, как тело и душа. Это насилие над человеком — проецировать его из сферы чисто человеческой на плоскость телесного и психического. Образ измерений и проекций позволяет нам одновременно говорить, с одной стороны, о целостности и единстве человека, а с другой стороны, о различиях между телесными, психическими и поэтическими процессами» (Франкл, 2000а, с. 132).

По поводу термина «поэтическое» (от древнегреч. «*νοῦς*» — разум, дух) Франкл дает следующее пояснение: «...мы должны следовать за человеком в измерение исключительно человеческих феноменов, которым является духовное измерение бытия. Чтобы избежать путаницы, которая может произойти из-за того, что понятие "духовный" обычно носит в английском языке религиозную окраску, я предпочитаю говорить о поэтических, в противоположность психическим, феноменах, а также о поэтическом, в противоположность психическому, измерении» (Франкл, 2000а, с. 77). И далее: «То, что мы понимаем как поэтическое измерение, является антропологическим, а не теологическим» (Франкл, 2000а, с. 229).

Рассмотрим три измерения и их взаимодействие подробнее. С соматическим связано все материальное в

человеке. Как существо физическое, он стремится к поддержанию здоровья своего тела, это стремление регулируется потребностями в еде, питье, сне и т. д. Как существу психическому, человеку важны ощущение витальной силы, получение удовольствия и отсутствие напряжения. Психическое измерение выражается в психодинамических влечениях, настроениях, эмоциях, аффектах, которые не подчиняются свободной воле человека. Поэтическое измерение человек переживает как внутреннюю духовную силу и одновременно как источник мотивации — стремления к смыслу. Это измерение относится к глубочайшей внутренней сущности человека, к тому собственно человеческому, что отличает его от животных.

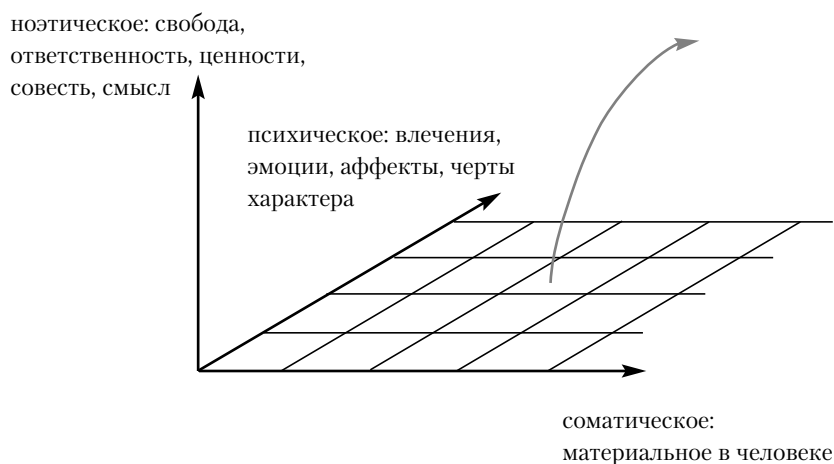
Три измерения человека взаимосвязаны. Так, болезнь, голод, холод и другие физические лишения могут ухудшить жизнь настолько, что все остальные проблемы окажутся несущественными; нравственный конфликт может иметь телесные последствия в напряжении мышц и психические — в чувстве неудовольствия; телесное страдание, которое не переживается как имеющее смысл, может вызывать депрессию на психическом уровне или отчаяние на поэтическом и т. д. Однако данные измерения относительно независимы друг от друга и могут развивать разнонаправленную мотивационную динамику, что наглядно показывает модель Франкла (рис. 2). Например, доставляющее удовольствие может одновременно восприниматься как этически недопустимое; воплощая то, что переживается как наполненное смыслом, человек может жертвовать своей жизнью. И задача человека состоит

в том, чтобы находить баланс между своими расходящимися устремлениями. Ведущая роль в этом принадлежит третьему измерению, как это сформулировал Шелер: «Только человек — поскольку он личность — может возвыситься над собой как живым существом и, исходя из одного центра как бы по ту сторону пространственно-временного мира, сделать предмет своего познания все, в том числе и себя самого» (Шелер,

1988, с. 60). Франкл развивает эту мысль: «Человек свободен подняться выше плоскости телесных и психических условий своего существования. Тем самым он открывает новое измерение. Человек вступает в сферу ноэтического, в противостояние телесным и психическим феноменам. Он становится способным занимать позицию не только по отношению к миру, но и по отношению к самому себе» (Франкл, 2000а, с. 11).

Рисунок 3

Способность человека к дистанцированию от психофизического в ноэтическом измерении

Свобода человека в ноэтическом плане связана с его способностью «отойти на дистанцию» от телесного и психического, в результате чего человек может воспринимать себя «рулевым своей психофизической лодки». Эту способность, благодаря которой создается пространство для внутренней свободы, Франкл назвал самодистанцированием. На что же должна быть направлена воля человека, свободная от психофизического?

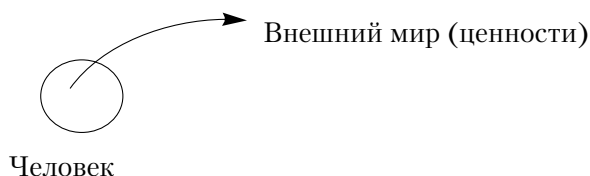
Ответ на данный вопрос задается понятием самотрансценденции, которое Франкл формулирует следующим образом: «...сущность человека характеризуется также и тем, что он "открыт миру". Быть человеком — значит выходить за пределы самого себя» (Франкл, 1990, с. 51). «...Самотрансценденция является сутью человеческого существования. Это означает, что существование является подлинным лишь в той степени, в какой оно

направлено на что-то, что не является им самим. <...> Я бы сказал, что человек воспринимает ценности и проживает их. Он обретает себя настолько, насколько оставляет и забывает себя, как имеющего первостепенную важность — будь то ради чего-то или кого-то, ради какого-то

дела, или ради друга, или "во имя Бога". Борьба человека за свое я и свою идентичность обречена на неудачу, если она не происходит как самоотверженное посвящение себя чему-то за пределами его я, чему-то большему, чем его я» (Франкл, 2000а, с. 85).

Рисунок 4

Схематичное изображение самотрансценденции

Таким образом, самодистанцирование образует человеческое измерение свободы, а самотрансценденция — ответственности, при этом внешней точкой соотнесения ноэтического в самотрансценденции являются ценности. В самом общем виде «ценность» можно определить как «основание для предпочтения одной вещи (формы поведения) другой» (Лэнгле, 2001) и как то, «что человек глубоко лично воспринимает как имеющее особое качество — как благо» (Лэнгле, 2004). Как уже говорилось выше, Франкл подразделяет ценности на три категории:

- ценности созидания (творчества);
- ценности переживания, которые связаны с внутренне обогащающим человека восприятием мира, например, красоты природы или произведений искусства;
- ценности личных жизненных установок (ценности отношения), которые проявляются в ситуациях

неизбежного страдания и связаны с внутренней позицией человека, способной сохранить его достоинство при разрушительных ударах судьбы.

Каждая жизненная ситуация предоставляет возможность воплотить по крайней мере одну из этих категорий ценностей и таким образом осуществить смысл, «наилучшее из возможного», — то, что человек воспринимает как обращенный к нему «призыв часа», как то, что ему надлежит сделать сейчас, в данных обстоятельствах.

Итак, в отличие от авторов большинства психологических концепций, осуществляющих разделение только на физическое и психическое, Франкл подразделяет нематериальное в человеке на два измерения — психическое и ноэтическое, что является принципиальным для теории и практики логотерапии и экзистенциального анализа. Приведем еще одну цитату: «...данные, полученные в плоскости низших измерений, сохраняют

свою значимость только в пределах этой плоскости. Это в равной степени относится к таким односторонним исследовательским подходам и направлениям, как рефлексология Павлова, бихевиоризм Уотсона, психоанализ Фрейда и индивидуальная психология Адлера» (Франкл, 1990, с. 51). Если рассматривать человека как чисто психический механизм, управляемый законами причинно-следственных связей, то он утрачивает присущее ему качество субъекта и свободу воли. Какие бы ограничения ни накладывали социальное окружение, наследственность и инстинктивные влечения, всегда остается некоторая область, в которой человек может принимать решения свободно и занимать любую позицию по отношению к условиям, которые он не может изменить.

Франкл говорит об экзистенции и о фактичности как о двух в корне различных областях в рамках общей структуры существования человека. Фактичность относится к плоскости психофизического — это тело чело-

века, его возраст, состояние здоровья, пол, характер и т. д., тогда как «духовный подъем над психофизической ограниченностью может быть также назван экзистенциальным актом» (Франкл, 2000а, с. 131) и «духовное, т. е. экзистенция...» (Франкл, 2000б, с. 226), представляет собой подлинное человеческое бытие. Таким образом, экзистенцией можно назвать проживание человеком своего ноэтического (духовного) измерения.

Личность для Франкла также связана с ноэтическим. Вслед за Шелером он понимает ее как «исполнителя и центр духовных актов» (Франкл, 2000б, с. 228). Отметим, что, согласно Шелеру, личность есть «деятельный центр, в котором дух является внутри конечных сфер бытия»; к духу относится «мышление в идеях», «созерцание первофеноменов или сущностных содержаний», «определенный класс эмоциональных и волевых актов» — «например, доброта, любовь, раскаяние, почитание и т. д.» (Шелер, 1988, с. 53)¹.

---

¹С определением личности как центра и исполнителя духовных актов связаны некоторые терминологические трудности. В психологии, помимо понимания личности как «субъекта деятельности» (Абульханова, 1999), широко используются также определения, которые, согласно Франклу, скорее относятся к физическому и психическому измерениям человека, например, известное определение Г. Оллпорта: «Личность — это динамическая организация психофизических систем внутри индивидуума, определяющая его уникальное приспособление к окружающей среде» (цит. по: Фрейджер, Фрейдимен, 2001, с. 819), или определение Д.А. Леонтьева, сформулированное в традиции отечественной психологии, ориентированной на марксизм: «Личность человека представляет собой индивидуализированную форму бытия социальной сущности человека» (Леонтьев, 2003, с. 181). С другой стороны, есть определение, относящее личность (внешнее Я) к плоскости психофизического как то, что человек имеет, а к ноэтическому — сущность (внутреннее Я) как то, чем человек является (Орлов, 2002). Таким образом, понятие «личность» становится чересчур многозначным.

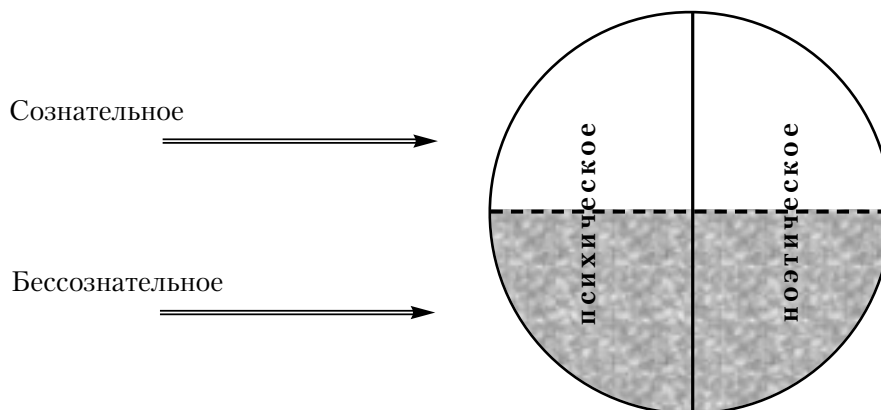
И еще одна терминологическая трудность: термин «духовный», даже в его секулярном значении, относится скорее к области философии, чем психологии. Последователь Франкла А. Лэнгле для обозначения духовного измерения человека стал использовать термин «Person» вместо

В отличие от психодинамики, направленной на поддержание гомеостаза, соответствующая третьему измерению ноодинамика отражает постоянное напряжение между тем, чего человек уже достиг, и тем, что он еще должен осуществить. Это напряжение поддерживает направленность на воплощение ценностей и осуществление смысла жизни. Если стремление к смыслу вытеснено в бессознательное, то это приводит к экзистенциальному

вакууму, подобно тому как вытеснение в бессознательное инстинктов и влечений приводит к неврозам. Однако в противоположность границе между сознательным и бессознательным, допускающей переходы как в одну, так в и другую сторону, граница между психическим и ноэтическим очерчена резко и не может быть нарушена: *психическое — это то, что человек имеет, а ноэтическое — то, чем человек по своей сути является.*

Рисунок 5

Сравнение психического и ноэтического (по Fabry, 1979)

Психическое:

- мы делаем что-то, потому что нами управляет что-то или кто-то вне нас
- мы действуем ради того, что имеем
- мотивацией является влечение к удовольствию, власти, социальному статусу

Ноэтическое:

- мы сами управляем собой: делаем выбор, принимаем решения, берем на себя ответственность
- мы действуем ради чего-то или кого-то в нас самих — ради того, чем являемся
- мотивацией является стремление к смыслу

термина «ноэтическое». В связи с этим в публикациях русских переводов работ А. Лэнгле (Лэнгле, 2001, 2002, 2003, 2004) используется термин «Person» в его латинском написании, при этом прилагательное «персональное» является синонимом слова «духовное». В настоящей статье для обозначения духовного измерения сохранен термин Франкла «ноэтическое».

Применение описанной теории в практике психологического консультирования и психотерапии Франкл называл «логотерапией» — лечением посредством нахождения смысла. Под «экзистенциальным анализом» он понимал аналитическую процедуру, позволяющую пациенту обнаружить конкретный смысл его собственного существования (Франкл, 2000а, с. 154). Вместе с тем ресурсы ноэтического измерения могут быть использованы не только при терапии «ноогенных неврозов», связанных с фрустрацией стремления к смыслу, но и при неврозах, связанных с психическим измерением. Остановимся на самых известных терапевтических техниках Франкла — парадоксальной интенции и дерефлексии.

Первая техника применяется при фобиях и навязчивых состояниях. «Парадоксальная интенция» означает, что пациент поощряется к тому, чтобы совершить действие или пожелать совершить действие, которое вызывает у него страх. Например, страдающего заиканием просят заикаться умышленно; пациента, испытывающего страх, что он упадет в обморок, просят пожелать, чтобы с ним случился обморок. Так как мы не можем произвольно управлять вегетативной нервной системой, естественно, что человек, нарочно стремящийся упасть в обморок, не может этого сделать. С парадоксальной интенцией пациент вступает в ноэтическое измерение: парадоксальным образом желая, чтобы произошло то, чего он боится, он тем самым осуществляет самодистанцирование от своего симптома и приобретает свободу в обращении с ним. Уже не симптом (психофизиче-

ское) определяет пациента, а сам пациент (его ноэтическая составляющая) преодолевает симптом.

Техника дерефлексии основана на самотрансценденции и состоит в том, что человеку рекомендуется переключить внимание с самого себя на ценности, которые он может воплотить в окружающем мире. В психотерапии дерефлексия применяется, в частности, при сексуальных дисфункциях, которые возникают, когда чрезмерное самонаблюдение и сверхконтроль, вызванные желанием пациента непременно «быть на высоте», приводят к блокаде спонтанно протекающих телесных процессов. Для преодоления этого пациента мотивируют к самоотдаче: вместо того чтобы наблюдать за собой, ему рекомендуют сосредоточить все внимание на партнере. Подчеркнем, что активизация способностей ноэтического измерения к самодистанцированию и самотрансценденции при парадоксальной интенции и дерефлексии приводит не только к избавлению от невротических симптомов, но и к увеличению возможностей пациента переживать ценности и находить смысл.

Франкл видел свою задачу в «регуманизации психотерапии», в пропаганде и защите ее собственно человеческих аспектов, связанных с ноэтическим измерением (Франкл, 2001, с. 19). В связи с этим телесное и психическое измерения с точки зрения практики психотерапии рассматривались им главным образом как источники мотивации, препятствующей осуществлению ноэтического: например, страх или депрессия могут ограничивать возможность человека воспринимать ценности («психоноэтический антагонизм»). По этой

причине классический логотерапевтический подход состоит в том, чтобы, упражняясь в самодистанцировании, научиться «отодвигать психическое на задний план» (Франкл, 2000а, с. 151). Тем не менее Франкл предупреждал об опасности «одностороннего ноологизма» (Франкл, 2000а, с. 79), но, за исключением ограниченного конкретными показаниями применения парадоксальной интенции и дерефлексии, всю основную работу с психическим измерением оставлял традиционной психотерапии. Он не ставил под сомнение значимость психодинамики и предполагал просто добавить экзистенциальный анализ и логотерапию к психотерапии своего времени, считая, что «психоанализ был и остается прочной основой любой терапии» (Франкл, 2000а, с. 224).

Потенциал предложенной Франклом теоретической модели, однако, оказался значительно большим, чем предполагал сам автор. В 1980–1990 гг. А. Лэнгле, ученик и коллега Франкла, развил и детализировал экзистенциально-аналитическую картину человека, расширив тем самым теоретический и методологический базис психотерапии. Приведем основные положения концепции Лэнгле, связанные с диалогической природой экзистенции, ее субъектностью и структурой.

Ноэтическое измерение существования человека характеризуется его «открытостью миру» (Шелер, 1988, с. 55) и способностью к диалогу, постоянной «направленностью на» и соотнесенностью с неким визави (Бубер, 1999, с. 51; Франкл, 2000а, с. 222). Диалог является источником мотивации, связанной с ноэтическим измерением,— мотивации, которая

реализуется благодаря свободному решению действовать. Как ноэтическое существо, человек всегда находится в диалоге не только с внешним миром, на чем делал акцент Франкл в понятии самотрансценденции, но и со своим внутренним миром, со своей внутренней реальностью. Именно опора на внутреннюю реальность, на «внутреннего человека» дает нам возможность быть активными субъектами, принимать решения и действовать свободно и ответственно, а не просто пассивно реагировать на внешние воздействия или импульсы телесных потребностей и психодинамических влечений. Общая структура и последовательность этапов процесса диалога, выделенные Лэнгле, нашли отражение в разработанном им психотерапевтическом методе «персонального экзистенциального анализа» (Längle, 1993).

Визави, с которым в диалоге соотносится ноэтическое, согласно Лэнгле, принадлежит к четырем реальностям — онтологической, аксиологической, этической и праксеологической, которые образуют структуру экзистенции (Лэнгле, 2003). В диалогическом обмене с этими реальностями формируются и реализуются четыре фундаментальные экзистенциальные мотивации человека:

- мотивация к тому, чтобы выдержать и принять фактические условия бытия-в-мире;
- мотивация к переживанию ценностей и восприятию собственной жизни как ценности;
- мотивация к автономному и аутентичному бытию;
- мотивацию к действиям, имеющим смысл.

Блокированный диалог и нерелигиозность какой-либо из мотиваций приводят к неспособности человека в полной мере проживать себя как ноэтическое существо и вследствие этого — к психическим нарушениям. При этом в психодинамике начинают доминировать содержания неосуществленных экзистенциальных мотиваций (Längle, 1998), их анализ и обработка служат основой для диагностики и психотерапии. Благодаря арсеналу терапевтических методов и техник, которые в дополнение к техникам Франкла разработал Лэнгле, современный экзистенциальный анализ представляет собой психотерапевтический подход, применение которого позволяет оказывать эффективную помощь пациентам с самым широким кругом нарушений.

Экзистенциальный анализ Франкла и Лэнгле не следует смешивать с дазайн-анализом, другим известным направлением экзистенциальной психотерапии (его представители — Л. Бинсвангер, М. Босс, Ж. Кондрау)². Основное различие между этими направлениями связано со следующим. Согласно Франклу, личность представляет собой ноэтическую силу, которая связывает человека с ми-

ром (Frankl, 1984, S. 121) и одновременно отграничивает человека от него (Frankl, 1982, S. 115). В дазайн-анализе, основанном на философии М. Хайдеггера, человек и мир рассматриваются как принципиально неразделимое целое (как «бытие-в-мире», или Dasein), поэтому «личность есть то, что есть ее мир» (Бинсвангер, 2001, с. 398). В связи с этим Франкл писал, что если бы личность растворялась в неопределенном ноэтико-психо-соматическом бытии, то к чему, к какой силе в пациенте тогда обращался психотерапевт? (Франкл, 2000а, с. 130). Видимо, именно потому, что личность в дазайн-анализе не рассматривается отдельно от мира, это направление не привносит существенных новшеств в методы и техники психотерапевтической работы, а использует традиционную процедуру классического психоанализа — кушетку и свободные ассоциации. При этом отличие от психоанализа заключается в сдвиге горизонта интерпретации: место генитального символизма занимает «миро-проект», свободное ассоциирование направляется не на выявление бессознательных конфликтов, но на создание атмосферы открытости и чувства свободы.

---

²По поводу термина «экзистенциальный анализ» Франкл писал: «В начале тридцатых я ввел термин экзистенциальный анализ (Existenzanalyse) как альтернативное название логотерапии — это понятие было мною сформулировано в двадцатых годах. Когда американцы начали публиковать статьи по Existenzanalyse, они перевели это понятие как "экзистенциальный анализ". Кроме этого, они использовали то же самое понятие для обозначения учения позднего Людвиг Бинсвангера, который в сороковых стал называть свое направление Daseinanalyse. Таким образом, понятие экзистенциального анализа потеряло точный смысл. Для того чтобы избежать путаницы, связанной с такой неоднозначностью, я решил использовать только понятие логотерапии и, насколько возможно, воздерживаться от употребления его синонима, экзистенциального анализа» (Франкл, 2000а, с. 8). Как отмечает А. Лэнгле, приблизительно с 1980-х годов Франкл снова стал говорить об «экзистенциальном анализе и логотерапии» (Лэнгле, 2002).

Франкл также считал неправомерным стремление дазайн-анализа устранить разрыв между субъектом и объектом, поскольку восприятие ценностей, ноодинамика, осуществляется именно в поле напряжения между полюсами субъективного и объективного. Игнорирование этой ноодинамики приводит в пределе либо к тому, что человек предстает как субъект, лишь «проектирующий» свой мир и во всех своих «миропроектах» лишь выражающий каждый раз самого себя, а мир оказывается только средством его самореализации (Франкл, 1990, с. 72), либо к тому, что единство человека и мира понимается как их мистическое слияние, так что человек служит лишь пассивным «получателем» посланий мира (последнее с наибольшей отчетливостью проявилось в представлениях М. Босса) (Тихонравов, 1998, с. 126)³.

Какую теоретическую и практическую значимость может иметь модель человека Франкла? Обозначим основные, на наш взгляд, моменты, касающиеся психологии и психотерапии.

Разделение нематериального в человеке на психическое и ноэтическое представляет собой попытку рассмотрения духовных феноменов *без выхода за рамки психологии*. С одной стороны, круг духовных феноменов, включающий способности принимать решение, занимать позицию, нести ответственность, а также ценности, совесть, свободу и смысл, не относится к области религии или эзотерики. С другой стороны, ноэтические

феномены явно не относятся к области психических явлений — влечений, настроений, аффектов и т. п. Равноправие и взаимодействие всех трех измерений в модели Франкла наглядно показывает, что в человеке сочетается детерминированное причинно-следственными связями (соматическое и психическое), исследуемое посредством инструментария естественных наук и то несомненно и достоверно представленное в нашем опыте (ноэтическое), что, однако, не поддается изучению с помощью объективирующих методов. Тем самым не только очерчиваются области, но и снимаются противоречия естественнонаучного и гуманитарного подхода к человеку, объясняющей и понимающей психологии, психологии когнитивно-поведенческой и гуманистической.

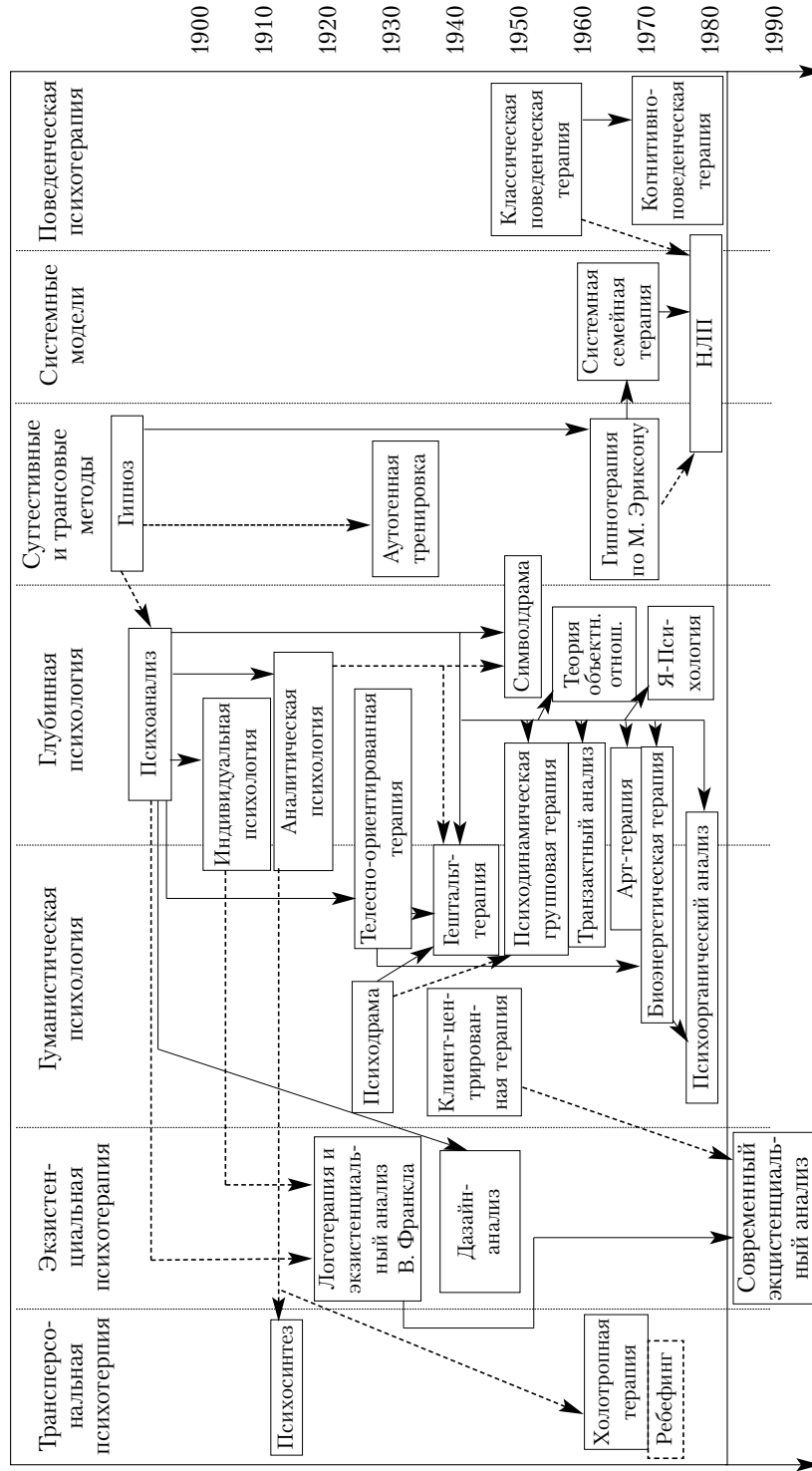
Три измерения модели Франкла позволяют также более тонко дифференцировать различные явления в жизни человека и общества. Например, сексуальность и любовь. Как писал Шелер, еще древние греки делали различие на «*Erōs*» — чувственную любовь-желание, которая свойственна человеку как животному существу, и «*Agapē*» — любовь, которая состоит в постижении сущности другого и бескорыстном творческом самопожертвовании (Шелер, 1999, с. 71). Сейчас в нашей культуре эти два понятия обычно смешиваются, и любовь после столетнего влияния психоанализа понимается как связанная исключительно с удовлетворением сексуального влечения.

³Соотношение экзистенциального анализа и логотерапии Франкла, дазайн-анализа и современного экзистенциального анализа, а также их место среди других направлений психотерапии иллюстрируется схемой (рис. 6).

Рисунок 6

Место экзистенциального анализа среди направлений психотерапии

Историческая последовательность возникновения методов психотерапии, явная (сплошная линия) и косвенная (пунктир) преемственность различных школ. Исходная схема (Stumm & Wirth, 1994) расширена за счет включения в нее современного экзистенциального анализа, представленного теорией и практикой психотерапии А. Лэнгле.

В соответствии с концепцией Франкла, в плоскости психофизического мы имеем сексуально-эротическое влечение, которое преследует цели разрядки сексуального напряжения и получение удовольствия. Здесь партнер используется как средство для удовлетворения потребности и воспринимается как объект, который легко может быть заменен на аналогичный без ущерба для достижения желаемого результата. В ноэтическом измерении партнер воспринимается не как объект, а как субъект, как человеческое существо, которое незаменимо в своей уникальности; любовь как духовная связь с другим человеком представляет собой творческую силу, которая стимулирует и любящего, и любимого развивать и проявлять все свои лучшие качества. Франкл пишет, что сексуальность становится человеческой в той степени, в какой служит выражением любви и делает человека самотрансцендентным (Frankl, 1987).

Еще один пример — совесть и Сверх-Я. В известном отечественном психологическом словаре (Психология, 1990) приводится классическая фрейдистская трактовка соотношения этих двух инстанций: «Складываясь в раннем детстве под влиянием воспитания, Сверх-Я представляет собой систему моральных чувств и требований к поведению, поступкам и решениям Эго субъекта. <...> Сверх-Я присущи несколько взаимосвязанных функций. К ним относятся: функция совести, функция самонаблюдения как необходимая предпосылка контролирующей деятельности совести...» (Психология, 1990, с. 353). Совесть и Сверх-Я рассматриваются по Фрейду как имеющие

один источник, однако с точки зрения концепции Франкла происхождение этих феноменов принципиально различное. Сверх-Я, формирующееся в результате воздействия социального окружения и абсолютизирующее групповую мораль, относится к психическому измерению. Для общественных норм, интериоризированных в виде Сверх-Я, отдельный человек является просто объектом, от которого в тех или иных ситуациях требуется определенное поведение. Совесть же присуща человеку как ноэтическому существу. Как отмечает Франкл, совесть «противится именно тем конвенциям и стандартам, традициям и ценностям, которые достались по наследству от Сверх-Я» (Франкл, 2000а, с. 231), и неврозы, связанные с ноэтическим измерением, могут возникать «из-за конфликта между искренней совестью и Сверх-Я» (Франкл, 2000а, с. 238). Вероятно, Франкл согласился бы с определением совести, которое дается в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля (издание 1882 г.): «Совесть — нравственное сознание, нравственное чутье или чувство в человеке <...> невольная любовь к добру и истине; прирожденная правда, в различной степени развитая».

Значение теории Франкла для психотерапии, на наш взгляд, связано не столько с разработкой новых терапевтических техник, сколько с обоснованием новой методологии психотерапии. Традиционная психотерапия, не учитывающая ноэтического измерения, проходит мимо главного в человеке, мимо человеческой сущности. Следовательно, от терапии, связанной исключительно с

психофизическим планом существования человека, необходимо осуществить переход к терапии, направ-

ленной на восстановление способности человека проживать себя как ноэтическое существо.

Литература

- Абульханова К.А.* Психология и сознание личности. М.: МПСИ, 1999.
- Бинсвангер Л.* Случай Эллен Вест. Антрополого-клиническое исследование // Экзистенциальная психология. Экзистенция / Под ред. Р. Мэй. М.: ЭКСМО, 2001.
- Бубер М.* Два образа веры. М.: АСТ, 1999.
- Гингер С.* Эволюция психотерапии в Западной Европе // Вопросы ментальной медицины и экологии. 2002. Т. VIII. № 3. С. 14–21.
- Леонтьев Д.А.* Личность: человек в мире и мир в человеке // Психология личности: Сб. ст. / Сост. А.Б. Орлов. М.: ООО «Вопросы психологии», 2003. С. 178–188.
- Лэнгле А.* Экзистенциальный анализ — найти согласие с жизнью // Московский психотерапевтический журнал. 2001. № 1. С. 5–23.
- Лэнгле А.* Значение самопознания в экзистенциальном анализе и логотерапии: сравнение подходов // Московский психотерапевтический журнал. 2002. № 4. С. 150–168.
- Лэнгле А.* Психотерапия — научный метод или духовная практика? // Московский психотерапевтический журнал. 2003. № 2. С. 7–34.
- Лэнгле А.* Введение в экзистенциально-аналитическую теорию эмоций: прикосновение к ценности // Психологическое консультирование и психотерапия: Сб. ст. / Сост. А.Б. Орлов. М.: ООО «Вопросы психологии», 2004. С. 196–215.
- Никифоров О.В.* Философский и психотерапевтический Dasein-анализ // Логос. 1998. Кн. 1.
- Орлов А.Б.* Психология личности и сущности человека. Парадигмы, проекции, практики. М.: Издательский центр «Академия», 2002.
- Психология. Словарь / Под общей ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1990.
- Тихонравов Ю.В.* Экзистенциальная психология. М.: ЗАО Бизнес-школа Интел-Синтез, 1998.
- Франкл В.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990.
- Франкл В.* Воля к смыслу. М.: ЭКСМО, 2000а.
- Франкл В.* Основы логотерапии. Психотерапия и религия. СПб.: Речь, 2000б.
- Франкл В.* Теория и терапия неврозов. СПб.: Речь, 2001.
- Фрейдджер Р., Фейдимен Д.* Личность. Теории, эксперименты, упражнения. СПб.: Прайм-Еврознак, 2001.
- Шелер М.* Положение человека в космосе // Проблема человека в западной философии: Сб. ст. / Сост. П.С. Гуревич. М.: Прогресс, 1988. С. 31–95.
- Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Наука, 1999.
- Ялом И.* Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 1999.
- Fabry J.* The Noetic Unconscious // The international forum for logotherapy. Journal of search for meaning. 1979. Vol. 2. № 2. P. 8–11.

Frankl V. The Unconscious God. New York: Simon&Schuster, 1975.

Frankl V. Ärztliche Seelsorge. Vienna: Deuticke, 1982.

Frankl V. Der leidende Mensch. Anthropologische Grundlagen der Psychotherapie. Bern: Huber, 1984.

Frankl V. On the meaning of love // The international forum for logotherapy. Journal of search for meaning. 1987. Vol. 10. № 1. P. 5–8.

Längle A. Personale Existenzanalyse // Längle A. (hrsg.) Wertbegegnung. Phänomene und methodische Zugänge. Wien, GLE-Verlag, 1993. P. 133–160.

Längle A. Verständnis und Therapie der Psychodynamik in der Existenzanalyse // Existenzanalyse 1998. Vol. 15. № 1. P. 16–27.

Stumm G., Wirth B. (hrsg.) Psychotherapie: Shulen und Methoden. Wien: Falter, 2 Aufl., 1994.

ТЕРАПЕВТИЧЕСКИЙ СЛУЧАЙ НАХОЖДЕНИЯ СОБСТВЕННОГО Я (ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДА ПЕРСОНАЛЬНОГО ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО АНАЛИЗА)

А. ЛЭНГЛЕ

Резюме

Экзистенциальный анализ — психотерапевтическое направление, уходящее своими корнями в экзистенциальную философию — ставит своей целью помочь человеку обрести способность жить с внутренним согласием. Это подразумевает активизацию аутентичной свободной воли и ответственности человека. Метод, который используется для этой цели, называется «персональный экзистенциальный анализ». Он содержит три шага, которые помогают актуализировать способность нозетического измерения человека обращаться с внутренним и внешним миром и находить адекватный индивидуальный способ поведения в конкретной ситуации. Практическое применение этого метода показано в стенограмме терапевтической беседы, снабженной пояснительными комментариями о ходе терапевтического процесса.

Экзистенциальный анализ

Экзистенциальный анализ (ЭА) является направлением экзистенциальной психотерапии. Он был основан Виктором Франклом (1905–1997), известным венским психиатром, выжившим после Холокоста (Frankl, 1938, 1946, 1959, 1982a, 1982b, 1983, 1984, 1985; Wicki, 1991). Франкл заложил основы его теории между 1926 и 1933 гг., и в это же время в рамках ЭА он разработал направление, которое назвал *логотерапией* (Frankl, 1967, 1985). Франкл постулировал, что поиск *смысла* является самой глубинной мотивацией человеческого существования. В связи с этим он создал термин «логотерапия» —

исцеление посредством нахождения смысла (Frankl, 1967). Франкл сконцентрировал свои усилия на разработке логотерапии и предотвращении ситуаций потери человеком смысла (Yalom, 1980).

Если задача логотерапии состоит в оказании помощи при расстройствах, связанных с потерей смысла, то экзистенциальный анализ подходит для лечения всех видов психических расстройств. Основное положение ЭА гласит, что главным для достижения исполненной экзистенции является активное применение человеком своей способности *принимать решения*. Для этого человек развивает изначально присущую ему диалогическую открытость как по отношению к миру

внешнему, так и по отношению к своему внутреннему миру.

Экзистенциальный анализ выделяет два фактора как патогенные в широком смысле:

- *отсутствие внутреннего согласия* со своими действиями и бытием;
- *отсутствие диалога* — внутреннего диалога и/или диалога с внешним миром.

На фоне общей экзистенциальной недостаточности, связанной с этими факторами, развивается специфическая этиология различных психических расстройств. Психологическая травма приводит к серьезным последствиям только тогда, когда в результате ее блокируются возможности человека адекватно справляться с теми или иными жизненными ситуациями. При этом психодинамические процессы начинают вращаться вокруг четырех экзистенциальных тем.

1. Тревожные расстройства связаны с негативным опытом в отношении базовых структур, которые делают возможным само существование человека в мире. Наличие опоры, ощущение защищенности, чувство, что в этом мире у тебя есть достаточно пространства, фундаментальное доверие к миру — все это делает человека способным выдержать и принять условия жизни и придает прочность его бытию.

2. Основа депрессивных расстройств состоит в негативном отношении человека к факту своего собственного существования, которое он переживает в своих эмоциях, аффектах и настроениях.

3. Истерические нарушения связаны с потерей *внутреннего Я* и чувства собственной идентичности. Уважение и признание, которые человек

получает в общении с другими людьми, способствуют развитию его самоценности, аутентичности и нравственности.

4. Ощущение экзистенциального вакуума, фанатизм и некоторые формы зависимостей — это проблемы, связанные с потерей смысла. Люди страдают от потери своей соотносительности с некоторой ценностью, которая может дать им понимание того, для чего они живут в этом мире.

Экзистенциальный анализ можно определить как феноменологическую психотерапию, цель которой — помочь пациентам получить свободный доступ к собственной эмоциональности, отыскать аутентичные внутренние позиции и обрести способность к ответственному поведению как по отношению к самому себе, так и по отношению к окружающему миру. Основной метод, который применяется для этого, называется персональный экзистенциальный анализ (ПЭА). Об успешных результатах экзистенциально-аналитической психотерапии свидетельствует то, что человек живет в постоянном диалоге с внутренним и внешним миром и с чувством внутреннего согласия с собственными действиями.

ЭА нацелен на психологическое рождение свободного и ответственного человека, который является активным действующим центром собственной жизни, а не просто пассивно реагирующим. Для этого ЭА стремится мобилизовать способность человека принимать решения (Jaspers), основанную на активном доступе к эмоциональности (Scheler) в диалогическом обмене (Buber) с внешними и внутренними ситуационными данностями (Frankl).

Освободив доступ к своей эмоциональности, человек получает возможность выйти на аутентичные установки как по отношению к миру, так и по отношению к самому себе. Воссоединившись в аутентичности со своей внутренней сущностью, человек становится самим собой. Это и есть цель ПЭА, если сформулировать ее предельно коротко.

Отправной точкой для создания ПЭА стала теория Франкла, но методологически ПЭА выходит далеко за рамки логотерапии. Это связано с радикальным поворотом в сторону внутреннего опыта пациента, что уводит от характерной для логотерапии концентрированности на внешнем — на тех предложениях и требованиях, которые адресуют человеку ситуации внешнего мира.

В этой статье приведена терапевтическая беседа, демонстрирующая типичную процедуру метода ПЭА. В терапевтической сессии, из которой взята эта беседа, основной акцент был сделан на том, как пациентка справляется с ситуацией, представлявшей ей прежде непреодолимой. В связи с этим большая часть терапевтического процесса посвящена нахождению адекватного способа поведения пациентки. Эта специфическая часть процесса терапии по методу ПЭА больше связана с поведенческими аспектами, нежели с эмоциональным опытом и мотивацией, которым, в свою очередь, уделяется пристальное внимание при психодинамическом применении ПЭА.

Активизация личности в рамках реальной жизненной ситуации, как будет показано ниже, имеет терапевтическое воздействие и на способность справляться с конфликтами

прошлого. В приведенном ниже примере ПЭА нацелен на обнаружение личностного потенциала и обучение его практическому использованию в повседневной жизни.

Краткое описание ПЭА

Так как многим читателям метод ПЭА может быть неизвестен, приведем его краткое изложение (подробнее см.: Längle, 1989, 1994). ПЭА состоит из трех основных шагов, которым предшествует фаза получения информации:

ПЭА 0: **ИНФОРМАЦИОННАЯ** фаза.

ПЭА 1: Тщательное изучение персональных субъективных **ВПЕЧАТЛЕНИЙ** с помощью феноменологического анализа.

ПЭА 2: Нахождение аутентичной внутренней **ПОЗИЦИИ** по отношению к ситуации.

ПЭА 3: Поиски того, как **ВЫРАЗИТЬ СЕБЯ** в соответствии со своей внутренней персональной позицией и реальными внешними обстоятельствами.

Пациент начинает с рассказа о своих проблемах и о себе. Терапевт, в свою очередь, старается убедиться, что **ИНФОРМАЦИЯ** пациента достаточно полная, ясная, реалистичная и не содержит противоречий. В процессе описания своих проблем пациент переживает их снова.

Затем более детально исследуется то, что пациент пережил в какой-либо конкретной проблемной ситуации настоящего или прошлого. Для этого важно тщательно рассмотреть то **ВПЕЧАТЛЕНИЕ** (ПЭА 1), которое

оказала ситуация на пациента. Это впечатление состоит из спонтанного реагирования на двух уровнях: на уровне бессознательно возникающей «первичной» эмоции или ощущения и на уровне бессознательно возникающего импульса немедленно совершить какое-то конкретное действие. Это спонтанное реагирование отражает субъективное восприятие пациентом объективных фактов ситуации.

На следующем шаге, ПЭА 2, пациент сначала работает над пониманием того, почему в этой ситуации у него спонтанно возникли именно такая эмоция и импульс к совершению именно такого действия. Он старается понять, что объективно представляет собой эта ситуация. Это делается с целью углубления интеграции пережитого в общий контекст прошлой и настоящей жизни пациента. Достигнутое понимание представляет основу для персональной оценки произошедшего с позиций совести пациента и, таким образом, для вынесения суждения о ситуации. Это закладывает прочную основу персональной ПОЗИЦИИ, исходя из которой пациент способен встретиться лицом к лицу с ситуацией, ранее представлявшейся ему весьма проблемной.

Персональный процесс работы с «жизненным миром» (Гуссерль) завершается, когда пациент нашел способ ВЫРАЗИТЬ СЕБЯ (ПЭА 3), т. е. определил как то, *что* он может и хочет сделать, так и то, *когда, как* и с помощью *каких средств* он сможет это реализовать. На этом строится персональное поведение в конкретной ситуации.

Посредством этих трех шагов актуализируется способность лично-

сти к диалогу и, соответственно, способность человека к подлинной встрече, основе исполненной экзистенции (Buber, 1973; Plessner, 1950; Scheler, 1980; Strasser, 1954).

Информация о пациентке

Так как мы не ставим цели полностью изложить процесс терапии данной пациентки, приведем только ту информацию о ней, которая поможет лучше понять описанную ниже терапевтическую беседу.

Клаудии почти 30 лет. Она так сильно боится эмоциональной близости в отношениях, что установить с ней контакт оказывается возможным только при сохранении определенной психологической дистанции, что в то же время вызывает дискомфорт и у нее, и у того, с кем она общается. В процессе изложенной ниже терапевтической беседы этот симптом почти исчез, за исключением некоторого страха физического контакта. Ее страх остаться одной также значительно уменьшился. Этот страх существовал многие годы и был настолько сильным, что Клаудиа была готова идти на все что угодно, лишь бы не испортить отношений. Примерно за полгода до этой терапевтической сессии она смогла освободиться от отношений, которые продолжались несколько лет. Вначале ей трудно было справляться с одиночеством. Она заметила, как часто за последнее время старалась быть «хорошей девочкой», стремясь производить благоприятное впечатление на других людей и благодаря этому избегать ощущения одиночества. В конце концов она научилась жить одна.

Хотя ее отношения с отцом также улучшились, однако она замечала, что все еще не может установить с ним настоящую близость. Она не может открыто проявлять при нем свои негативные и агрессивные чувства и считает, что именно в этом и состоит причина того, что их отношения временами бывают весьма поверхностными. То, что Клаудиа не может рассказать отцу о своих негативных чувствах, связано, по ее мнению, с особенностями характера отца. Она говорит, что это человек, который абсолютно не выносит критики, потому что она заставляет его чувствовать себя беспомощным. И поскольку Клаудиа ценит свои отношения с отцом, то предпочитает, чтобы все шло как прежде.

Похожую внутреннюю дистанцию Клаудиа ощущает также и в отношениях с другими людьми, особенно когда она «позволяет им» расширять

ся». Некоторым из своих знакомых она позволяет говорить о себе, не прерывая их. При этом сама она как будто исчезает. Это приводит к абсолютно неравноправным отношениям: одна сторона бесконечно говорит, другая при этом чувствует, что становится все меньше и меньше вплоть до ощущения себя «маленькой, как мышка». Клаудиа считает, что другие люди имеют право говорить все, что они хотят. «Они делают это так непосредственно, что я чувствую себя абсолютно беспомощной», — говорит она. Тем не менее если кто-либо выражает по отношению к ней агрессию, то она вполне может постоять за себя и дать отпор. Она говорит, что ее проблема состоит в том, что она чувствует себя «изнасилованной благодаря своему дружелюбию».

Теперь обратимся к той стадии терапии Клаудии, на которой она находится в настоящее время.

Описание конкретной ситуации, в которой проявляется проблема, и подведение пациента к проживанию и исследованию того впечатления, которое оказала на него эта ситуация

После того как Клаудиа изложила свою проблему в целом, ей был задан вопрос о конкретной ситуации, в которой она чувствовала себя «изнасилованной благодаря своему дружелюбию». Ей было несложно рассказать о конкретном случае, который произошел с ней за последние дни, потому что ее мысли постоянно были заняты этим.

К: Даже не знаю, сколько раз я слышала в автоответчике ее голос: «Это Эльфи. Мне просто захотелось поговорить с тобой». Эльфи — моя подруга, с которой я разговариваю по телефону почти каждый день. Когда я перезваниваю ей, она рассказывает мне массу всякой всячины, а за это время у меня копится все больше и больше работы, которую я не успеваю

Комментарии

Для лучшего понимания ситуации и того, что происходит с самой Клаудией, терапевт задает вопрос

сделать. Это здорово действует мне на нервы, но у меня не хватает смелости прервать ее.

Т: А что вам на самом деле хотелось бы ей сказать? Вы можете произнести это спонтанно, не раздумывая?

К: «Я понимаю тебя, Эльфи, но у меня сейчас нет времени разговаривать».

Т: Что произойдет, если вы ей это скажете? Как вы думаете, что она почувствует?

К: Она воспримет это как что-то вроде того, что я ее отвергаю. *(После некоторых размышлений)* Может быть, я должна была сказать: «У меня нет времени сейчас, однако не могли бы мы поговорить позже, скажем, часов в 11 вечера?»

Т: И как это для нее прозвучит?

К: Не слишком оскорбительно.

Т: А что бы вы сами почувствовали, если бы вы кому-нибудь позвонили, а этот человек сказал бы вам: «Не могли бы мы поговорить об этом не сейчас, а вечером?»

К: Я перезвонила бы вечером. Но если бы этот человек говорил мне такое каждый день подряд в течение трех недель, я бы очень сильно обиделась.

Т: Вы бы восприняли как отвержение, если бы вам сказали: «Давай обсудим это не сейчас, а вечером?»

К: В общем да.

Нам следует сфокусировать внимание на страхе Клаудии быть отвергнутой — страхе, который управляет

о спонтанном импульсе к действию, который она ощущает (ПЭА 1), но которому, однако, не решается последовать («у меня не хватает смелости»).

Для того чтобы показать Клаудии, что именно пугает ее и мешает произнести эту фразу, ей задают вопрос о том, что, по ее мнению, произойдет, если она все-таки скажет это (ПЭА 2).

Для проверки того, действительно ли проблемная ситуация разрешилась, терапевт ставит пациентку на место другого человека («самотрансцендентное отзеркаливание»).

ее поведением. В ее жизни проблема «отвержения» всегда была и остается до сих пор очень серьезной. Однако в

этой части беседы нас больше интересует понимание ее поведения в конкретной ситуации и нахождение способа справиться с этой ситуацией, а не работа с биографией. Это оправданно, поскольку проблема «отвержения» присутствует также и

в рассматриваемой ситуации. Она проявляется в том, что ее собственный базальный страх быть отвергнутой удерживает ее от такого поведения, которое, как ей кажется, может быть воспринято другими людьми как отвергающее.

Т: Что касается телефонных звонков, то здесь я пока кое-что не совсем понимаю. Например, зачем вы вообще перезваниваете Эльфи после того, как она вам позвонила, или почему вы все-таки не скажете ей о том, что вы чувствуете?

К: Я тоже не совсем понимаю.

Т: Тогда давайте снова посмотрим на эту ситуацию. Итак, вы перезваниваете Эльфи: вот вы набрали ее номер, услышали ее голос. Что именно вы хотите сказать ей в этот момент?

К: Дорогая Эльфи. Извини, но сейчас я совершенно не расположена тебя слушать. Не сердись, но сегодня у меня на это просто нет сил!

Т: Представьте, что кто-нибудь сказал вам: «Дорогая Клаудиа. Извини, но сейчас я совершенно не расположен тебя слушать. Не сердись, но сегодня у меня на это просто нет сил!» Как бы вы это восприняли?

К: *(саркастически усмехаясь)* «Дорогая Клаудиа... — это сокрушительный удар». *(Небольшая пауза)* У меня было бы ощущение, что я действую этому человеку на нервы, что я ему неинтересна и что вообще я ему надоела.

Т: Насколько я вас знаю, могу предположить, что вы бы прореагировали гораздо более сильно. Вероятно, вы бы

В этом месте терапевт касается фактов жизни Клаудии только в той степени, которая позволяет понять страх спонтанно выражать свои чувства в определенном контексте. Имея это в виду, терапевт возвращается к ПЭА 1, чтобы Клаудиа смогла прочувствовать свою первичную эмоцию и первичный импульс к действию в полную силу.

Этот вопрос вывел на поверхность первичный импульс и первичную эмоциональную оценку разговора. Клаудиа сыта по горло и не хочет слушать многое из того, что вынуждена выслушивать. Она не приемлет данную ситуацию. Но в то же время она не хочет, чтобы подруга на нее обижалась. Для того чтобы вывести ее подавленные и неосознаваемые эмоции по отношению к подруге на поверхность, ей задают вопрос о том, как бы она сама восприняла (ПЭА 1) эту же самую фразу, но уже обращенную к ней. Таким образом она может прочувствовать ситуацию на себе.

Терапевт, опираясь на свое знание Клаудии, стремится помочь ей быть честной с самой собой —

содрогнулись, и вам стало бы очень обидно. Мы уже видели вашу реакцию, когда кто-либо вел себя по отношению к вам подобным образом. Вы думали: «Ну и ладно. Ну и катись. Больше я тебя вообще никогда ни о чем не попрошу».

К: Да, верно. Я бы начала дрожать.

Т: Насколько вы знаете Эльфи, как вы думаете, стала бы она реагировать так же, как и вы?

К: Да, я в этом уверена. Потому что она всегда рассказывает мне, как переживает, если ее отвергают... *(Небольшая пауза)* А вот с моим отцом было бы все по-другому: он стал бы орать, я это знаю.

Т: Вы ведь понимаете, почему ваш отец так реагирует? Я имею в виду, что в случае с Эльфи вы понимаете, почему она так реагирует, не так ли?

К: Он страдает от ужасного комплекса неполноценности, не осознавая этого. Если бы кто-нибудь дал понять отцу, что он ничего собой не представляет, то это ранило бы его очень сильно. *(Небольшая пауза)* Самое ужасное во всем этом то, что мне кажется, что почти все реагируют так же...

Т: Послушайте теперь, как это произнесу я: «Дорогая Эльфи. Извини, но сейчас я совершенно не расположена тебя слушать. Не сердись, но сегодня у меня на это просто нет сил!» Как это прозвучало для вас?

К: Вполне понятно. Я понимаю, что человек не всегда может быть в состоянии выслушивать чепуху и банальности, которые произошли с другим человеком за день. То, как это произнесли вы, звучит

стремится помочь ей нащупать и почувствовать присущий ей способ реагирования.

Для того чтобы подготовить Клаудию к подлинному диалогу с Эльфи, терапевт просит ее подумать о том, как, по ее мнению, стала бы реагировать подруга.

Внимание к другим поднимает на поверхность комплекс неосознаваемых проекций: Клаудиа полагает, что подруга будет вести себя точно так же, как и она, и/или в то же самое время, как ее отец («мне кажется, что почти все реагируют так же...»). Теперь она постепенно начинает различать свои эмоции и чужие эмоции.

В этой части беседы видна попытка Клаудии интегрировать первичную эмоцию (чувства, вызванные ситуацией) и первичный импульс в свою жизнь. Представив, как в данной ситуации реагировала бы она сама и как прореагировали бы другие, она приходит к лучшему пониманию, потому что эмоциональные содержания уже заметно интегрированы в соответствующие контексты. В то же самое время становится ясным, почему Клаудии трудно показывать другим свои истинные чувства: это может испортить отношения, чего она совсем не хочет.

До сих пор не была замечена важная информация, содержащаяся и выражаемая в фразе: «Извини, но сейчас я совершенно не расположена...» Поэтому терапевт

вполне дружелюбно. Проблема в том, что, когда то же самое говорила я, оно звучало гораздо более обидно.

Т: Для меня в этой фразе все равно содержится что-то обидное, даже если я произнесу ее таким мягким тоном, как только что это сделал. Слова «совершенно не...» как-то не оставляют шансов, они такие же резкие и нетерпимые, как: «Все, на сегодня мы закрыты. Приходите завтра». (*Небольшая пауза*) Они звучат так же, как: «Ну говори, чего тебе?» Словно вы хотите сказать: «Опять придется заставлять себя слушать эту ерунду». И я начинаю чувствовать, что вы не ожидаете от меня ничего, кроме пустых банальностей.

К: Да, для меня эти слова означают: «Ну вот, опять придется ее выслушивать».

Т: А могут ли эти слова означать что-нибудь вроде: «Мне это неинтересно»? Это звучит почти как: «Я не хочу тебя слушать...» Как будто кто-то постоянно жалуется мне на что-то и перегружает меня проблемами, к которым я не имею совершенно никакого отношения. Мне кажется, что «я не имею к этому никакого отношения» тоже содержится в этих словах.

К: Это ужасно, но как раз именно это я и чувствую! Я не могу больше справляться с этим. Потому что я всегда слишком долго жду, прежде чем сказать ей об этом, и в результате так и не говорю. А потом на следующий день я опять ее слушаю и через день тоже...

Т: Мы как раз об этом и говорим: «Почему же я поступаю так, как поступаю?» Знаете ли вы теперь ответ на этот вопрос? Или, может быть, у вас есть какие-либо

снова повторяет эту фразу, чтобы Клаудия смогла осмыслить ее с новой позиции.

Терапевт видит, что Клаудия не может полностью прочувствовать все то, что она только что выразила спонтанно. Для того чтобы подвести ее к действительно полному проживанию ситуации, он заполняет пропущенное звено в ее впечатлениях от сказанной фразы своими впечатлениями от этой фразы (работа над «различением впечатлений»). Он чувствует, что она слишком охотно готова следовать модели, предложенной терапевтом («это звучит вполне понятно»), тем самым стараясь оправдать свое собственное поведение («не всегда возможно быть в состоянии выслушивать...»). Она слишком быстро успокаивается, тем самым отгораживаясь от того, что реально чувствует.

Терапевт продолжает интерпретировать фразу, объясняя в деталях как свои собственные впечатления, так и различные аспекты того, как это может быть воспринято другими людьми.

Завершение работы с первичной эмоцией подводит Клаудию к ее «внутренним запретам».

предположения по этому поводу? (*Пауза*) Мне ответ на этот вопрос еще не понятен.

К: Мне тоже. Т. е., кроме того, о чем я вам уже говорила,— что не хочу, чтобы она почувствовала себя отвергнутой.

Т: Я думаю, что если бы мне кто-то сказал все то, что вы на самом деле хотите сказать Эльфи, то я бы почувствовал себя отвергнутым.

К: Конечно. Ведь на самом деле я хочу сказать ей: «Отстань от меня!»

Т: Это действительно то, чего вы хотите? Чтобы она отстала от вас?

К: В этот момент да.

Т: Только в этот момент?

К: (*кивая*) Да. Но я бы не хотела, чтобы она отстала от меня насовсем.

Т: По-видимому, вы все-таки не хотите положить конец этим отношениям...

К: Правильно.

Т: Чувствуете ли вы, что в той ситуации, которую мы рассматриваем, вы действительно хотели бы сказать Эльфи нечто такое, что обидело бы ее? Чувствуете ли вы себя в этой ситуации самой собой, когда вы в таком сильном гневе?

К: Да, я в страшном гневе. Я бы попыталась сказать ей мягко, но в то же время так, чтобы она почувствовала мой гнев.

Т: А что будет, если вы мило и дружелюбно кого-нибудь пошлете?

Терапевт, говоря о своем собственном восприятии ситуации, показывает, что именно чувствует Клаудиа и чего она боится.

Теперь Клаудию спрашивают о ее глубинной внутренней позиции по отношению к подруге (ПЭА 2).

Осознание последствий такого поведения.

К: Человек просто этого не поймет. Он будет звонить опять. Даже моя мама, которая знает меня очень хорошо, совершенно не замечает, когда я очень сильно разгневана.

Т: Получается, что из-за того, что вы говорите всегда так мило и дружелюбно, никто и не замечает того, что вы на самом деле чувствуете?

К: Правильно. И я от этого очень страдаю.

Т: Мне кажется, что то определение, которое вы дали вначале,— «изнасилованная благодаря своему дружелюбию» — может быть понято еще и следующим образом: фактически вы насилуете сами себя, когда вот так дружелюбны с другими.

К: Круто. Однако вы правы.

Т: И я вижу еще вот что. По-видимому, вам так трудно сформулировать то, что вы хотите сказать, потому что вы боитесь обидеть другого человека и тем самым поставить под удар ваши с ним отношения. Это объяснило бы, почему вы ведете себя так мило и дружелюбно: просто потому, что не хотите, чтобы ваши отношения закончились.

Терапевт открывает Клаудии свое собственное восприятие ситуации. Он также дает оценку ее отношению к себе самой.

Становится понятным, почему Клаудия бессознательно блокирует свою первичную эмоцию и спонтанный импульс к действию. Благодаря жизненному опыту она стала более сдержанной, чтобы невольно не подвергнуть риску отношения. Теперь проблема состоит в том, как обрести способность проживать и адекватно выражать то, что чувствуешь, а не становиться «маленькой, как мышка».

Подготовка к поиску подходящей формы самовыражения: подвергать себя оценке и выносить суждение о самом себе

Этот шаг ПЭА был введен следующим вопросом:

Т: Что вам нужно было бы сказать Эльфи, чтобы все поняли, что именно вы хотите ей сказать, и чтобы при этом ваше желание сохранить отношения

также было бы выражено? Как вы сможете сформулировать это в приемлемом виде, не используя таких обидных фраз, как «совершенно не...» и «Ну говори, чего тебе?»? Но в то же время объясните мне, как вам удастся избежать подобных фраз, когда, по сути дела, именно это вы и хотите ей сказать?

К: Я бы хотела видеться с ней один раз в полгода. Этого было бы вполне достаточно. <...>

Т: Почему для вас это только: «Ну говори, чего тебе?» Почему для вас это только неинтересная и обременительная обязанность?

К: Это тоже проблема.

Т: (возвращаясь к ПЭА 2) Вам это действительно неинтересно?

К: Вначале я так и думала. Но теперь я больше в этом не уверена. (Долгая пауза, затем немного растерянно) Я больше не уверена. <...> Может быть, это слишком односторонний взгляд... На самом деле я не уверена в том, действительно ли я хочу слушать все то, что она мне рассказывает, или же я просто хочу быть с ней милой. (Пауза) Это серьезная проблема. Мне самой очень хотелось бы это знать.

Т: (в поисках более глубокого понимания) О чем бы вы хотели поговорить с Эльфи? Было бы лучше, если бы она перестала говорить о своих личных проблемах?

К: Да нет. Бывало, по вечерам мы вели очень глубокие разговоры.

Т: Ваши разговоры сейчас остались такими же глубокими, какими были раньше?

Клаудиа не дает прямого ответа на вопрос терапевта. Такое впечатление, что она еще не готова приступить к поиску подходящей формы поведения в отношениях с Эльфи (ПЭА 3): она теперь даже не может найти никаких причин для того, чтобы общаться с подругой достаточно часто. Терапевт понимает, что процесс определения ее позиции по отношению к Эльфи и ситуации телефонных разговоров (ПЭА 2) еще не закончен, так как он произошел только на уровне взаимоотношений в целом, а не на уровне содержания конкретной ситуации (т. е. «общего смысла» как объединяющего элемента для встречи; см.: Längle, 1986). Поэтому терапевт вновь спрашивает Клаудию о ее позиции по отношению к ситуации (действительно ли это для нее «Ну говори, чего тебе?» и «Опять придется заставлять себя выслушивать эту ерунду»), т. е. вновь ставит в центр внимания содержание разговора и причину, по которой Клаудиа стремится поддерживать отношения. Это означает возвращение к ПЭА 2.

К: Нет. Потому что ничего существенного не происходит. Она просто болтает. Иногда, конечно, интересно узнать, что может расстроить такого человека, как Эльфи, и что вообще ее занимает. Потому что иногда она может увидеть то, чего бы я сама даже и не заметила.

Т: (занимая позицию) У меня сложилось впечатление, что в ваших отношениях чего-то не хватает. Что вы об этом думаете?

К: Я с вами согласна. Мне следовало бы относиться к ней более серьезно.

Т: Чего это потребует от вас? Вы думаете, вам это будет легко?

К: Это вопрос. Возможно, я не должна всегда быть такой уж милой и дружелюбной и выслушивать все то, что она мне рассказывает, а (смеется) открыто говорить ей, если, по моему мнению, она несет чушь или если ее рассказы нагоняют на меня скуку. Мне также следует рассказывать ей о себе, пускай даже поначалу это ее и ошеломит. Но я должна поверить, что она в состоянии справиться с этим. А сейчас я отношусь к ней просто как к идиотке. (Пауза) На самом деле быть вот такой дружелюбной означает принижать другого человека до уровня идиота.

Поиск адекватного способа поведения и самовыражения (ПЭА 3)

Т: Я думаю, что сейчас нам не хватает детальной проработки того, как вы теперь будете вести себя в этой ситуации. Например, знаете ли вы, какую внутреннюю позицию займете, когда она позвонит вам и вы станете ей перезванивать? Если нет, мы можем попробовать найти эту позицию вместе.

Терапевт говорит о собственном видении ситуации и просит Клаудию определить свою позицию по отношению к подруге.

После того как найдена внутренняя позиция как по отношению к взаимоотношениям в целом, так и по отношению к конкретной ситуации частых и долгих телефонных разговоров, можно начинать стадию ПЭА 3 (поиск адекватной формы

К: Ну, я должна сказать ей правду. Я просто должна сказать: «Эльфи...» (*смеется*). Это не так-то просто. (*Пауза*) Я просто пытаюсь найти что-нибудь не слишком грубое, что-то достаточно сдержанное, что-то, что оставило бы ей возможность, но также оставило бы возможность и мне тоже. Я хочу узнать, чего же она хочет. На самом деле это важный момент: выяснить, в чем состоит ее проблема. И, с другой стороны, я также хочу сказать: «Извини, но у меня сейчас так много работы, что я совсем не могу уделить тебе время». (*Затем четким голосом, живо*) Если бы она стала рассказывать о чем-то действительно важным, то я внимательно стала бы ее слушать. Но я не хочу слушать о том, что масло растаяло, пока она ходила по магазинам.

Т: (*смеясь*) Да, это действительно не самое интересное. Как вы думаете, что вы будете чувствовать, когда будете говорить ей все это? Я заметил, что в том, что вы хотели бы сказать Эльфи, не хватает того, как конкретно вы к ней обратитесь. Не хотите ли попробовать еще раз?

К: Это сложнее, если я должна сказать все так максимально реалистично. Но теперь, я думаю, что я поняла. И, мне кажется, внутри себя я пришла к согласию относительно того, как мне нужно это сказать. Ну, попробую: «Привет, Эльфи! Прошло так мало времени после выходных, а ты уже звонишь. Как это приятно! Но у меня сейчас куча работы и поэтому очень мало времени. У тебя что-нибудь важное?»

Т: И как это звучит?

К: Неплохо.

поведения). Посредством проигрывания ситуации в деталях можно почувствовать экзистенциальные смыслы ее позиции и, возможно, внести поправки в предыдущие интерпретации.

Терапевт убеждается, что Клаудиа не пытается уклониться, и просит ее попробовать проговорить подходящую форму обращения к Эльфи. Клаудиа должна пережить эту ситуацию так, как будто она происходит на самом деле, а не утопать в туманных словесных формулировках.

Из этой части беседы ясно видно, что необходимо найти надлежащую форму выражения своей

Т: Это может обидеть?

К: Не должно. Потому что это не звучит как отказ разговаривать вообще. Я думаю, это звучит хорошо. Я пытаюсь выразить, что мне действительно интересно знать, как у нее дела. И, возможно, она ответит: «Все в порядке. Ничего особенно серьезного. Просто хотела поболтать».

Т: Мне тоже нравится, как это звучит. Одновременно вы также устанавливаете границы, так что после этого разговор уже не будет бесконечным.

К: Да, я тоже это чувствую.

Т: Хорошо. Эту же модель поведения можно использовать для многих похожих ситуаций, не правда ли?

позиции и своих чувств. Если человек не может себя выразить, то, несмотря на всю внутреннюю ясность и обоснованность, он остается неподготовленным к тому, чтобы воплотить свои намерения в реальность.

При поиске адекватной формы самовыражения иногда становится ясно, что еще далеко не все возможные внутренние позиции были приняты во внимание; они могут быть рассмотрены на этой стадии. Поэтому поиск формы самовыражения выполняет ретроспективно-объяснительную функцию и одновременно имеет мотивирующе-перспективное значение.

Завершение сессии

Т: Что вы думаете о нашей сегодняшней беседе?

К: Я думаю, что она была впечатляющей. Она изменила мое восприятие.

Вначале я очень нервничала: «Больше никакой Эльфи!» Но в процессе нашей беседы я каким-то образом примирилась с ней. Я заметила, что если я определяю свои границы, то могу принимать другого человека таким, какой он есть. На самом деле мне нравится Эльфи. Теперь мне не нужно защищаться, не нужно становиться агрессивной или чувствовать себя «маленькой, как мышка». Теперь я снова могу видеть других людей такими, какие они есть, не вступая в борьбу против того, что мне в них не нравится.

Т: И только поступая так, начинаешь принимать другого человека всерьез. И самого себя принимать всерьез тоже.

Для углубления понимания терапевт предлагает проделать небольшую рефлексию.

К: Да, это очень важно: как только я принимаю другого всерьез, я принимаю всерьез и саму себя.

Т: Теперь нам остается дождаться того, как вы будете себя чувствовать в реальной ситуации общения с Эльфи и что вы реально ей скажете.

К: Вообще-то теперь эта задача кажется мне совсем простой. Думаю, что теперь я подобным же образом могла бы наладить отношения и со своим отцом.

Краткий итог сессии

В процессе этой терапевтической беседы Клаудиа смогла допустить до осознания и выразить связанные с ситуацией эмоции и аффекты. Однако ей было нужно не просто «выпустить пар», а понять, в чем была причина возникновения этих чувств. Поняв это, ей уже не нужно было больше эти чувства прятать (ПЭА 1). Определение внутренней позиции как по отношению к подруге, так и по отношению к конкретной ситуации долгих телефонных разговоров позволило ей понять эту ситуацию во всей ее полноте. (Понимание как результат ПЭА 2: ситуационная эмоциональность интегрируется в более широкий жизненный контекст.)

Благодаря принятию собственных чувств (ПЭА 1) и интеграции их в биографический контекст (ПЭА 2) сократилась ощущаемая Клаудией внутренняя дистанция между нею и подругой — дистанция, которая едва не привела к разрыву их отношений.

Не менее важным было найти адекватный способ поведения и

опробовать его (ПЭА 3). Благодаря этому Клаудиа почувствовала, что подготовлена к ситуации и может справиться с ней. Она также ощутила, как уменьшилась ее потребность внутренне защищаться от подруги, и нашла способ оставаться самой собой во взаимоотношениях с ней.

Эта сессия стала важной вехой в ее терапии. Пациентка получила хороший доступ к своим персональным способностям воспринимать получаемые ею впечатления (доступ к спонтанной эмоциональности), выносить суждения и занимать позицию (доступ к пониманию, доступ к глубинному чувству тому, что является правильным) и адекватно выражать себя (осознанное поведение). Через несколько недель терапия Клаудии была завершена.

Заключительные комментарии

Специфическая особенность использования метода персонального экзистенциального анализа состоит в том, что эта процедура может быть применена для эффективной терапии сегодняшней проблемной ситуации

без обращения к биографическому материалу. Тем не менее не следует думать, что этот метод исключает работу с биографией. Напротив, точно тем же самым способом, каким мы его применяли в вышеописанном примере, ПЭА может быть успешно использован и для проработки травматического опыта, который хранит биография человека (Längle, 1991). Однако эффективность феноменологического подхода все же в значительно большей степени связана с активацией духовной силы и ресурсов личности.

Для психотерапевтов, в основном работающих в психодинамической парадигме, это может показаться весьма необычным. Тем не менее в ПЭА есть определенные параллели с психодинамическим подходом, особенно в ПЭА 1 (аффекты и импульсы) и частично в ПЭА 2, где присутствуют моменты, аналогичные инсайтам и интерпретациям.

Приведенная в этом примере структура терапевтического диалога является базовой для ПЭА. Абстинентность терапевта редка и довольно строго регламентирована. В основном она состоит в том, что большую часть времени терапевт воздерживается от интерпретаций или советов. Сами же терапевтические отношения проникнуты диалогичностью: терапевт эмоционально включен, он ясно показывает пациенту свои эмоции и свое видение ситуации, которую проживает вместе с ним. У неопытных терапевтов подобный вид терапевтических отношений с сильной эмоциональной вовлеченностью может вызывать такие сложности, как неадекватный терапевтический альянс или нетерапевтиче-

ская близость с пациентом, переход к дружеской болтовне или дружеским советам, что фактически прекращает терапевтический процесс.

Терапевтическая беседа, описанная в данной статье, имеет много сходного с процессом когнитивно-поведенческой психотерапии. Однако так бывает далеко не всегда. В случае с Клаудией это стало следствием того, что пациентка была плохо научена навыкам поведения в социуме. Тем не менее следует отметить, что, возможно, терапия могла бы проходить быстрее, если бы терапевт немного дольше задержался на уровнях ПЭА 1 и ПЭА 2. По-видимому, он был больше озабочен развитием практических навыков (ПЭА 3). Его способ ведения терапевтической беседы представляется довольно негибким. Однако в данном конкретном случае это может быть оправдано тем, что пациентка относится к истерическому личностному типу.

Многие или даже большинство современных методов психотерапии можно было бы успешно использовать в этом случае. Сегодня основанием для выбора метода терапии является не только его эффективность, так как эффективность практически всех психотерапевтических методов приблизительно одинакова. Сегодня выбор метода в гораздо большей степени зависит от личных предпочтений терапевта и от того, насколько хорошо он владеет тем или иным методом, а также от того, хочет ли пациент, чтобы с ним работали именно этим методом. В первую очередь психотерапия, конечно, должна приносить пользу пациенту. Однако, кроме этого, она должна быть интересна и для самого терапевта и

приносить ему моральное удовлетворение. Если же этого нет, то тогда наша работа не стоит того человеческого доверия, с которым в своих

страданиях обращаются к нам наши пациенты.

**Перевод с англ. О.А. Осипова
Научный редактор – В.Б. Шумский**

Литература

Buber M. Das dialogische Prinzip. Heidelberg: Lambert Schneider, 1973.

Frankl V.E. Zur geistigen Problematik in der Psychotherapie // Zentralblatt der Psychotherapie. 1938. 10. S. 33–45.

Frankl V.E. Ärztliche Seelsorge. Wien: Deuticke, 1946/1982.

Frankl V.E. Grundriß der Existenzanalyse und Logotherapie // Frankl V.E., v. Gebattel V.E., Schultz J.H. (eds.) Handbuch der Neurosenlehre und Psychotherapie. München: Urban & Schwarzenberg, 1959.

Frankl V.E. Psychotherapy and Existentialism. Selected papers on Logotherapy. New York: Washington Square Press, 1967.

Frankl V.E. Ärztliche Seelsorge. Wien: Deuticke, 1982a, 10°.

Frankl V.E. Der Wille zum Sinn. Bern: Huber, 1982b.

Frankl V.E. Theorie und Therapie der Neurosen. München: Reinhardt, 1983.

Frankl V.E. Der leidende Mensch. Anthropologische Grundlagen der Psychotherapie. Bern: Huber, 1984.

Frankl V.E. Man's Search for Meaning. New York, Washington Square Press, 1985.

Jaspers K. Existenzphilosophie. Berlin: de Gruyter, 1974. 4°.

Längle A. Existenzanalyse der therapeutischen Beziehung und Logotherapie in der Begegnung // Tagungsbericht der GLE, 1986. 2. 1. S. 55–75.

Längle A. Sinnvoll leben. Angewandte Existenzanalyse. St. Pölten: NÖ Pressehaus, 1987.

Längle A. Entscheidung zum Sein. Logotherapie in der Praxis. München: Piper, 1988.

Längle A. Personale Existenzanalyse // Längle A. (ed.) Wertbegegnung. Phänomene und methodische Zugänge. Wien: GLE-Verlag, 1989. S. 133–159.

Längle A. Die biographische Vorgangsweise in der Personalen Existenzanalyse // Kolbe Ch. (ed.) Biographie. Verständnis und Methodik biographischer Arbeit in der Existenzanalyse. Wien: GLE-Verlag, 1991. S. 9–33.

Längle A. Personal Existential Analysis // Proceedings, 16th Intern Congress Psychotherapy, Seoul: Korea Academy of Psychotherapy, 1994. S. 318–335.

Längle A., Orgler Ch. Existenzskala. GLE-Verlag (Hogrefe in press), 1989.

Plessner H. Lachen und Weinen. Eine Untersuchung nach den Grenzen Menschlichen Verhaltens. Bern, 1950. 2°.

Scheler M. Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik. Bern: Franke, 1980. 6°.

Scheler M. Die Stellung des Menschen im Kosmos. Bonn: Bouvier, 1991. 10°.

Strasser S. Das Gemüt. Freiburg: Herder, 1954.

Wicki B. Die Existenzanalyse von Viktor E. Frankl als Beispiel zu einer anthropologisch fundierten Pädagogik. Bern: Haupt, 1991.

Yalom I.D. Existential Psychotherapie. New York: Basic Books, 1980.

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ В ПРАКТИКЕ ТЕЛЕФОННОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ

А. ЛЭНГЛЕ, С.Н. ЗАЙЦЕВ, В.Б. ШУМСКИЙ

Резюме

В статье кратко описаны теоретическая и методическая база современного экзистенциального анализа — концепция четырех фундаментальных мотиваций, методы и техники консультативной и психотерапевтической работы. На примерах из практики и статистических данных показано, что применение экзистенциального анализа позволяет телефонной психологической службе работать с широким спектром обращений клиентов, а также приближает ее по эффективности к очной психологической консультации.

В мае 2002 г. в Москве начал работу телефон психологической помощи (ТПП), сотрудниками которого стали психологи и врачи, с 1999 г. получающие психотерапевтическое образование по программе Международного общества экзистенциального анализа и логотерапии (GLE-International, Вена). В том, что образовательная структура, занимающаяся подготовкой специалистов в области психологического консультирования и психотерапии, открывает телефон психологической помощи, нет ничего необычного. Подобные телефоны существуют при некоторых известных вузах. Однако в своей работе мы обнаружили, что использование экзистенциального анализа придает телефонному психологическому консультированию определенные качественные особенности.

Анализ деятельности московских ТПП, организованных к началу 2002 г.,

показал, что большинство из них специализируется на каком-то определенном виде психологической помощи: кризисное консультирование и предотвращение суицидов, телефоны доверия для женщин (сексуальное и домашнее насилие), для подростков и их родителей, для ВИЧ-инфицированных и т. д. В случае, если телефонное обращение не соответствует профилю конкретного ТПП, оно чаще всего перенаправляется другой службе.

Общение с клиентами работники ТПП строят главным образом на основе хорошо известных условий помогающего общения — безусловного принятия, эмпатии и конгруэнтности (Роджерс, 2001), а также использования специальных знаний по профилю конкретного ТПП. Отметим, что, поскольку для работы на ТПП считается достаточным владение навыками помогающего общения, на Западе на

ТПП (так называемые «горячие линии») работают главным образом не профессиональные психологи и медицинские работники, а волонтеры, прошедшие специальный тренинг (Практика телефонного психологического консультирования, 2001). По имеющейся у нас информации, на большинстве специализированных московских ТПП работают профессиональные психологи и врачи. ТПП «широкого профиля» имеют некоторые московские вузы, готовящие психологов-консультантов. На этих ТПП в основном проходят практику студенты старших курсов.

Традиционными средствами помощи, применяемыми на ТПП, являются активное слушание и сочувствие, сообщение конкретной информации по теме обращения, а также предоставление адресов и телефонов организаций и специалистов, которые смогут оказать позвонившему квалифицированную помощь. По-

Зайцев Сергей Николаевич — преподаватель Института психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета, консультирующий психолог, аспирант факультета психологии ГУ ВШЭ.

Область научных интересов: психология личности, экзистенциальная психология, психологическое консультирование.

Контакты: zaitcev@dialog.ru

следнее зачастую дает основания считать ТПП лишь «ресурсом очного консультирования для других служб» (Практика телефонного психологического консультирования, 2001, с. 71).

Таким образом, выяснилось, что нет ТПП, на котором можно получить квалифицированную помощь по широкому кругу психологических проблем. По нашему мнению, экзистенциально-аналитическое образование позволяет обеспечить такую возможность (но с предварительным овладением базовыми навыками помогающего общения).

Приведем теоретические положения современного экзистенциального анализа, примеры телефонных психологических консультаций и некоторые статистические результаты работы ТПП.

Структурную модель современного экзистенциального анализа образует разработанная А. Лэнгле концепция фундаментальных экзистенциальных мотиваций (Лэнгле, 2001). В соответствии с ней человек в своем бытии сталкивается с четырьмя реальностями:

- *мир* с его фактами, условиями и возможностями;
- *жизнь*, т. е. переживание бытия со всеми желаниями, радостями и страданиями;
- *бытие самим собой* во всей уникальности и неповторимости каждого человека;
- *будущее*, призывающее человека посвятить себя тому, что имеет смысл.

Стремление справиться с этими реальностями и составляет фундаментальные экзистенциальные мотивации человека. Рассмотрим их подробнее.

Первая экзистенциальная реальность возникает из того простого факта, что человек присутствует в мире. Он оказался в этом мире без своего предварительного согласия на то, хочет ли он быть в этих условиях: родиться в этой семье, в этой стране, в этом столетии. Однако он существует именно здесь, и это ставит человека перед фундаментальным вопросом: «Я есть, но могу ли я быть? Могу ли я существовать в тех обстоятельствах, в которых нахожусь,— в этой социально-экономической ситуации, при этих отношениях в семье, с коллегами на работе?» Речь идет не столько о физическом выживании, сколько о ситуациях, в которых у человека возникает чувство, что подобные обстоятельства он не сможет выдержать и пережить.

Для того чтобы справиться с фактами существования, человеку необходимы следующие предпосылки: *пространство, опора и защищенность*. «Дает ли мне мир достаточно пространства для моих запросов и потребностей? Что дает моей жизни опору? Чувствую ли я защищенность, принимают ли меня другие люди, есть ли у меня родина, дом?» Активность человека состоит в том, чтобы *выдержать и принять* условия своего бытия. Невозможность справиться с этим приводит к тревожности, навязчивым состояниям, фобиям.

Вторая экзистенциальная реальность заключается в том, что наше бытие есть нечто большее, чем просто факт, оно пронизано нашими переживаниями, выстрадано нами. Быть живым означает плакать и смеяться, испытывать радость и горе, ощущать приятное и неприятное,

проходить через везение и неудачи, сталкиваться с ценным и с тем, что не имеет никакой ценности. Насколько велика может быть наша радость, настолько же глубоким и страданием — амплитуда эмоциональности в одинаковой степени распространяется в обоих направлениях. И перед человеком возникает следующий фундаментальный вопрос: «Я живу, но нравится ли мне жить?»

Для того чтобы жизнь переживалась как благо, нужны следующие предпосылки: близость, время и отношения. «Могу ли я устанавливать и поддерживать эмоциональную близость с моим окружением? Могу ли позволить другому человеку эмоционально приблизиться ко мне? Есть ли у меня отношения, на которые я не жалею времени и, находясь в которых, чувствую близость?» Собственная активная деятельность человека здесь состоит в том, чтобы раскрыться, *обратиться*, «повернуться лицом» — к другим людям, вещам, духовным ценностям — и позволить себя эмоционально затронуть, пережить в связи с этим определенные чувства. В эмоциональной затронутости человек, конечно же, сталкивается также и с тем, что наполнено болью и страданием. *Переживание печали* — в этом состоит необходимая деятельность при столкновении с потерями, которые неизбежны в жизни. Блокированность на этом уровне бытия приводит к отчужденности, холодности и, наконец, к депрессии.

В третьей экзистенциальной реальности речь идет об уникальности каждого человека, о том, что «делает меня мной и отличает меня от других». Этот факт ставит следующий

фундаментальный вопрос: *«Имею ли я право быть самим собой? Имею ли я право быть таким, каков я есть? Имею ли я право вести себя так, как я себя веду?»* Это вопросы самоидентификации, самооценности и этики. Страх показать другим свои подлинные мысли и чувства, страх раскрытия перед другими из-за возможности отвержения вызывает желание надеть маску, создать лишь видимость самого себя.

Для того чтобы стать самим собой, нужны следующие предпосылки: *уважительное внимание, справедливое отношение и признание ценности*. «Обращают ли другие люди на меня внимание, относятся ли они ко мне справедливо и с уважением? Ценят ли меня другие, и могу ли я ценить себя сам? Могу ли я отвечать за свое поведение и считать его правильным?» Активная деятельность, благодаря которой человек становится самим собой, состоит во *встрече и отграничении*: уважая других людей, идти им навстречу, при необходимости отстаивая свое Я. Неспособность справиться с этой экзистенциальной реальностью приводит к ранимости, чувству одиночества, истерическим и нарциссическим нарушениям личности.

Если человек может существовать в своем мире, если ему нравится жизнь и он способен быть в ней самим собой, то не хватает ответа на вопрос: *зачем все это нужно?* Недостаточно просто быть и чувствовать свою приспособленность; каждый человек стремится в чем-то продуктивно раскрыться. Четвертая экзистенциальная реальность связана с вопросом смысла: *«Я есть — ради чего?»* Чтобы ответить на него, снова

необходимы три предпосылки: *поле деятельности, структурная взаимосвязь и ценность, которая должна быть воплощена в будущем*. «*Есть ли сфера деятельности, где я нужен, где могу быть продуктивным? Ощущаю ли я себя принадлежащим к более крупной системе взаимосвязей, которая придает моей жизни структуру и ориентацию? Есть ли что-либо ценное, что еще должно произойти в моей жизни в будущем?»*

Экзистенциальный анализ различает онтологический и экзистенциальный смыслы. Онтологический смысл — это смысл существования мира и человека, сфера философии и религии. Этот смысл можно только принять и в него поверить. Экзистенциальный смысл возникает благодаря решениям и действиям самого человека. Он может быть найден через *согласование с ситуацией и действие с самоотдачей*. Экзистенциальный смысл — это самая ценная возможность ситуации; это то, что, например, в данный час является наилучшей возможностью из всех, которые есть у человека. Если он реализует эту возможность, тогда в его жизни присутствует экзистенциальный смысл. Экзистенциальный смысл всей жизни является результатом многих осмысленных действий, которые человек осуществил. Как следствие появляется переживание реализованности, в противном случае — ощущение фрустрации, пустоты, сомнения, отчаяния, возникают зависимости.

Подчеркнем, что концепция фундаментальных мотиваций составляет основу практики психологического консультирования и психотерапии в экзистенциальном анализе. В самом

общем виде ее применение можно описать так: в процессе беседы с клиентом сначала происходит соотнесение его проблем с содержаниями мотиваций, далее следует прояснение и коррекция того, что блокирует мотивационный потенциал соответствующего уровня.

Помимо представленной выше структурной модели, современный экзистенциальный анализ располагает также набором психотерапевтических методов, подразделяющихся на три группы (Längle, 2001):

- ориентированные на ресурсы;
- ориентированные на проблему;
- ориентированные на развитие.

Эти методы различаются по глубине обращенности к следующим способностям человека:

- самодистанцированию как освобождению от слишком тесной связанности с собственной психодинамикой;
- самотрансценденции как направленности к миру, к другим людям, как диалогу с внешним окружением;
- самопринятию через установление диалога со своим внутренним миром, подлинному и глубокому принятию самого себя.

Методы, ориентированные на ресурсы, связаны с непосредственным обращением к указанным способностям. Предполагается, что клиент может использовать их самостоятельно и нуждается не более чем в побуждении и поддержке со стороны консультанта. Применяя эти методы, консультант не обращается к причинам возникновения проблем; контекст, в котором проявляется проблема, также относительно неважен. Это известные методы парадоксаль-

ной интенции и дерефлексии (Франкл, 1997, 2000), а также методика изменения установки (Längle, 2001).

Методы, ориентированные на проблему, в гораздо большей степени направлены на анализ жизненной ситуации клиента и на его переживание. Это разработанные А. Лэнгле (Längle, 2001) методы нахождения персональной позиции, укрепления воли, нахождения экзистенциального смысла. Их объединяет то, что они постепенно, шаг за шагом позволяют клиенту прояснить, как он может обойтись со своей проблемой через установление более близких отношений с окружающим миром и с самим собой.

Если клиент не в состоянии «посмотреть в лицо своей проблеме» и эмоционально прикоснуться к своей жизненной ситуации, как это рекомендуется в соответствии с проблемно-ориентированными методами, то показан направленный на развитие метод персонального экзистенциального анализа (Längle, 1993). Этот метод стимулирует внешний и внутренний диалог, постоянно поддерживая который, человек постепенно развивает уверенность в себе и способность успешно строить свою жизнь.

Безусловно, формат телефонного консультирования накладывает ограничения на применение в полном объеме методов, ориентированных на проблему и на развитие. Однако часто можно весьма эффективно использовать отдельные элементы или шаги этих методов.

Приведем примеры приложения экзистенциального анализа к практике телефонного консультирова-

ния. Первый случай демонстрирует применение метода парадоксальной интенции (подробнее см., например: Франкл, 2000, с. 137–156, 176–199).

Р., 22 года, обратился на ТПП с жалобой, что не может преодолеть свое влечение к запаху мужских носков. Этот симптом появился у него после службы в армии, где он из-за своей слабой физической конституции постоянно подвергался моральному унижению и избиениям. В настоящее время этот симптом особенно сильно проявляется тогда, когда он встречает физически сильных мужчин. Его неудержимо тянет смотреть на ноги мужчины, и он боится, что не сможет противостоять своему желанию встать на колени и припасть к его носкам. Можно сделать предположение, что этот симптом является защитной реакцией: Р. готов сразу продемонстрировать физически сильному мужчине свою покорность и готовность к послушанию, чтобы тем самым избежать страха подвергнуться еще большему унижению и физическому насилию.

Р. неоднократно звонил на ТПП, разговаривал только с консультантами-мужчинами, но никогда не поддерживал беседу более 10 минут. Наконец он выбрал одного из консультантов, по отношению к которому чувствовал особенное доверие, и стал звонить ему достаточно регулярно (один раз в 1–2 недели) с более подробными рассказами о себе и своей проблеме. Через некоторое время консультант предложил ему использовать метод парадоксальной интенции: когда Р. встретит на улице физически сильного мужчину и испытает страх, то ему не нужно убежать от чувства страха, а следует говорить: «Страх, приходи!» Р. в тот же

день опробовал эту рекомендацию, сразу же перезвонил консультанту и сказал, что у него получилось не поддаться страху и преодолеть проявление симптома. При последующих звонках он сообщал, что ему удавались попытки таким образом совладать со своей проблемой. Тем не менее по крайней мере один рецидив симптома у него все-таки случился. Однако после получения психологической поддержки во время беседы с консультантом он больше не сообщал о подобных случаях.

Проиллюстрируем использование метода дерефлексии.

На ТПП позвонила Л., 20-летняя спортсменка-лыжница. Через два дня ей предстояло выступить на соревнованиях всероссийского уровня, и она испытывала сильную тревогу и сомнения в своем успехе. Ей было необходимо попасть в шестерку сильнейших, что давало право выступления на престижных международных соревнованиях. В прошлом году Л. уже выступала на аналогичных всероссийских соревнованиях и была только девятой. Если она и в этом году не пробьется в первую шестерку, то на ее карьере лыжницы будет поставлен крест, о чем недвусмысленно заявил тренер.

Консультант спросил, как сама Л. оценивает свои шансы. Та ответила, что, хотя в этом году из-за тяжелой болезни матери тренировалась не вполне интенсивно, все же сейчас находится в достаточно хорошей форме. По ее оценке, если не считать двух явных фавориток, шансы попасть в первую шестерку есть еще у примерно 8–10 лыжниц. Как только Л. назвала цифру 8–10, в ее голосе послышалась дрожь,

чувствовалось, что ее волнение усилилось. Она сказала, что сейчас к ней пришла мысль вообще отказаться от выступления и завтра же с утра уехать домой.

Консультант предложил использовать метод дерефлексии: не думать об успехе, о месте, которое она займет на предстоящих соревнованиях и о шансах соперниц, а полностью сосредоточиться лишь на том, чтобы показать на лыжне все, на что она способна. Нужно приложить силы, чтобы выложиться на все 100%, а какое в итоге будет занято место — это уже зависит не от самой Л., а от обстоятельств, ей неподвластных: от формы, в которой находятся соперницы, от их психологического состояния, мотивации, а также от множества случайностей, которые могут произойти. То, что может сделать сама Л., — это проявить весь свой потенциал лыжницы и бороться до конца, только на этом и следует сосредоточиться.

У консультанта возникло впечатление, что после этих его слов Л. сразу же успокоилась. При завершении разговора в ее голосе ощущались решительность и воля.

Следующий случай показывает применение в консультировании концепции фундаментальных экзистенциальных мотиваций.

М., 63 года, недавно вышел на пенсию. Однажды утром он поднял телефонную трубку, услышав, что 60-летняя жена, с которой он прожил почти 40 лет, в соседней комнате разговаривает по параллельному телефону. М. подслушал этот разговор, продолжавшийся около 5 минут. Жена разговаривала с каким-то незнакомым ему мужчиной, причем это явно был разговор

старых знакомых. Если не больше, чем просто знакомых. М. тут же бросился к жене за объяснениями. «Это мой бывший сослуживец. Мы с ним работали вместе последние 5 лет перед моим выходом на пенсию. Он проявлял ко мне симпатию» — «Только симпатию? И все?» — «Да, только симпатию». — «И что же, у вас с ним ничего не было?» — «Конечно, нет». — «Скажи мне всю правду!» — «Но я же тебе уже все сказала». — «Скажи мне всю правду, я требую!»

С момента того телефонного разговора прошел почти год, в течение которого жизнь М. и его жены все больше и больше превращалась в ад. Он замучил ее постоянными подозрениями, упреками и требованиями рассказать, как все было «на самом деле». Она же, видимо, просто не знала, как еще можно объяснить, что это были не более чем чисто дружеские отношения. Два раза она уходила жить к сестре, потому что поведение М. становилось совершенно невыносимым. Однако он не без помощи взрослых сыновей уговаривал ее вернуться обратно, клятвенно обещая, что прекратит дознание. И вот теперь она ушла в третий раз после того, как М., по его словам, «снова сорвался». Он чувствовал, что сейчас жена ушла с твердым намерением не возвращаться, и поэтому позвонил психологу, чтобы посоветоваться, как быть дальше.

Выслушав более чем получасовой драматичный рассказ и задав несколько проясняющих вопросов, консультант определил у М. нарушение первой фундаментальной экзистенциальной мотивации — неадекватное восприятие фактов. В связи с этим была предпринята попытка побудить М. сосредоточиться на том, как проходил тот злополучный телефонный разговор жены с незнакомым мужчиной, вспомнить и

описать ситуацию разговора как можно более подробно, в мельчайших деталях. После того как М. рассказал то, что ему удалось вспомнить, состоялся следующий диалог.

К: Скажите, у вас давно в соседней комнате стоит параллельный телефонный аппарат?

М: Да, довольно давно.

К: Всегда ли вы слышите, когда сами разговариваете по телефону, что кто-то снял параллельную трубку?

М: В общем почти всегда.

К: В каком случае вы будете продолжать разговор, если услышите, что кто-то поднял параллельную трубку?

М: Если в содержании разговора нет ничего такого, что я хотел бы скрыть.

К: ...

М: Так, значит, жена тоже, услышав, что я поднял трубку, не прекратила разговор потому, что ее совесть была чиста?

К: ...

М: Спасибо.

К: Пожалуйста.

Через несколько дней во время работы этого же консультанта М. позвонил опять: «Большое вам спасибо. Я все осознал. Я был очень, очень несправедлив по отношению к жене. Но теперь я звоню ей и говорю, что все понял, и прошу ее вернуться, а она мне не верит. Она считает, что через некоторое время я снова начну изводить ее своими упреками. Очень вас прошу, позвоните ей и скажите, что я был у вас на приеме и вы провели со мной сеанс терапии по новейшей методике, так что теперь я действительно изменился. Если я скажу ей, что просто говорил с психологом по телефону, то она ни за что не поверит, что такой разговор мог что-либо серьезно изменить».

Актуализация личной ответственности представляет собой одну из

главных целей экзистенциально-аналитической терапии, поэтому консультант вежливо отказался выполнить просьбу М. Далее беседа была построена на применении элементов метода укрепления воли с целью усиления решимости М. доказать жене, что он действительно изменил свое отношение к ней. Только через полтора месяца М. позвонил на ТПП в третий раз и рассказал, что жена вернулась, и их отношения постепенно восстанавливаются.

Далее приведем пример достаточно последовательного применения одного из методов экзистенциального анализа.

И., молодая женщина 29 лет, в течение двух лет работала в пункте обмена валюты. Около 10 месяцев назад на обменный пункт было совершено разбойное нападение, во время которого И. получила сильнейший удар по голове, изуродовавший ее лицо. Она осталась в живых только потому, что бандиты посчитали ее мертвой. И. долго лечилась, сейчас физическое состояние, по ее словам, было вполне нормальным, однако лицо было очень сильно изуродованным. Из обменного пункта она была под абсурдным предлогом уволена, хозяева пункта не хотели даже разговаривать ни о какой материальной компенсации. И. пришлось отказаться от своих карьерных планов, личная жизнь также оказалась разрушенной, многие ее знакомые постепенно прекратили с ней отношения. На коммерческий вариант восстановления внешности у И. не было денег, так что врачи посоветовали ей «оставить все как есть».

То, как И. рассказывала свою историю, вызвало у консультанта невольное

уважение: чувствовалось, что она смогла выдержать этот тяжелейший удар судьбы. Вскоре И. сама сказала об этом: «Я знаю, что мне предстоит со всем этим жить. В конце концов, я чувствую, что могу справиться. Но что дальше?» Консультант счел возможным предложить И. отдельные элементы метода нахождения экзистенциального смысла (Лэнгле, 2003, с. 123).

Первый шаг состоял в том, что жизненная ситуация И. была рассмотрена еще раз, но теперь главным стал акцент на тех возможностях, которыми И. располагает в настоящее время. Она сказала, что видит следующие возможности: подать судебный иск о получении финансовой компенсации с прежних работодателей, не обеспечивших надлежащей безопасности на рабочем месте; навсегда переехать жить к родственникам в деревню; попробовать получить высшее образование — раньше И. хотела получить диплом экономиста, но в юности ей казалось, что она еще успеет поступить в вуз, когда же ей стало больше 25 лет, она решила, что учиться уже поздно.

В соответствии со вторым шагом метода И. было предложено эмоционально взвесить каждую из возможностей, чтобы почувствовать ее значимость для жизни. Иск против прежних работодателей обещал огромную нервотрепку и неопределенно большие затраты времени, шансы же на успех И. оценивала как крайне малые. Идея переехать жить в деревню вызвала у нее сначала грусть, а затем внутреннее отторжение. Возможность поступить в вуз, которая вначале представлялась

практически нереализуемой, при ближайшем рассмотрении стала восприниматься И. не такой уж несбыточной. Хотя у нее не было денег на коммерческий вуз, ее настоящая работа на складе в режиме «сутки работы — трое суток отдыха» давала ей средства к существованию и, главное, достаточно времени для подготовки к вступительным экзаменам. И. приняла решение (третий шаг метода нахождения смысла) в ближайшие дни собрать информацию о московских вузах и подумать, в какой из них она реально могла бы попробовать поступить.

Через две недели И. снова позвонила на ТПП и сказала, что обзвонила многие вузы и в некоторые съездила. В одном из них она узнала, что, поскольку у нее пока еще сохраняется инвалидность вследствие полученной травмы головы, она имеет право внеконкурсного поступления на бесплатное отделение в случае положительно сданных экзаменов. И. приняла решение поступать в этот вуз. Теперь И., по ее словам, «начала с воодушевлением готовиться к экзаменам».

В заключение можно отметить, что предложение консультанта структурировать жизненную ситуацию и его начальные шаги по созданию такой структуры побудили клиента сначала с интересом включиться в этот процесс, а затем взять на себя ответственность за активное преобразование своей жизни.

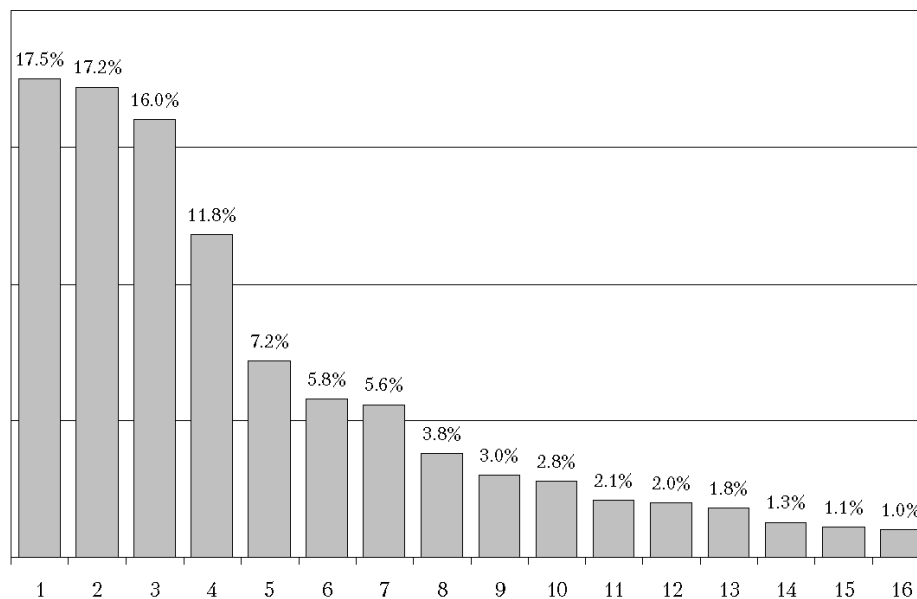
На гистограмме 1 приведены некоторые статистические результаты работы ТПП¹.

---

¹Представлена статистика за год: май 2002 — май 2003 г. В течение всего этого времени объявления о работе ТПП помещались в бесплатные рекламные издания («Экстра М», «Центр +» и т. п.). Режим работы ТПП — с 10 часов до 21 часа по будням.

Гистограмма 1

Доля времени, затраченного на телефонные консультации различной тематики
(в % от суммарного времени всех консультаций)

- 1 – Партнерские отношения
- 2 – Семейные проблемы
- 3 – Проблемы общения, одиночество
- 4 – Проблемы в отношениях между родителями и детьми
- 5 – Эмоциональное напряжение или возбуждение различного происхождения, страхи, фобии, навязчивости, депрессии
- 6 – Сексуальные проблемы
- 7 – Общие мировоззренческие проблемы, проблемы смысла
- 8 – Соматические заболевания и проблемы инвалидов
- 9 – Психиатрические заболевания
- 10 – Развод
- 11 – Проблемы, связанные с работой
- 12 – Кризисные состояния
- 13 – Зависимости
- 14 – Смерть близкого человека
- 15 – Предсуицидальное состояние
- 16 – Агрессия на консультанта

Статистические результаты демонстрируют широкий спектр психологической проблематики, доступной для успешной консультационной

работы, а приведенные примеры — ее углубленность.

Среди обращений на ТПП можно отметить случаи, когда клиент сам

пытался мобилизовать свой личностный потенциал и найти для себя не просто приемлемый, но достойный выход. При этом задача гуманистически ориентированного консультанта внешне не представляется сложной: понимание и эмоциональная поддержка будут достаточной помощью, остальное человек может сделать для себя самостоятельно. Однако наша статистика показывает, что количество таких обращений не превышает 15% от общего числа. Экзи-

стенциальный анализ предоставляет консультированию дополнительные ресурсы: развитую теорию и методическую оснащенность для структурирования усилий клиента по преодолению трудной жизненной ситуации.

Таким образом, применение экзистенциального анализа в телефонном консультировании качественно изменяет возможности ТПП, приближая его по эффективности к очной психологической консультации.

Литература

Лэнгле А. Экзистенциальный анализ — найти согласие с жизнью // Московский психотерапевтический журнал. 2001. №1. С. 5–23.

Лэнгле А. Жизнь, наполненная смыслом. М.: Генезис, 2003.

Практика телефонного психологического консультирования: Хрестоматия / Под ред. А.Н. Моховикова. М.: Смысл, 2001.

Роджерс К. Человекоцентрированный/клиентцентрированный подход в психотерапии // Вопросы психологии. 2001. № 2. С. 48–58.

Франкл В. Доктор и душа. СПб.: Ювента, 1997.

Франкл В. Воля к смыслу. М.: ЭКСМО, 2000.

Шумский В.Б. Понятие основных экзистенциальных мотиваций как теоретическая основа психотерапевтической практики в экзистенциальном анализе // Вопросы ментальной медицины и экологии. 2002. Т. VIII. № 1. С. 67–71.

Längle A. Personale Existenzanalyse // Längle A. (hrsg.) Wertbegegnung. Phänomene und methodische Zugänge. Wien, GLE-Verlag, 1993. P. 133–160.

Längle S. Die Methodenstruktur der Existenzanalyse und Logotherapie // Existenzanalyse. 2001. № 18. 2/3. P. 19–30.

Короткие сообщения

ИНТЕЛЛЕКТ И ПОДВЕРЖЕННОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМУ ВЛИЯНИЮ

М.Д. БУГАЕВА

В социальной психологии, особенно американской, разработано большое количество техник влияния, которые активно используются в торговле в целях повышения эффективности продаж, в рекламе, в социальных программах (Чалдини, 2002). Все эти методики основываются на одном феномене — стремлении людей к непротиворечивости представлений о мире, установок и поведения. Из этого феномена исходят основные теоретические подходы к проблеме: теория когнитивного диссонанса Л. Фестингера, теория самосогласованности Аронсона, теория самовосприятия Д. Бема и др. В экспериментальных исследованиях как факторы подверженности влиянию рассматриваются индивидуальные различия людей по уровню самоуважения (см.: Stone, Cooper, 2000), четкости Я-концепции (см., например: Burger, Guadagno, 2003), выраженности самокоррекции (см.: Cialdini, Goldstein, 2003) и т. д. Наша работа посвящена анализу подверженности механизмам влияния в зависимости от уровня разви-

тия психометрического интеллекта. Мы задались вопросом: в какой степени уровень развития психометрического интеллекта человека определяет его подверженность влиянию? Мы предположили, что связь интеллекта и подверженности влиянию опосредована структурой представлений человека о мире (Ушаков, 2003).

В свете когнитивных теорий представление человека о мире — это сеть или пространство, включающее много элементов, связанных между собой определенными отношениями (Фестингер, 1999). Таким элементом может быть любое знание, мнение или убеждение, касающееся среды, себя или собственного поведения. Влияние, оказываемое на один элемент представления, проявляется также в отношении других более или менее удаленных элементов. Так, реклама, направленная на какую-либо одну цель (например, продажу косметики или табачных изделий), оказывает влияние на совокупность установок и действий человека (например,

изменение представления о своей внешности влияет на продажу обуви и одежды, осознание необходимости поддержания здоровья изменяет проведение досуга).

Исходя из вышесказанного, мы выдвинули модель индивидуальных различий в плане подверженности влиянию:

- податливость внешнему воздействию элемента, на который оно направлено;
- генерализация влияния по эмоциональному признаку;
- генерализация влияния по когнитивному признаку.

Под генерализацией влияния мы подразумеваем распространение внешнего воздействия от одного элемента системы представлений к другим элементам. Возникает логичное предположение, что интеллект может быть одним из факторов, определяющих подверженность влиянию. Люди с высоким интеллектом способны к выявлению менее очевидных связей между явлениями, событиями в окружающем их мире. Следовательно, можно предположить, что представления более интеллектуально одаренных людей о мире будут характеризоваться большей широтой отражения причинно-следственных связей. Если это так, то влияние, оказанное на один из этих элементов системы представлений, может вызвать у таких людей изменение менее очевидно связанных с объектом влияния представлений.

Методика

В исследовании приняли участие студенты двух вузов (81 чел.) в возрасте от 17 до 22 лет.

Для оценки уровня интеллекта были использованы следующие методики: часть испытуемых тестировали по «Продвинутым прогрессивным матрицам» Дж. Равена (Advanced Progressive Matrices, АРМ), часть — по «Культурно-независимому тесту интеллекта» Р. Кеттелла (Culture-Fair Intelligence Test, GFIT). Общая выборка была разделена на три равные группы — низкую, среднюю и высокую по уровню интеллекта. Необходимо оговорить, что «низкая» группа соответствует среднему уровню интеллекта ($IQ < 108$), «средняя» — средневысокому уровню ($IQ = 109 - 123$) и «высокая» — высокому уровню интеллекта ($IQ > 124$). В исследовании использовались только данные крайних групп, данные по «средней» группе не учитывались. Были сформированы 4 группы испытуемых, которые соответствовали двум характеристикам: во-первых, «низкому» и «высокому» уровню интеллекта, во-вторых, контрольному и экспериментальному условиям. Испытуемые экспериментальной группы подвергались процедуре влияния, которая описывается ниже. В контрольной группе процедура влияния не осуществлялась. Общее количество испытуемых составило 57 человек, в среднем в группе было по 15 человек.

Схема ситуации влияния осуществлялась по принципу «влияния без давления», когда испытуемые не знают о том, что являются объектами влияния. Поэтому эксперимент был представлен испытуемым как изучение их социального интеллекта, способности решать творческие задачи. Независимой переменной в эксперименте выступило влияние на представления испытуемых о развитии

медицины, которое заключалось в следующем: а) испытуемых просили внимательно рассмотреть стимульный материал — картинки и фотографии с изображением сцен из истории развития нейрохирургии; б) на основе информации, содержащейся в картинках, письменно указать 10 ныне устраненных причин гибели людей во время операций; в) проранжировать 10 исходных причин, сформулированных экспериментатором. Таким образом, предлагая респондентам подумать над развитием нейрохирургии, мы «строили психологически однозначный образ действительности» (см.: Кабаченко, 2000), обращали внимание испытуемых на развитие общества, на улучшение качества жизни, что должно было спровоцировать некоторый сдвиг других представлений под влиянием актуализированной информации.

Зависимой переменной выступили три типа ответов на вопросы.

Во-первых, испытуемым предлагалось оценить стоимость страховки, которую имеет смысл заплатить для компенсации затрат при возможном тяжелом заболевании. Предполагаемое направление влияния состояло в том, что испытуемые экспериментальной группы должны были: а) направить свое внимание на проблемы болезней, б) определить по фотографиям сложность современной аппаратуры и понять ее высокую цену. Следовательно, осуществленная процедура влияния предназначалась для повышения оценок испытуемыми суммы, которую разумно платить за страховку от болезней.

Во-вторых, испытуемые должны были дать свою оценку средней про-

должительности жизни в XV и XXI вв. в трех странах — Англии, России и Японии. Предполагалось, что демонстрация варварской средневековой и высокотехнологичной современной медицины повлияет на увеличение разрыва между более высокой оценкой продолжительности жизни в XXI в. и более низкой в XV в.

В-третьих, необходимо было указать вероятность смерти (в процентах) от различных причин в XV и XXI вв. Список возможных причин предъявлялся в алфавитном порядке и включал 11 пунктов: болезнь Альцгеймера, грипп, гемофилия, гепатит, диабет, малярия, онкологические заболевания (ОЗ), сердечно-сосудистые заболевания (ССЗ), туберкулез, чума и отдельной строкой — другие причины. При проведении процедуры влияния внимание испытуемых обращалось на развитие медицины, которое привело к изменению демографической ситуации в мире. В демографии факторы смертности традиционно подразделяют на две большие группы: эндогенные (обусловленные биологическими особенностями человеческого организма и его наследственностью) и экзогенные (связанные с действием внешней среды). Улучшение здравоохранения в первую очередь снижает последствия экзогенных заболеваний. Поэтому мы предполагали, что примененная в нашем эксперименте процедура влияния приведет к снижению оценки роли экзогенных заболеваний. К этим заболеваниям в приведенном списке относятся грипп, гепатит, малярия, туберкулез, чума. Однако общий объем всех перечисленных причин смертности составляет 100%, поэтому уменьшение

в XXI в. значимости одних с неизбежностью ведет к увеличению других. Как следствие, это может привести к повышению оценки роли эндогенных заболеваний. К последним относятся болезнь Альцгеймера, гемофилия, диабет. Сердечно-сосудистые и онкологические заболевания занимают промежуточное положение.

При разработке эксперимента мы рассматривали экзогенные заболевания как объекты влияния, более близкие к представлениям, на которые осуществлялось влияние, чем эндогенные. С нашей точки зрения, связь между развитием медицины и снижением роли экзогенных заболеваний будет более очевидной для испытуемых, чем связь с экономическим развитием общества и повышением роли эндогенных заболеваний. Наша гипотеза заключалась в том, что при высоком уровне психометрического интеллекта удаленные от пункта влияния представления изменяются в большей мере, чем при низком. Мы также ввели оценку страховки и продолжительности жизни, отдаленность которых от пункта влияния не могла быть точно оценена заранее.

Результаты и обсуждение

Полученные данные в отношении более близких объектов влияния довольно неожиданны и интересны.

У испытуемых с высоким интеллектом, в отличие от испытуемых с низким интеллектом, наблюдается значимый прирост оценки разумной величины страховки и увеличение оценки средней продолжительности жизни в XXI в. от контрольной к экспериментальной группе (см. табл. 1, 2, 3), т. е. как в отношении оценки страховки, так и в отношении оценки продолжительности жизни в XXI в. изменились представления только у группы высокоинтеллектуальных испытуемых. В рамках исходной гипотезы эти результаты позволяют предположить, что оценка страховки и продолжительности жизни являлись для наших испытуемых не близким, а отдаленным пунктом влияния.

При отсутствии влияния наблюдались две тенденции: у испытуемых с низким интеллектом — тенденция завышения оценок оптимальной страховки и средней продолжительности жизни, а у испытуемых с высоким интеллектом — тенденция занижения

Таблица 1

Оценка оптимальной величины страховки (в долларах США) испытуемыми с низким (НИ) и высоким интеллектом (ВИ) в контрольной (КГ) и экспериментальной группах (ЭГ)

	НИ	ВИ	Значимость*
КГ	81.7	28.9	p=0.016
ЭГ	70.3	74.6	p=0.85
Значимость	p=0.88	p=0.006	

*Здесь и далее приводится значимость различий, полученная для U-теста Манна–Уитни.

Таблица 2

Оценка продолжительности жизни в Англии, России, Японии в XV в. испытуемыми с низким (НИ) и высоким интеллектом (ВИ) в контрольной (КГ) и экспериментальной группах (ЭГ)

	НИ	ВИ	Значимость
КГ	61.4	54.9	p=0.07
ЭГ	59.9	54.7	p=0.75
Значимость	p=0.89	p=0.98	

Таблица 3

Оценка продолжительности жизни в Англии, России, Японии в XXI в. испытуемыми с низким (НИ) и высоким интеллектом (ВИ) в контрольной (КГ) и экспериментальной группах (ЭГ)

	НИ	ВИ	Значимость
КГ	74.4	65.4	p=0.05
ЭГ	75.9	73.8	p=0.71
Значимость	p=0.66	p=0.07	

этих оценок (см. табл. 1–3). Возможно, это объясняется тем, что испытуемые с низким интеллектом в контрольной группе недостаточно учитывают условия задания. Например, в 21% случаев в выборке с низким интеллектом встречалась неоптимальная величина ежемесячной страховки (свыше 100 долларов при зарплате 400 долларов), а среднюю продолжительность жизни в средневековье оценивали в 2.5 раза выше известного 30-летнего рубежа.

Результаты в отношении оценки различных причин смертности в XV и XXI вв. следующие.

Как мы и предполагали, эффект влияния на испытуемых с высоким интеллектом выразился в повышении оценок роли трех основных эндогенных заболеваний. Значимость различий оценок вероятности смерти от болезни Альцгеймера и гемофилии между контрольной и экспе-

риментальной группами достигает уровня 0.01 и 0.05 соответственно (табл. 4, 5), для диабета возрастание показателей не достигает уровня значимости в 5% (см. табл. 6), однако на этом уровне значимо различие между более или менее интеллектуальными испытуемыми в экспериментальной группе. Понижения оценок экзогенных заболеваний не наблюдается.

Это означает, что в соответствии с выдвинутой гипотезой влияние вызвало изменение «удаленных» представлений у испытуемых с более высоким уровнем интеллекта.

Оценки вероятности смерти от экзогенных заболеваний у экспериментальной группы с низким интеллектом оказались более низкими, чем у контрольной группы. Наиболее ярко этот эффект проявился, когда в качестве причин смертности рассматривался туберкулез (см. табл. 7).

Таблица 4

Оценка вероятности смерти от болезни Альцгеймера в XXI в. испытуемыми с низким (НИ) и высоким интеллектом (ВИ) в контрольной (КГ) и экспериментальной группах (ЭГ)

	НИ	ВИ	Значимость
КГ	5.4	4.0	p=0.36
ЭГ	4.5	6.0	p=0.17
Значимость	p=0.36	p=0.04	

Таблица 5

Оценка вероятности смерти от гемофилии в XXI в. испытуемыми с низким (НИ) и высоким интеллектом (ВИ) в контрольной (КГ) и экспериментальной группах (ЭГ)

	НИ	ВИ	Значимость
КГ	5.9	3.1	p=0.53
ЭГ	4.4	5.3	p=0.31
Значимость	p=0.68	p=0.01	

Таблица 6

Оценка вероятности смерти от диабета в XXI в. испытуемыми с низким (НИ) и высоким (ВИ) интеллектом в контрольной (КГ) и экспериментальной (ЭГ) группах

	НИ	ВИ	Значимость
КГ	5.9	3.1	p=0.53
ЭГ	4.4	5.3	p=0.31
Значимость	p=0.68	p=0.01	

Таблица 7

Оценка вероятности смерти от туберкулеза в XXI в. испытуемыми с низким (НИ) и высоким интеллектом (ВИ) в контрольной (КГ) и экспериментальной группах (ЭГ)

	НИ	ВИ	Значимость
КГ	9.3	7.4	p=0.65
ЭГ	4.8	8.7	p=0.03
Значимость	p=0.08	p=0.53	

Так как у нас общий объем всех перечисленных причин болезней составляет 100%, то вследствие этой тен-

денции в экспериментальной группе испытуемых с низким интеллектом произошло повышение оценки

смертности от сердечно-сосудистых заболеваний в XXI в. в отличие от контрольной группы (см. табл. 8).

Мы предполагаем, что под влиянием информации о развитии медицины испытуемые более высоко оценили вероятность смертности от сердечно-со-

судистых заболеваний из-за того, что часто слышали об этом факторе. Возможно, в этом случае сработал эффект оценки вероятности событий, называемый эвристикой доступности. Суть этого эффекта заключается в том, что человек оценивает вероят-

Таблица 8

Оценка вероятности смерти от сердечно-сосудистых заболеваний в XXI в. испытуемыми с низким (НИ) и высоким интеллектом (ВИ) в контрольной (КГ) и экспериментальной группах (ЭГ)

	НИ	ВИ	Значимость
КГ	12.1	15.2	p=0.16
ЭГ	21.2	14.6	p=0.08
Значимость	p=0.04	p=0.67	

ность событий в зависимости от того, насколько легко примеры этих или подобных событий приходят на ум, всплывают в памяти. А статистика смертности от сердечно-сосудистых заболеваний по сравнению с другими эндогенными причинами наиболее часто освещается в СМИ. Таким образом, испытуемые с более низким интеллектом испытали влияние в отношении представлений, близко расположенных к пункту влияния.

Любопытно, что примененная процедура влияния изменила представления о XXI в., а не о XV, вероятно, в силу размытости, неопределенности последних.

Однако следующая гистограмма иллюстрирует, что существовала разница в оценках вероятностей причин смертности в XV в. между испытуемыми с низким и высоким интеллектом в экспериментальных группах.

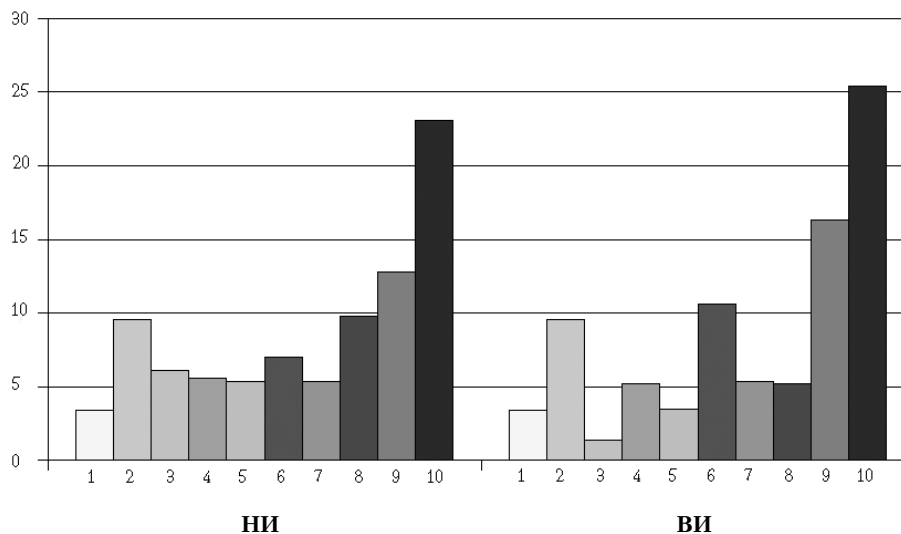
На гистограмме 1 видно, что испытуемые с низким интеллектом в задании с более неопределенными параме-

трами (XV в.) не дифференцируют вероятности смертности. Оценив высоко как наиболее возможные для XV в. причины смерти туберкулез и чуму и низко как наименее возможную причину болезнь Альцгеймера, испытуемые распределили остальные вероятности однородно. При парном сравнении экзогенных и эндогенных причин значимость различий между средними оценками не достигает и 10% (см. табл. 9). Испытуемые с высоким интеллектом дифференцируют экзогенные и эндогенные причины, оценивая вероятность смерти от экзогенных причин значимо более высоко. При аналогичном парном сравнении значимость различий между оценками достигает 5% и 1% (см. табл. 9).

Тем не менее эти результаты не свидетельствуют о наличии влияния, так как при сравнении результатов испытуемых с высоким интеллектом в контрольной и экспериментальной группах значимых различий между ними не наблюдается ($p > 0.1$).

Гистограмма 1

Средние оценки (%) всех причин смертности в XV в. испытуемыми с низким (НИ) и высоким интеллектом (ВИ) в экспериментальной группе

1 – Болезнь Альцгеймера

2 – Грипп

3 – Гемофилия

4 – Гепатит

5 – Диабет

6 – Малярия

7 – Онкологические заболевания

8 – Сердечно-сосудистые заболевания

9 – Туберкулез

10 – Чума

Таблица 9

Сравнение оценок экзогенных и эндогенных заболеваний внутри групп

	Значимость*	
	НИ	ВИ
Грипп – гемофилия	p=0.201	p=0.001
Гепатит – диабет	p=0.878	p=0.095
Малярия – онкологические заболевания	p=0.326	p=0.017
Туберкулез – сердечно-сосудистые заболевания	p=0.234	p=0.005

*Т-тест Вилкоксона.

Таким образом, между группами испытуемых с высоким и низким уровнем развития психометрического

интеллекта по ряду пунктов удалось обнаружить значимые различия в отношении подверженности феноменам

влияния, что соответствует выдвинутой гипотезе.

Заключение

Итак, наши результаты согласуются с положением, что влияние на один элемент в системе представлений вызывает изменение других элементов. При этом одна и та же процедура влияния может вызывать сдвиги представлений, по-разному удаленных от элемента, на который оно направлено. Наша гипотеза о различиях в смещении представлений у испытуемых с разным уровнем развития интеллекта подтвердилась. Можно выделить три сферы изменения представлений: первая сфера — влияние вызывает требуемое изменение представлений у всех людей, вторая сфера — изменяются «близкие» представления у людей с более низким интеллектом, третья сфера — происходит сдвиг «дальних» пред-

ставлений у людей с высоким интеллектом.

Между тем обнаруженное изменение верно в отношении представлений о XXI в., но не в отношении представлений о XV в. По всей видимости, существует разница в степени четкости представлений испытуемых о предмете рассуждения. Базовые знания о XV в., такие, как исторический хронометраж событий, социально-культурное развитие общества, обычно у неспециалистов почти отсутствуют или хаотичны, следовательно, представление о XV в. мало структурированное, размытое. Тем не менее более высокий уровень интеллекта способствует дифференциации, структуризации представлений.

Значимые различия в отношении подверженности феноменам влияния в пределах нашей выборки объясняют непредсказуемость эффектов влияния СМИ и пропаганды в массовой аудитории.

Литература

Кабаченко Т.С. Методы психологического воздействия. М., 2000.

Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. М., 1999.

Чалдини Р., Кенрик Д., Нейберг С. Социальная психология. СПб., 2002.

Ушаков Д.В. Интеллект: структурно-динамическая теория. М., 2003.

Burger J.M., Guadagno R.E. Self-concept clarity and the foot-in-the-door proce-

dure // *Basic and Applied Social Psychology*. Vol. 25. P. 79–86.

Cialdini R.B., Goldstein N.J. Social influence: Compliance and Conformity // *Annual Review Psychology*. 2004. Vol. 55. P. 591–621.

Stone J., Cooper J. A self-standards model of cognitive dissonance // *Journal of experimental social psychology*. 2000. Vol. 37. Issue 3. P. 228–243.

Бугаева Мария Дмитриевна, Государственный университет гуманитарных наук, аспирант

Контакты: maribu_7@mail.ru

ОБЫДЕННЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРАВОВЫХ РЕШЕНИЙ¹

О.А. ГУЛЕВИЧ, Е.О. ГОЛЫНЧИК

Тема обыденных представлений о справедливости была поднята в американской психологии в середине 1960-х годов. Одним из основных направлений ее изучения является выделение норм, соблюдение или несоблюдение которых оказывает влияние на оценку справедливости происходящего. Эти нормы связываются с двумя основными типами справедливости: дистрибутивной (справедливости результата — распределения вознаграждения и наказания) и процедурной (справедливости процедуры вынесения решения) (Гулевич, Голынчик, 2003).

Интерес к изучению обыденных представлений о справедливости связан, по-видимому, с осознанием их влияния на разные аспекты человеческих отношений. Например, в правовой сфере обыденные представления о справедливости определяют характер социальных установок по отношению к правовой и политической системам, эмоциональное состояние, здоровье и поведение людей (Foster, Rusbult, 1999; Mitchell et al., 2003; Schmitt et al., 2003).

Данное исследование преследует несколько целей.

1. Изучение относительной важности дистрибутивной и процедур-

ной справедливости при оценке правовых решений. В большинстве проведенных исследований, посвященных справедливости в правовом контексте, предпочтение отдается изучению норм процедурной справедливости и игнорируется вопрос о соотношении процедурной и дистрибутивной справедливости. Цель данного исследования состоит в восполнении этого пробела.

2. Оценка относительной значимости каждой нормы дистрибутивной и процедурной справедливости при оценке правовых решений. Как правило, в исследованиях, посвященных представлениям о справедливости, выявляется значимость одной-двух норм. В нашем исследовании учитывается 13 норм дистрибутивной и процедурной справедливости, что позволяет выявить относительную значимость каждой из них в оценке правовых решений. Все нормы были заимствованы из проведенных ранее североамериканских и западноевропейских исследований. Их использование в данном случае позволило выявить те из них, которые значимы для российских респондентов.

3. Выявление соответствия между предпочитаемыми людьми нормами

---

¹Исследование проведено в рамках проекта РГНФ, № 02-06-00067а.

справедливости и теми, которые реально используются ими при оценке конкретных правовых решений. Постановка этого вопроса связана с одной из основных особенностей обыденного правосознания, которая заключается в том, что поддержка общих принципов не гарантирует их применения при оценке конкретных ситуаций (Гулевич, Голынчик, 2003). Для достижения этой цели в исследовании было поставлено два типа вопросов: прямые вопросы о значимости разных норм и вопросы, в которых надо было оценить справедливость правового решения, при вынесении которого были/не были соблюдены нормы справедливости.

4. Выявление факторов, оказывающих влияние на важность и использование норм справедливости при оценке правовых решений. Наличие большого количества норм, в соответствии с которыми производится оценка справедливости и несправедливости происходящего, ставит вопрос о факторах, оказывающих влияние на их использование. В рамках данного исследования были выделены следующие факторы:

– характер правового решения: судебный приговор или принятие решения о заключении под стражу. В частности, решение о заключении под стражу является своеобразной мерой предосторожности, носит «промежуточный» характер и не означает принятия окончательного решения о дальнейшей судьбе человека, подозреваемого в совершении преступления. Судебный приговор, напротив, определяет дальнейшую судьбу подсудимого и является окончательным (не считая процедуры пересмотра приговора вышестоящим судом) этапом;

– наличие серьезных доказательств вины подозреваемого/подсудимого. При принятии правовых решений возникают ситуации, когда реализация одной нормы справедливости затрудняет или делает невозможной выполнение другой. Это происходит, например, при отсутствии серьезных допустимых доказательств того, что именно подозреваемый/подсудимый совершил данное преступление. В этом случае норма «точности (законности) информации» вступает в противоречие с нормой «полноты информации». Согласно первой из них, в основу решения не могут быть положены доказательства, полученные с нарушением закона, что делает необходимым исключение их из материалов дела. В условиях незначительного количества доказательств выполнение этой нормы затрудняет составление судьей или наблюдателем полной картины происшедшего, необходимой для вынесения решения. Поэтому ее реализация может оцениваться как несправедливая;

– справедливость/несправедливость происшедшего. Исследование обыденных представлений о справедливости в межличностном, деловом и учебном контекстах показало, что реализация одних норм оказывает большее влияние на оценку справедливости происходящего, а других — на оценку его несправедливости. Аналогичная закономерность может проявиться и в правовом контексте (Гулевич, Голынчик, 2004).

Выборка: в исследовании приняли участие 220 студентов 2–3 курса московских вузов, среди них — 120 будущих психологов и 100 будущих юристов.

Методика исследования. Для достижения поставленных целей была использована анкета, которая состояла из двух вопросов.

Первый вопрос включал список 13 условий принятия правового решения, соответствующих 13 нормам дистрибутивной и процедурной справедливости, адаптированным к правовому контексту. К дистрибутивной справедливости были отнесены нормы беспристрастности (наказание/выбор меры пресечения в зависимости от нанесенного ущерба), а также назначения наказания/меры пресечения в зависимости от негативности индивидуальных особенностей преступника, его потребностей, усилий, способностей и поведения потерпевшего. В качестве норм процедурной справедливости были выделены полнота информации (правовое решение должно выноситься на основании всех представленных доказательств), точность информации (на основе допустимых доказательств), нейтрализация предубеждений (человек, выносящий решение, не должен быть лично заинтересован в нем), однообразие процедуры (процедура вынесения решения относительно всех подозреваемых/подсудимых должна быть одинакова), контроль за процессом (наличие у подозреваемого/подсудимого возможности высказать свою точку зрения) и результатом (возможность оспорить принятое решение), уважение по отношению к подсудимому. Респонденты должны были выбрать 8 норм, выполнение которых, по их мнению, является необходимым для вынесения справедливого/несправедливого правового решения, и проранжировать их по важности. Мы ожидали, что необхо-

димость проранжировать не все условия, а только наиболее важные из них приведет к более тщательному отбору условий участниками. Было сформулировано несколько вариантов этого вопроса, различающихся по типу правового решения (судебный приговор/решение о заключении под стражу) и его справедливости (выбор условий принятия справедливого/несправедливого решения).

Второй вопрос был сформулирован в виде проективной ситуации, описывающей принятое правовое решение, и ряд условий его принятия, соответствующих разным нормам дистрибутивной и процедурной справедливости. Проективные ситуации различались по ряду параметров, среди которых были: вид принятого решения (судебный приговор/решение о заключении под стражу), наличие/отсутствие точных доказательств, соответствие/несоответствие происшедшего каждой из норм. Участники должны были определить степень справедливости/несправедливости решения при выполнении каждого из условий. Оценка справедливости/несправедливости происходила по 5-балльной шкале Лайкерта от «полностью справедливо» (1 балл) до «полностью несправедливо» (5 баллов).

Математическая обработка результатов

1. Отражением важности разных норм дистрибутивной и процедурной справедливости являлись рейтинги.

В первом вопросе рейтинг каждой нормы определялся следующим образом. Сначала кодировались результаты

каждого участника. Если он выбирал какую-либо норму в первую очередь, ей присваивался ранг «1», если во вторую — ранг «2» и т. д. до «8». Все не выбранные им нормы получали ранг «9». После этого результаты всех участников по каждой норме суммировались. Все полученные значения делились на количество участников. Таким образом вычислялись рейтинги каждой выделенной нормы дистрибутивной и процедурной справедливости. Чем меньшее значение соответствовало норме, тем более важное место она занимала в сознании респондентов. Общий рейтинг процедурной справедливости вычислялся путем сложения рейтингов всех процедурных норм и деления полученного значения на их количество. Аналогичным образом вычислялся и рейтинг дистрибутивной справедливости.

Процедура вычисления рейтинга норм по второму вопросу была сложнее. Ее усложнение произошло за счет того, что часть респондентов определяла справедливость–несправедливость выполнения каждой нормы, а другая — ее невыполнения. Сначала суммировались оценки справедливости–несправедливости (по шкале Лайкерта от 1 до 5), которые были поставлены респондентами, оценивавшими выполнение каждой нормы. Все полученные значения делились на количество этих респондентов. Затем такая же процедура проводилась для анализа оценок, поставленных респондентами, оценивавшими невыполнение норм. После этого рейтинг каждой нормы подсчитывался следующим образом: средняя оценка, поставленная респондентами, оценивавшими выпол-

нение нормы «X» + (6 – средняя оценка, поставленная респондентами, оценивавшими невыполнение нормы «X»). Как и в предыдущем случае, чем меньшее значение соответствовало норме, тем более важное место она занимала в сознании респондентов. Общий рейтинг процедурной справедливости вычислялся путем сложения рейтингов всех процедурных норм и деления полученного значения на их количество. Аналогичным образом вычислялся и рейтинг дистрибутивной справедливости.

2. Степень соответствия между предпочитаемыми респондентами нормами справедливости и теми, которые они используют при оценке конкретного правового решения, определялась путем сравнения ответов на первый и второй вопросы.

3. Определение того, какие нормы оказывают значимое влияние на оценку справедливости правовых решений, проводилось путем сравнения результатов оценки правовых решений, при принятии которых были соблюдены нормы справедливости, с теми, при вынесении которых они не были соблюдены (второй вопрос). Значимость различий определялась с помощью U-критерия Манна–Уитни.

4. Для определения влияния выделенных факторов на важность норм дистрибутивной и процедурной справедливости также использовался U-критерий Манна–Уитни. При анализе влияния типа суждения (справедливость/несправедливость) использовались результаты ответов на первый вопрос, для определения воздействия типа правового решения — результаты ответов на первый и второй вопросы, а для выявления

эффектов наличия серьезных доказательств — результаты ответов на второй вопрос.

Описание и обсуждение результатов

Основные результаты проведенного исследования сводятся к следующему.

1. *Процедурная справедливость оказывает на оценку правовых решений несколько большее влияние, чем*

дистрибутивная. Это означает, что справедливость правового решения определяется не только характером наказания подозреваемого (подсудимого), но и особенностями той процедуры, которая использовалась при его вынесении (таблица 1), что соответствует результатам североамериканских и западноевропейских исследований.

2. *Все перечисленные нормы*, выделенные на основе анализа западноевропейских и североамериканских

Таблица 1

Важность норм дистрибутивной и процедурной справедливости

Использование при оценке решений	Предпочтение нормы
Уважение (3.0)	Полнота информации (3.12)
Однообразии процедуры (3.38)	Точность информации (законность) (4.25)
Нейтрализация предубеждений (3.8) Позитивность деятеля (3.84) Контроль за процессом (3.87)	Нейтрализация предубеждений (5.03)
	Контроль за процессом (5.62)
Усилия деятеля (намеренность) (3.93) Полнота информации (3.97) Активность потерпевшего (3.97) Контроль за результатом (3.99)	Беспристрастность (6.11) Позитивность деятеля (6.14) Способности деятеля (6.20)
	Однообразии процедуры (6.79)
Способности деятеля (4.22)	Активность потерпевшего (7.13) Потребности деятеля (7.14)
Потребности деятеля (4,58)	Контроль за результатом (7.37)
Беспристрастность (5,14)	Усилия деятеля (намеренность) (7.67)
Точность информации (законность) (5.41)	Уважение (8.19)
Процедурная справедливость в целом (3.92)	Процедурная справедливость в целом (5.77)
Дистрибутивная справедливость в целом (4.28)	Дистрибутивная справедливость в целом (6.73)

исследований, *оказывают значимое влияние на суждения о справедливости правовых решений* ($p < 0.01$). Подобное сравнение облегчается тем, что участниками как нашего, так и подавляющего большинства зарубежных исследований являются студенты университета.

3. *Предпочтение респондентами определенных норм справедливости не означает их использования при оценке конкретных правовых решений* (таблица 1). Это означает, что существуют нормы справедливости, применение которых респонденты считают необходимым и правильным, однако относительно редко (хотя и достаточно для того, чтобы влияние было статистически значимым) используют их при оценке справедливости конкретных правовых решений (нормы точности и полноты информации, беспристрастности). Вместе с тем существует ряд норм, которые, по мнению респондентов, не являются важными, однако активно используются ими при оценке справедливости конкретных правовых решений (уважение, однообразие процедуры и распределение по усилиям).

4. Основными факторами, оказывающими влияние на выбор норм дистрибутивной и процедурной справедливости при оценке правовых решений, являются:

– *справедливость/несправедливость вынесенного решения*: соблюдение двух норм (полноты информации и однообразия процедуры) признается более важным для вынесения справедливого правового решения, чем их несоблюдение — для вынесения несправедливого ($p < 0.01$). Вместе с тем важность трех других норм

(нейтрализации предубеждений, контроля за результатом и активности потерпевшего — $p < 0.01$) возрастает именно в случае их нарушения. Эти результаты являются показателем «несимметричности» представлений о справедливости в правовом контексте. В этой ситуации возникает вопрос о том, чем мотивируется мышление и поведение людей в правовой сфере: желанием восстановить справедливость или избежать несправедливости и связанных с ней негативных чувств? Вероятно, что в первом случае люди будут чаще следовать тем нормам, соблюдение которых связано с признанием справедливости правового решения, а во втором — тем, несоблюдение которых гарантирует признание его несправедливости;

– *тип правового решения*. Этот фактор определяет важность 8 из 13 норм справедливости ($p < 0.01$). В частности, результаты анализа использования норм при оценке конкретных правовых решений свидетельствуют о том, что (а) соблюдение норм контроля за процессом вынесения решения и результатом, нейтрализации предубеждений и беспристрастности оказывает большее влияние на оценку справедливости судебного приговора по сравнению с решением об аресте подозреваемого; (б) несоблюдение норм полноты и законности информации, а также активности потерпевшего оказывает большее влияние на вынесение решения об аресте. Любопытно, что при оценке справедливости судебного приговора акцент делается на соблюдении определенных норм, а при оценке решения об аресте, которое по условиям нашего исследования инициировалось

следователем,— на их нарушении. Причиной этого феномена, скорее всего, является структура обыденного правосознания, которая включает не только общие нормы и правила, но и скрипты событий (описание их последовательности и участников). В нашей стране публичное обсуждение случаев нарушения закона его представителями, как правило, касается действий работников милиции. Поэтому, оценивая решение об аресте, инициатором которого (по условиям нашего исследования) являлся работник правоохранительной системы, респонденты обращают большее внимание на нарушение принципов справедливости, в число которых входят и некоторые правовые нормы.

Результаты анализа предпочтения норм демонстрируют, что норма распределения по способностям

играет бóльшую роль при оценке решения об аресте, а законность информации, особенно ее несоблюдение,— при оценке судебного приговора;

— наличие серьезных доказательств вины подозреваемого/подсудимого. Характер доказательств оказывает влияние на важность нормы полноты информации: она возрастает при наличии серьезных доказательств ($p < 0.01$), что противоречит нашим ожиданиям. Возможное объяснение неожиданного влияния заключается в следующем: важность тщательного анализа всех возможных доказательств в условиях их большого количества связано со стремлением убедиться в правильности строгого приговора или ареста, тогда как при недостатке доказательств такие решения вообще не будут считаться справедливыми.

Литература

Гулевич О.А., Гольничик Е.О. Правосознание и правовая социализация. Аналитический обзор. М., 2003.

Гулевич О.А., Гольничик Е.О. Условия выбора норм дистрибутивной справедливости // Психологический журнал. 2004. № 3. С. 53–60.

Foster C.A., Rusbult C.E. Injustice and powerseeking // Personality and Social Psychology Bulletin. 1999. Vol. 25. P. 834–849.

Mitchell G., Tetlock P.E., Newman D.G., Lerner J.S. Experiments behind the veil: structural influences on judgments of social justice // Political Psychology. 2003. Vol. 24. P. 519–547.

Schmitt M., Eid M., Maes J. Synergistic person situation interaction in distributive justice behavior // Personality and Social Psychology Bulletin. 2003. Vol. 29. P. 141–147.

Гулевич Ольга Александровна, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет

Контакты: goulevitch@mail.ru

Гольничик Елена Олеговна, кандидат психологических наук, МГУ

Контакты: elena_go@mtu-net.ru

АНАЛИЗ МЕХАНИЗМОВ РЕШЕНИЯ РЕГУЛЯРНЫХ ЗАДАЧ

В.Ф. СПИРИДОНОВ, В.Ю. СТЕПАНОВ

Психологические механизмы решения мыслительных задач являются предметом оживленных теоретических и экспериментальных дискуссий (Брушлинский, 1979; Пономарев, 1999; Андерсон, 2002; Newell, Simon, 1972; Davidson, Sternberg, 1984; Metcalfe, Wiebe, 1987; Smith, 1995). К числу активно обсуждаемых относятся и те задачи, которые составляют явное большинство в школьных учебниках математики, физики, химии и других дисциплин. В соответствии с устоявшейся терминологической традицией эти проблемные ситуации должны быть названы *хорошо определенными*, поскольку для них четко сформулированы способы проверки правильности полученных решений (Пойа, 1976); *закрытыми*, подразумевающими фиксированное количество верных ответов, чаще всего один-единственный (Guilford, 1967); *неинсайтными*, т. е. процесс их решения последовательно приближает человека к цели, а ключевой момент озарения исключается; *задачами-описаниями*, которые в отличие от подлинных задач не сформулированы на языке той области знаний, средствами которой они могут быть решены (Фридман, 2001). Мы их будем называть *регулярными*, так как

они в своей структуре имеют регулярности определенного рода (например, устойчивые соотношения между данным и искомым или несомненную симметрию между частями условий, позволяющую составить группу однотипных уравнений и т. п.).

Отношение к этим проблемным ситуациям характеризуется определенной двойственностью. С одной стороны, они обладают всеми чертами мыслительной задачи и хорошо соответствуют известному определению А.Н. Леонтьева (1965)¹, с другой стороны, поддаются нормативному («культурному») способу решения (скажем, сводятся к составлению уравнения определенного вида), который известен заранее, что автоматически превращает их в репродуктивные или вообще лишает статуса задачи, сводя к материалу для отработки того или иного интеллектуального навыка. При этом в качестве механизмов их решения авторы предлагают разноплановые варианты интеллектуальных действий или операций (см., например: Давыдов и др., 1978; Фридман, 2001; Талызина, 1998; Пиаже, 2003; Ильясов, 1992; Langley, Simon et al., 1987) или операционально трактуемые специальные

---

¹Задача — это цель, поставленная в определенных условиях.

способности (Крутецкий, 1978). Авторы, придерживающиеся различных теоретических ориентаций, в ответ на вопрос, чему научились люди, которые успешно решают такого рода задачи, могли бы ответить: определенному набору интеллектуальных действий или операций.

Цель нашего исследования — экспериментальная проверка этого положения: действительно ли интеллектуальные действия или операции лежат в основе успешного решения регулярных задач. Для этого мы обратились к операциональному объяснению в духе Ж. Пиаже, предположив, что успешное решение опирается на владение равновесной группировкой операций. Подход этого автора обладает очевидным преимуществом: в нем в явном виде разработаны средства выявления соответствующих операторных структур, которые были использованы в ходе нашей работы. Выбранное для проверки положение определило содержание экспериментальных гипотез:

1. Испытуемые, обладающие равновесной группировкой преобразования линейных уравнений, решат предложенные задачи путем составления уравнений соответствующего типа.

2. Испытуемые, которые не смогут решить задачи путем составления линейного уравнения, не имеют равновесной группировки преобразований линейных уравнений².

В качестве материала для экспериментального изучения были использованы особые проблемные ситуации, которые в учебно-методической литературе называются текстовыми задачами по математике или текстовыми задачами на составление уравнений. Специфической особенностью этих задач является отсутствие алгоритма решения, т. е. отсутствие формализованных правил составления уравнения на основании текста задачи³. Мы выбрали несколько таких проблемных ситуаций, нормативным способом решения которых является составление линейного уравнения (или системы линейных уравнений).

Методика и процедура

Процедура эксперимента включала две стадии: 1) диагностики сформированности у испытуемых группировки операций, необходимых для преобразования и решения линейных уравнений, и 2) решения экспериментальных задач.

---

²Сформулированные в такой форме гипотезы связаны между собой. Первая опирается на правило совершения дедуктивного вывода, которое носит название *modus ponens*. (Оно имеет следующую форму: «Если А, то В. А верно. Следовательно, В»). Вторая связана с *modus tollens*. (Его форма: «Если А, то В. В неверно. Следовательно, А неверно»). Их комбинация позволяет предсказать все возможные исходы, вытекающие из теоретического предположения о том, что в основании успешного решения задачи лежит владение соответствующей равновесной группировкой.

³Авторы учебных пособий по математике часто прямо указывают на это обстоятельство: «Как правило, основная трудность при решении текстовой задачи состоит в переводе ее условий на математический язык уравнений. Общего способа такого перевода не существует» (Мирошин и др., 2002, с. 206).

На стадии диагностики испытуемым предлагалось решить несколько арифметических примеров, уравнений и выполнить специальное задание по преобразованию уравнений. Все примеры были сконструированы на основе четырех аксиом Ж. Пиаже для математических групп: композиции $x+x'=y$, $y+y'=z$; обратимости $y-x=x'$, $y-x'=x$; ассоциативности $(x+x')+y'=x+(x'+y')=z$, общей идентичной операции $x-x=0$, $y-y=0$, а также нескольких более простых групп операций. Каждый испытуемый получал следующий набор заданий для индивидуального решения:

1. Вычисли:

$$\begin{aligned} 5 \times (13-6) - (13-6) = \\ (17 \times 5) / (5 \times 17) = \\ (2 \times 8 \times 5 + 12 + 4 + 8) / 4 = \end{aligned}$$

2. Реши уравнение:

$$\begin{aligned} (27-x) + (10-x) = 27 \\ 18+x = 6 \times (10-x) \\ x/2 + 2 = x - 2 \end{aligned}$$

3. Дано уравнение: $18+x=6 \times (10-x)$

Ниже записаны уже измененные левые части этого уравнения. Допиши правые части уравнения так, чтобы полученное уравнение было таким же (тождественным), как уравнение $18+x=6 \times (10-x)$.

$$\begin{aligned} 6 \times (10-x) - x = \\ 6 \times (10-x) - 18 = \\ 6 \times 10 - 6 \times x = \\ 6 \times (10-x) - 16 = \\ 6 \times (10-x) - 21 = \\ 18+x-6 \times (10-x) = \\ 6 \times (10-x) - (18+x) = \end{aligned}$$

Затем испытуемым предлагались для решения три экспериментальные задачи. Порядок предъявления был следующий:

1. Мать, сын и дочь израсходовали вместе некоторую сумму. Причем

мать и сын израсходовали вместе 22 рубля. Сын и дочь вместе 15 рублей. А мать и дочь вместе 20 рублей. Сколько израсходовал каждый из них в отдельности?

2. Имеются кролики и клетки. Если в каждую клетку посадить по одному кролику, то один кролик останется без места. Если в каждую клетку посадить по два кролика, то одна клетка окажется пустой. Сколько имеется кроликов и сколько клеток?

3. У мальчика столько сестер, сколько братьев, а у его сестры вдвое меньше сестер, чем братьев. Сколько братьев и сестер у мальчика?

Если испытуемые не могли самостоятельно составить линейное уравнение или систему, им предлагалось решить задачи методом подбора. Решения такого рода исключались из последующей обработки. Всего было получено 57 протоколов решения.

Испытуемыми были 19 студентов РГГУ обоего пола в возрасте от 20 до 26 лет.

Результаты и обсуждение

Успешность решения задачи № 1 — 58% (11 из 19), задачи № 2 — 21% (4 из 19), задачи № 3 — 26% (5 из 19).

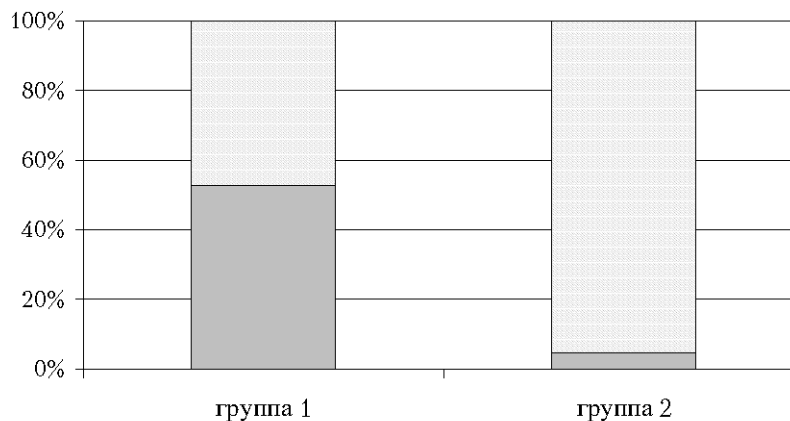
По результатам диагностической части процедуры испытуемые разделились на две группы: в группу 1 попали те из них, кто продемонстрировал наличие равновесной группировки, т. е. сделал в диагностических заданиях не более одной ошибки (12 человек — 36 протоколов решения), в группу 2 — допустившие две и более ошибок в заданиях (7 человек — 21 протокол решения).

Как видно на рис. 1, представители группы 1 смогли успешно решить

Рисунок 1

**Успешность решения экспериментальных задач
(группа 1 – испытуемые, владеющие группировкой;
группа 2 – испытуемые, не владеющие группировкой)**

не решил	17	20
решил	19	1

предложенные задачи посредством составления линейных уравнений в 53% случаев, представители группы 2 — в 5% случаев (всего одна решенная задача на 21 протокол). Таким образом, экспериментальная гипотеза 1 не подтвердилась. Также не выдержала проверки и гипотеза 2.

Полученная структура результатов целиком противоречит представлениям о решающем вкладе операторных структур в успешное решение анализируемого типа задач: наличие группировки не позволяет предсказать положительный результат решения, а отрицательный результат не гарантирует ее отсутствия. Таким образом, можно утверждать, что наличие равновесной группировки по преобразованию уравнений является **необходимым, но не достаточным условием** успешного решения текстовых

задач на составление линейных уравнений, т. е. ее отсутствие делает успешное решение невозможным, но ее наличие его не гарантирует.

Этот вывод наталкивается на два контраргумента, ставящих под сомнение валидность экспериментальной методики.

1. *Испытуемые, не решившие задачи, не понимали их условий.* Это предположение очевидным образом не соответствует полученным результатам: все испытуемые обеих групп, которым предлагалось решить задачи № 2 и № 3 методом подбора, успешно справлялись с этим заданием. Однако, даже зная численное значение ответа, они не могли составить правильное уравнение.

2. *Методика эксперимента не является доказательной, так как, в явном виде проверяя наличие операций*

по преобразованию уравнений, игнорирует операции по их составлению на основании текста задачи. Этот аргумент также не представляется состоятельным. Даже если такие интеллектуальные операции существуют (хотя об их существовании не подозревают даже профессиональные математики (см. сноску 3)), они должны приводить на одной и той же выборке испытуемых к примерно одинаковому проценту правильных решений тех задач, которые решаются уравнениями одного вида. Это также противоречит полученным результатам: успешность решения задачи № 1 более чем вдвое превосходит процент правильных решений задачи № 2 или № 3.

Таким образом, вопрос о необходимых условиях успешного решения

регулярных задач остается открытым. Как показывают полученные экспериментальные результаты, наличие соответствующих групп операций является необходимым, но не достаточным условием успеха. Вопрос о том, чему же научились успешные решатели регулярных задач, остается без удовлетворительного ответа. По-видимому, его поиски должны быть связаны с анализом разноплановых (а не только операторных) мыслительных механизмов, направленных на раскрытие психологической (в противовес предметной, математической или логической) структуры обсуждаемых задач, т. е. тех регулярностей, которые в значительной мере и определяют особенности процесса решения в данном случае.

Литература

- Андерсон Дж.Р. Когнитивная психология. СПб., 2002.
- Брушлинский А.В. Мышление и прогнозирование. М., 1979.
- Давыдов В.В., Эльконин Д.М., Маркова А.К. Основные вопросы современной психологии детей младшего школьного возраста // Проблемы общей, возрастной и педагогической психологии. М., 1978. С. 180–205.
- Ильясов И.И. Система эвристических приемов решения задач. М., 1992.
- Крутецкий В.А. Исследование специальных способностей, их структуры и условий формирования и развития // Проблемы общей, возрастной и педагогической психологии. М., 1978. С. 206–221.
- Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. М., 1965.
- Мирошин Н.В., Баскаков А.В., Михайлов П.А. и др. Математика: сборник задач с решениями для поступающих в вузы / Под ред. В.М. Говорова, Н.В. Мирошина. М., 2002.
- Пиаже Ж. Психология интеллекта. СПб., 2003.
- Пойа Д. Математическое открытие. Решение задач: основные понятия, изучение и преподавание. 2-е изд.— М., 1976.
- Пономарев Я.А. О понятии «психологический механизм решения творческих задач» // Психология творчества. М.; Воронеж, 1999. С. 286–304.

Талызина Н.Ф. Педагогическая психология. М., 1998.

Фридман Л.М. Основы проблемологии. М., 2001.

Davidson J.E., Sternberg R.J. The role of insight in intellectual giftedness // *Gifted Child Quarterly*, 1984. 28. P. 58–64.

Guilford J.P. The Nature of Human Intelligence. NY: Scribner, 1967.

Langley P., Simon H.A., Bradshaw G.L., Zytkow J.M. Scientific discovery: Computational exploration of the creative

process. Cambridge, MA: MIT Press, 1987.

Metcalfe J., Wiebe D. Intuition in insight and noninsight problem solving // *Memory and Cognition*, 1987. 15 (3). P. 38–246.

Newell A., Simon H. A. Human problem solving. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall, 1972.

Smith S. Getting into and out of mental ruts: A theory of fixation, incubation and insight // R.J. Sternberg, J.E. Davidson (eds.). *The nature of insight*. Cambridge, MA: MIT Press, 1995. P. 229–251.

Спиридонов Владимир Феликсович, Российский государственный гуманитарный университет, кандидат психологических наук

Контакты: vfs@supernet.ru

Степанов Вячеслав Юрьевич, Российский государственный гуманитарный университет, студент

Обзоры и рецензии

Психология человеческой силы: Фундаментальные вопросы и направления развития позитивной психологии / Под ред. Л. Аспинуолл и Ю. Стодингер.

A psychology of human strengths: Fundamental questions and future directions for a positive psychology / Ed. by Aspinwall L.G., Staudinger U.M. Washington: APA Books, 2003.

Рецензируемая книга представляет собой внушительный сборник статей, посвященных широкому кругу психологических проблем. В предисловии редакторы посчитали своим долгом обозначить наиболее крупные разделы психологии, которые затрагиваются в книге: *познание, суждение, интеллект; креативность, выдающиеся достижения, мудрость; развитие и взросление; эмоции; здоровье и благополучие; культура и социальные институты; личность; социальные отношения.*

Что может объединять столь разные области психологической науки? Ответ авторов и редакторов сборника — позитивный взгляд на человека, его природу, развитие, деятельность, отношение к миру, себе и другим. Сторонники позитивного подхода противопоставляют себя

традиционной психологии, которая, на их взгляд, была посвящена человеческим слабостям, болезням, негативным состояниям. *Позитивная психология* ставит своей целью изучение человеческих сил, здоровья и благополучия, призывает исследовать такие состояния, как радость, надежда и любовь. В практическом плане декларируется, что нужно не лечить, реабилитировать и восстанавливать, а предотвращать, готовить к преодолению трудностей, развивать и трансформировать внутренние силы человека. Новое направление берет курс на целостное рассмотрение личности, отказываясь от традиционного выделения психических функций и характеристик. Делаются серьезные шаги методологического характера, в частности, обосновывается изменение соотношения между

субъективными и объективными критериями в психологических исследованиях, при этом субъективные показатели занимают подобающее место в ряду научных доказательств.

Среди авторов сборника имена таких известных ученых, как Д. Канеман, Б. Сингер, К. Риф, Д. Сирс, Д. Стоколс, Д. Магнуссон, Д. Гриффин, Р. Стернберг, М. Чиксентмихали и многих других. Они представляют университеты США, Германии, Канады, Италии, Швеции, Испании. Это показывает, что позитивная психология набирает вес в современном научном континууме, и акценты психологических исследований действительно смещаются в сторону позитивных сил человека, его творческого потенциала, свершений, стратегий преодоления трудностей и собственных слабостей.

Один из авторов сборника — Р. Фернандес-Баллестерос — приводит интересные данные о времени зарождения нового научного направления — позитивной психологии — на примере психогеронтологии. Резкое увеличение количества публикаций, касающихся человеческих сил, приходится на 1980-е гг., а в 1990-е и 2000-е тенденция продолжается. Правда, нужно отметить, что многие авторы сборника считают, что позитивная психология не так уж нова, а старая психология не так уж негативна. Н. Айзенберг и В. Ота Вонг указывают, что исследования просоциального поведения, эмпатии, социальной компетентности и субъективного благополучия имеют достаточно долгую историю. В своей статье они подчеркивают важность такого поведения для общественной жизни и мирного сосуществования. Л. Кар-

стенсен и С. Чарльз утверждают, что специалисты в области геронтологии давно пришли к тому, чтобы перестать рассматривать пожилой возраст как возраст потерь, негативных изменений, депрессивных состояний, и сфокусировались на «успешном старении». Таким образом, можно считать, что геронтология проложила путь позитивной психологии.

В книге уделяется много внимания общим методологическим вопросам и понятийной структуре новой науки. Она открывается статьей Л. Эспинуол и У. Стодингер, в которой предпринята попытка глобального теоретического анализа нового направления. Обсуждаются природа человеческих сил и подходы к их определению. Силы человека можно рассматривать как с точки зрения взаимодействия человека со средой, так и с точки зрения механизмов функционирования. К ним можно относиться как к характеристикам и как к процессам. Важным является вопрос осознанности и произвольности использования сил. К сожалению, все существенные вопросы, которые были поставлены в статье, остаются без однозначного ответа.

Если подойти к силам человека как к индивидуальным характеристикам, то нужно говорить об интеллектуальности, оптимизме, личностном потенциале и устойчивости, обо всем том, что ассоциируется с высокими жизненными достижениями. Но авторы считают, что диспозиционального подхода явно недостаточно и следует описывать человеческие силы как процессы, разворачивающиеся во времени и во взаимодействии с социальной и материальной средой. Большое значение в формировании этих сил

играет взаимодополнение позитивного и негативного жизненного опыта.

Среди базовых принципов позитивной психологии стоит отметить социальный оптимизм. Во многих статьях подчеркивается социальный характер человеческой природы и человеческих сил. В статье Э. Бершейд обосновывается тезис о том, что главная сила человека — во взаимодействии с другими людьми. Особое внимание уделяется такому чувству, как любовь. Критике подвергается традиционная психология эмоций за то, что эмоции в большинстве случаев рассматриваются в отрыве от социального взаимодействия. В статье Д. Фрея, Е. Йонас и Т. Грейтмайера находит свое место идея развивающего характера социальных интервенций.

Кроме этого, в рамках позитивной психологии реализуется принцип активности личности. В статье П. Балтса и А. Фрейнд предлагается рассматривать человеческие силы не как набор специфических черт, но как знание о фундаментальной прагматике жизни и применение этого знания в процессе управления собственной жизнью, в формировании стратегий выбора, оптимизации и компенсации. Это знание и его использование называется мудростью. Ч. Карвер и М. Шейер также полагают, что главной силой человека является развитие личности, которое происходит в процессе взаимодействия со средой. Под понятием человеческой силы большинство людей понимают способность противостоять невзгодам, находить пути преодоления препятствий, удерживать свои позиции в изменяющихся или негативных обстоятельствах. Однако

сила человека и в том, чтобы изменять мир и обстоятельства в нужном для себя направлении. Настойчивость в достижении целей является силой, но силой является и отказ от достижения целей, если он сопровождается выбором новых целей, лучшим пониманием себя и обстоятельств.

В. Капрара и Д. Червоне полагают, что для психологии человеческой силы центральным является понятие личности как действующей саморегулирующейся системы. В качестве основной силы человека они позиционируют способность к саморефлексии и осознанию. Благодаря этой силе возникает способность управлять собственной жизнью и приспосабливаться к быстроизменяющемуся миру. Близкие взгляды развивает Н. Кэнтон. Она считает, что силы человека проявляются в том, как он думает, что пытается делать и каким образом использует социальный и предметный контекст для достижения цели. В ее статье анализируются проблемы психологии индивидуальных различий. Указывается, что в этой области психологии следует обращать внимание не на достижения человека, а на его путь к этим достижениям, усложнять структуру индивидуальности, а не упрощать ее, искать не постоянство, а изменчивость и новизну, рассматривать индивидуальность не изолированно, а в рамках социального контекста.

Большое количество работ в сборнике посвящено эмоциям и субъективным переживаниям человека. В упоминавшейся выше статье Р. Фернандеса-Баллестероса указывается, что развитие позитивной психологии связывается с резким увеличением

интереса к исследованию субъективного благополучия (well-being). Показательным в этом смысле является название статьи Э. Изен «Позитивный аффект как источник человеческой силы». Однако некоторые авторы (Ларсен и соавт.) указывают, что и переживание негативных эмоций может иметь положительное значение.

Похожие взгляды можно найти и в статье Дж. Накамуры и М. Чиксентмихали, в которой анализируются мотивационные источники креативности. Системная модель описывает креативность как взаимодействие трех уровней или компонентов, таких, как индивидуальные инновации, творческий вклад в культуру и социальная оценка этого вклада. Авторы считают, что если рассматривать мотивацию только как дефицит или нужду и не учитывать такие мотивы, как радость творчества, то остается непонятным, почему люди готовы рисковать и предпочитать неизвестность славе. Креативность не следует рассматривать только как трансформацию нарциссизма. Истинно творческие люди работают ради социально значимых целей, делают существенный вклад в культуру, и этот вклад получает достойную оценку. Однако нельзя не учитывать и интерперсональный взгляд на творчество, согласно которому оно произрастает из нехватки любви, признания, самоуверенности и неудовлетворенности других потребностей. Человеческое поведение включает позитивные и негативные аспекты, и важно понять их сущность и взаимодействие.

Ряд интересных идей высказан и по поводу исследования и диагностики мышления. В статье Р. Стерн-

берга обосновывается теория «успешного интеллекта», который определяется комплексом аналитических, креативных и практических умений и навыков, необходимых для достижения жизненного успеха. Формулируются три принципа, которые могут ввести исследования интеллекта в рамки позитивной психологии. Во-первых, за каждым человеком закрепляется право самостоятельного определения характеристик успеха независимо от тех, которые существуют в социуме. Во-вторых, необходимо признать, что люди не только адаптируются к среде, но также формируют и выбирают ее. В-третьих, нужно учитывать, что люди добиваются успехов во взаимодействии со средой, накапливая силы и компенсируя слабости.

Д. Гриффин и Д. Канеман полагают, что создание новой психологии требует большего, чем простые декларации и призывы к позитивному взгляду на психику. Программа эвристики и смещений (heuristics & biases), реализуемая Д. Канеманом и А.Тверски, прекрасно укладывается в рамки позитивной психологии. Она демонстрирует, что в повседневной жизни люди часто принимают решения не на основании формальной логики, а на основании доступности или наглядности тех или иных представлений. Однако авторы статьи не склонны противопоставлять рациональное и интуитивное мышление и делать выбор в пользу последнего, как это часто делают приверженцы позитивной психологии. С их точки зрения, креативность, спонтанность и другие замечательные силы человеческого мышления интегрируются в способность

порождать мнения, предчувствия и даже мечты – например, отправиться на Луну. Социальная система формального мышления – не менее замечательная сила человека. Она основывается на тысячелетней интеллектуальной традиции и обеспечивает проверенные основания для мнений и предчувствий, а также средства для того, чтобы превратить те же полеты на Луну в реальность. Перспектива сделать мышление человека чуть более точным не так уж плоха. В этом стремлении человек не обязательно впадет в безысходность или отчаяние (как образно назвал свою статью Р. Стернберг), напротив, он может

открыть новые горизонты. Оптимальный путь психологических исследований – это путь поиска взаимодополнения двух систем принятия решений на основе и интуиции, и формальной логики.

Такой осторожный и одновременно творческий подход к новым тенденциям в психологии представляется наиболее оптимальным. Следует не ставить крест на традиционной психологии, забрасывать традиционные области и методы исследования, а расширить наши представления о психике, искать новые приемы ее изучения и развития – задача, несомненно, достойная.

И.В. Блинникова, Московский государственный лингвистический университет, доцент

Контакты: blinnikovamslu@hotmail.com

Э.М. Эллис. Войны разводов. Работа с семейным конфликтом.

E.M. Ellis. Divorce Wars. Interventions with Families in Conflict. Washington, DC: American Psychological Association, 2000.

Психологические причины современного развода

Феномен развода — многоаспектное явление (в частности, его можно рассматривать как психологический и одновременно как правовой процесс), для изучения которого требуется междисциплинарный подход. Такой подход представлен в последней книге известного американского психолога Э.М. Эллис.

В работе подробно рассматривается влияние развода на детей. В первой главе обсуждается, как влияет развод на мальчиков и девочек, на детей разного возраста, а также на поведение детей и их родителей во вторых браках и т. д. Во второй главе изучается влияние конфликта между родителями на психологический статус детей в период развода и после него. Седьмая глава посвящена вопросу о том, какие психологические проблемы детей порождаются конфликтами разводящихся родителей; здесь описываются реакции ребенка на враждебные отношения между родителями, особенно в связи с запретами на общение с одним из них. В восьмой главе подробно описывается «синдром отдаленного родителя» (parental alienation syndrome).

Автор анализирует большое количество исследований, показываю-

щих, что развод в два раза увеличивает риск появления эмоциональных и поведенческих отклонений у детей. Поскольку количество разводов увеличивается с каждым годом, эмоциональному состоянию родителей и детей в таких семьях следует уделять особое внимание. Развод и повторный брак негативно отражаются на детях. В то же время для современной психологии остается открытым вопрос о том, какая среда менее комфортна для ребенка — семья с одним родителем или семья с конфликтующими родителями.

Исследования показывают, что разведенные родители менее нежны со своими детьми, уделяют им меньше времени, менее психологически доступны из-за необходимости выполнения других социальных ролей. Дочери-подростки разведенных родителей более склонны к беспорядочным половым связям, а мальчики (если их воспитывают матери) оказываются более феминными. Развод ведет к снижению экономического уровня семьи, в которой воспитывается ребенок. Одинокий родитель больше работает и, таким образом, не может уделять ребенку достаточно внимания. Это приводит к тому, что

ребенок больше времени проводит на улице со всеми ее опасностями — преступностью, алкоголем, наркотиками, преждевременным и небезопасным сексом. Дети, как правило, страдают от ситуации развода неосознанно, а их переживания проявляются в неадекватности поведения, нехватке обыденного опыта социально-психологического взаимодействия, а также в недостаточной степени социализации.

При рассмотрении влияния развода на самих супругов описываются такие негативные психологические явления, как реакции горя, обвинения бывшего партнера, чувство собственной вины за неудачный брак, чувство незащищенности перед лицом социальных, экономических и психологических проблем, социальная изоляция и т. д. Так почему же взрослые люди часто относятся к проблеме развода с деланным спокойствием? Вероятно, потому, что защищаются и успокаивают себя (в девятой и десятой главах обсуждается, как повторный брак может «запустить» родительскую психопатологию). У таких родителей чаще наблюдается ригидный стиль мышления, дефицит интерперсональных навыков общения, они сосредоточены на самих себе более, чем на своих детях. Разводы повышают вероятность депрессии и других эмоциональных проблем у родителей. Все это в конечном счете ведет к тому, что ребенок воспитывается в психологически небезопасной и нестабильной среде.

В книге подробно обсуждается психология опеку́нства в соотношении с его правовыми аспектами. Автор показывает, что матери и отцы не только имеют разные права в отно-

шении постразводной опеки, но и различаются по своим психологическим установкам. Пятая и шестая главы посвящены историческому обзору юридических оснований, используемых для назначения опекуном кого-то одного из родителей. В связи с этим представлен обзор литературы о взаимоотношениях родителей друг с другом и с ребенком, а также о конфликтных ситуациях, возникающих на почве развода и ограничений в общении ребенка с каким-то одним из родителей. Рассматриваются случаи, когда конфликты возникают в связи с проблемой посещения, — например, когда мать противится встречам ребенка с отцом. В связи с этим обсуждается вопрос: «Кто такой хороший родитель?», который может иметь не только прикладное (в контексте психологии опеку́нства), но и общетеоретическое значение для современной психологии (в частности, для такого ее новейшего раздела, как позитивная психология).

В этом контексте интересны анализируемые автором исследования семей с детьми с отклоняющимся поведением, которые проводились начиная с 40-х годов прошлого века, а также исследования родительского поведения хронических алкоголиков и индивидов, осужденных за насилие. Автор приводит ряд характеристик негативного родительского поведения: непредсказуемость, импульсивность и др. Показано, что в неблагоприятных семьях велика вероятность отвержения родителями детей, невнимания к их друзьям и к их внешкольной деятельности, просто плохого физического ухода за ними. Психологическая атмосфера в таких семьях характеризуется как

хаотичная, напряженная, с частыми агрессивными стычками (как между самими родителями, так и между родителями и детьми). Такие родители непоследовательны в установлении дисциплины: то игнорируя явно неадекватное поведение ребенка, то наказывая его за малейшие провинности, они не могут пойти на компромисс в удовлетворении собственных потребностей для удовлетворения потребностей ребенка.

Изучая характеристики родителей детей, добившихся успеха (неформальных лидеров в их классах, любимцев учителей), детские психологи и выделили так называемый «авторитетный родительский стиль» (authoritative parenting style, не путать с авторитарным!). Термин был введен Д. Бумрид в 1971 г. для характеристики таких родителей, которые задают ясные границы детско-родительских отношений, одновременно поддерживая детскую независимость и индивидуальность. Приводятся результаты ряда исследований, в которых показано, что родители с авторитетным стилем воспитания устанавливают сильные позитивные эмоциональные связи со своими детьми, а дети в таких семьях всегда уверены, что их любят. Такие родители интересуются жизнью детей, много знают о ней и, таким образом, чувствительны к их потребностям; они достаточно образованы в области возрастной, детской и педагогической психологии; они открыто и эмпатично общаются с детьми; они гибки и действуют в соответствии с требованиями конкретной ситуации воспитания. Хорошие родители уверены в себе и в своих детях, четко разделяют

свои потребности и потребности детей, у них хорошие навыки общения и, как правило, общий позитивный настрой.

В одиннадцатой и двенадцатой главах обсуждаются актуальные общие и этические проблемы развития данной области, перспективы внедрения психолого-практических программ для родителей и детей, а также программ посредничества при разводе. В книге описываются различные клинические случаи и даются рекомендации клиническим психологам.

Автор книги подчеркивает, что многое зависит от того, какими были отношения родителей в браке, насколько мирно они прошли весь процесс развода и как это отразилось на отношениях детей с обоими родителями после развода. Э.М. Эллис считает, что нужно развивать систему служб помощи супругам, у которых появляются проблемы в браке. По мнению автора, многих бед можно избежать, если обратиться за помощью к специалисту, не доводя дело до судебных тяжб. Хотя сейчас инициаторами развода все чаще становятся женщины, именно у них возникает больше проблем после развода. Если опекуnderшей назначают мать, то теперь именно она должна думать о том, как содержать детей. Она, как правило, вынуждена работать и не может проводить много времени с детьми. Таким образом, возникают новые проблемы, связанные с эмоциональной сепарацией ребенка и матери. Нередко матери вынуждены оставлять детей с отцами, так как работают полный рабочий день. Поэтому, чтобы еще больше не травмировать детей, родители должны улаживать собственные конфликты. Некоторые родители признаются, что

после развода они стали относиться друг к другу лучше, чем когда состояли в браке.

В книге выделяются наиболее значимые социальные и психологические факторы развода, рассматривается роль личностных качеств супругов, внутренних сценариев, гендерных различий, удовлетворенности браком, влияние родительских семей и т. д. Автор ставит вопросы о том, нужно ли пытаться предотвратить

развод, и если да, то кто должен это сделать, о роли религии в профилактике развода.

Бракоразводный процесс во многих странах мира становится все более обычным и привычным событием, и наша страна не является исключением. Поэтому было бы полезно, если бы и в России на основе отечественного культурно-исторического контекста издавались книги, подобные рецензируемой.

Шапиро Александр Захарович, Институт развития дошкольного образования РАО, старший научный сотрудник

Контакты: shapalex@mail.ru

Крюковская Екатерина Андреевна, ООО «Кварц», руководитель отдела кадров

Контакты: teinkarni@mail.ru

Шульгина Анастасия Сергеевна, ООО «Акватэк», менеджер по работе с клиентами

Контакты: gumata480@mail.ru

SUMMARY OF THE ISSUE

Theory and Philosophy of Psychology

V.F. Petrenko. Psychosemantic of the Person's Image of the World

Traced back to Kant, the problem of the person's image of the world can be formulated in terms of the categories of consciousness, in which the knowing subject shapes his/her experience. It is a complex structure that includes cognition, emotions and values. The person's image of the world determines behaviour and it reflects on personal development and meaning acquisition. It can be viewed through the categories of the uncompleted being and destiny. The article discusses psychosemantic techniques of analysing the person's image of the world and describes experiments with hypnosis.

Theoretical and Empirical Research

G.V. Ivanchenko. Strategies of Professional Self-identification and Representations of Professionalism

Speaking of professional self-identification, we usually refer to a secondary-school graduate choosing a job or education. In this article, professional self-identification is about choosing a job after graduating from an university or a high school — a stage of life which is no less important. The article presents results of an empirical study of female graduates from technical schools, teachers' colleges and universities, in Moscow as well as in the provinces. The author analyses their strategies of

professional self-identification and implicit conceptions of professionalism.

Special Theme of the Issue. Existential Psychology and Psychotherapy: Towards Viktor Frankl's Centenary

A. Längle. Man's Search for Meaning

The article describes life, work and personality of Viktor Frankl, one of the most important Twentieth-century psychologists and a founder of existential analysis and logotherapy. The article helps reassess Frankl's contribution to psychology and provides an insight into his unique personality.

A.B. Orlov, V.B. Shoumskij. Noetic Dimension of Human Being: Viktor Frankl's Contribution to Psychology and Psychotherapy

In contrast with the majority of psychologists who base their theories on the division between the physical and the psychical, Frankl uses the division between the physical, psychical and the noetic. This is crucial for both psychological theory and practice (therapy and counselling). The article demonstrates in what way the key logotherapy techniques, paradoxical intention and de-reflection, are determined by Frankl's theoretical constructions. The authors argue that Frankl's contribution consists in developing a new philosophy of psychotherapy, and not only in elaborating new techniques. This philosophy accentuates the

noetic dimension of a human being, the dimension of his or her essence and existence. A passage from the traditional therapy – linked exclusively to the psychophysical level of humanity – to the new one is a step towards a therapy which helps people experience themselves as noetic beings.

A. Längle. A Therapeutic Case of Finding One's Own Self: The Method of Personal Existential Analysis

Existential Analysis, a psychotherapeutic approach derived from existential philosophy, intends a life with inner consent. This implies activating the authentic personal will (freedom) and responsibility. The method used for that purpose is «Personal Existential Analysis». It defines three steps which help to find the resources of the innermost (intimate) person and its individual way to expression in a defined situation. A practical application is shown in the verbal transcript of a therapeutic conversation supplemented by explanatory commentaries about the therapeutic process itself.

A. Längle, S.N. Zaitsev, V.B. Shoumskiy. Existential Analysis in the Practice of Telephone Psychological Counselling

The article briefly describes theory and methodology of the contemporary existential analysis: the conception of four fundamental existential motivations, methods and techniques for counselling and therapy. Case examples and statistical data quoted show that existential analysis can be effectively used in working by phone with the wide range of cases, and its efficiency is comparable with that of face-to-face counselling.

Work in Progress

M.D. Bugaeva. Intelligence and Suggestibility

The article deals with the mechanisms of suggestibility in connection with psychometric intelligence. The author hypothesises that the connection between intelligence and suggestibility is mediated by the structure of personal representations. In terms of cognitive theories, the person's representations of the world are a net or a space that includes numerous elements linked to each other in various ways. It can be expected that more intellectually gifted people would have a wider range of causal connections. If this is true, in the higher intelligence cases, altering one element of the representation system would cause changes in a more distant element of the system. On the opposite, in the cases of a relatively low intelligence, altering one element of the representation system would cause changes of closer elements. The study has been conducted to test this hypothesis.

O.A. Gulevich, E.O. Golynchik. Common Attitudes to the Fairness of Legal Decisions.

The purpose of the research is to examine 1) the role of norms of fairness in distribution and procedure in assessing legal decisions and 2) the factors which influence the choice of norms. The results demonstrate that all the norms of fairness in both distribution and procedure, which were revealed by the studies in Western Europe and North America, are equally effective in evaluating the fairness of legal decision by Russian respondents. Yet ascribing to the norms of fairness in procedure

---

appears more important than to the norms of fairness in distribution. The main factors influencing the choice of norms is the type of legal decision, the extend of its fairness and the presence of serious evidence of the suspect's guilt.

V.F. Spiridonov, V.Iu. Stepanov.
The Analysis of the Regular Problems Solving

This is an experimental study of psychological mechanisms of solving the so-called regular — that is, well-defined, closed, and noninsight problems

in algebra. The results show that the balanced grouping of operations (in terms of Jean Piaget), which is necessary for solving linear equations, cannot provide the needed mechanism of the regular problems solving. In the absence of this structure, this kind of problems cannot be successfully resolved. On the other hand, its presence does not yet guarantee success. This kind of grouping (as all similar psychological structures) is therefore a necessary but not sufficient condition of successful regular problems solving.

Журнал зарегистрирован 14.03.2005 в Федеральной службе по надзору за
соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране
культурного наследия.

Регистрационный номер ПИ № ФС 77–19534.

Подписано в печать 24.10.2005. Формат 70x100/16. Печ. л. 9.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Тираж 600 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «ГЕО-ТЭК».
г. Красноармейск, Московской области. Тел.: 584-16-23, 916-36-42.